

АЛЕКСАНДР
ГАЛШЧ

РОМАН
ПОВЕЩАНИЕ
ПОЭМА

АЛЕКСАНДР ГАЛШЧ

АЛЕКСАНДР ГАЛИЧ

НОВАЯ БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

*Гуманитарное агентство «Академический проект»
Издательство ДНК*

АЛЕКСАНДР ГАЛИЧ

*СТИХОТВОРЕНИЯ
И ПОЭМЫ*

Санкт-Петербург
2006

Редакционная коллегия

А. С. Кушнер (*главный редактор*),
К. М. Азадовский, Н. А. Богомолов, М. Л. Гаспаров,
А. К. Жолковский, А. Л. Зорин, А. В. Лавров,
И. Н. Сухих, Р. Д. Тименчик

*Вступительная статья, составление, подготовка текста,
и примечания В. БЕТАКИ*

Издано при финансовой поддержке Федерального агентства по
печати и массовым коммуникациям в рамках Федеральной
целевой программы «Культура России»

ISBN 5-7331-0305-1

© А. Архангельская, *тексты*, 2006
© В. Бетаки, *вступ. статья, состав,
примеч.*, 2006
© Гуманитарное агентство
«Академический проект», 2006

НАЧАЛОСЬ ВСЕ ДЕЛО С ПЕСЕНКИ...

И вот она, эта книжка,
Не в будущем, в этом веке!
Снимает ее мальчишка
С полки в библиотеке!
А вы говорили — бредни!
А вот через тридцать лет...

Пылится в моей передней
Взрослый велосипед.

(«Песня про велосипед»)

Те, кто выбраны, те и судьбы?!
Я не выбран. Но я судьба!

(«Вот пришли и ко мне седины...»)

Разговор о поэте естественно начинать с вопроса — «откуда он?» Вот как сам А. А. Галич говорит о своих корнях:

«Для меня всегда была, так сказать, троица в русской поэзии, если говорить о современной русской поэзии, то есть поэзии уже нашего времени, уже послеоктябрьской поэзии. Это Мандельштам, Анна Андреевна Ахматова и Пастернак. И ближе всего для меня, пожалуй, Пастернак, хотя я люблю его меньше остальных, меньше Ахматовой и Мандельштама. Но он мне ближе потому, что первым пробивался где-то к уличной, к бытовой, интонации... Именно то, что мне в поэзии наиболее интересно. Его поэзия для меня всегда, знаете, крик о помощи, и я не понимаю, когда начинают кричать какими-то непонятными звуками, и никто на помощь не придет, если ты будешь непонятен. Поэтому эти поиски Пастернаком бытовой интонации, когда в поэзии упоминается уличный язык, бытовой язык, для меня чрезвычайно важны, и я, в общем, считаю себя его учеником, хотя, повторяю, Ахматову и Мандельштама люблю как поэтов не то чтобы больше — тут нет этих степеней — они для меня совершенны, а Пастернак весь в движении. Мне никогда не хочется сделать лучше стихотворение Анны Андреевны или Мандельштама, а у Пастернака много раз хочется что-то переделать»¹.

¹ Из радиопередачи (цикл «У микрофона Галич», радио «Свобода», 1975 г.).

Ну, а если не только о XX веке говорить? И бегло проглядев век — уже позапрошлый! — мы натолкнемся на трех любимых поэтов Галича: это Н. А. Некрасов, Василий Курочкин (точнее — переведенный им П. Ж. Беранже) и А. К. Толстой.

С «музой мести и печали» Галича прежде всего роднит сочувствие к человеку, из сочувствия же неминуемо вытекает «гнев праведный» против людей и обстоятельств, давящих и унижающих этого человека. Отсюда весь социальный пафос поэта. Ко многим его произведениям можно было бы поставить эпиграфом блоковские строки:

Презрение созревает гневом,
А зрелость гнева есть мятеж.

А еще та «уличная, бытовая интонация», о которой говорит Галич, которая тоже идет не столько от Пастернака, сколько от Некрасова.

Если взглянуть на самый строй галичевских стихов, то почти все они окажутся очень напряженными по фабуле и невероятно краткими театральными пьесами. Но о «театре Галича» уже писал А. Силиявский, писал Е. Эткинд². Надо только отметить, что стихотворные, часто остросюжетные, повеллы Некрасова, имеющие больше общего с прозой, чем с драмой, — все же прямые предки галичевских.

С другой стороны, сама песенная форма этой драматургии, стремительное развитие сюжета напоминают первого из поэтов, писавших такие вот новеллы-сценки, Пьера Жана Беранже (замечательно — хотя и с несколько избыточной русификацией — переложенного Василием Курочкиным).

Есть нечто общее у Галича и с первым абсурдистом в русской поэзии — Козьмой Прутковым. Но Галичу близок не столько абсурд Пруткова, сколько накаленный, жестко структурированный, точный в деталях балладный стих Толстого. И вот он соединяет в себе несоединимое: Н. А. Некрасов и А. К. Толстой — литературные противники — но Галичу понадобились они оба.

² Совершенно прав Лев Аннинский, автор предисловия к сборнику стихов и песен А. Галича «Песня об отчем доме» (М., 2003), когда он отмечает, что стихи Галича — это «действие, разыгранное по законам одноактной пьесы, скетча, водевиля. В первом приближении это, конечно, так. Но надо еще эту "метонимию" положить на музыку стиха». О том, как это сделано Галичем, рассказано как в статье А. Силиявского (Абрама Терца) «Театр Галича» (Время и мы. 1977. № 14. С. 146—147), так и в статье Е. Эткинда «Человеческая комедия Александра Галича» (Континент. 1975. № 5. С. 405—426).

Галич, имя которого в послевоенные годы уже мелькало и в театральных афишах, и в титрах кино, стал знаменит в начале шестидесятых, когда магнитофоны разнесли по стране его песни. После того, как словно бы ниоткуда, на «пустом» месте возник Булат Окуджава³, появилось еще несколько представителей этого синтетического (можно сказать, и «синкретического») вида искусства. Поначалу их насмешливо прозвали «бардами». Позже насмешка из термина выветрилась.

Первой напала на них, испросив благословения властей, свора официальных «песенников» — композиторов и «текстовиков». Последние особенно злились: ведь «барды» не скрывали, что их «тексты» подозрительно похожи на стихи. А это задевало текстовиков, привыкших к тому, что им позволено писать километры зарифмованных строк, к стихам не имеющих никакого отношения! Провозглашалась даже почти официальная «доктрина», что песня, коли она песня, а не стихотворение, должна быть как можно проще. И вдруг, с легкой руки Окуджавы, стало ясно, что музыка-то в действительности отнюдь не требует, чтобы «слова» непременно были третьесортными стишатами.

«Тексты» некоторых бардов были стихами куда в большей степени, чем продукция не только поэтов-песенников, но и многих профессиональных стихотворцев, песен не писавших. Композиторы же издавна привыкли к тому, что в тандеме они важнее текстовиков. А у «этих» ведь явно доминируют стихи! Так что и композиторов барды тоже обидели.

Наверное, первым после Вертинского поставил музыку в подчинение стиху Булат Окуджава. А когда появился поэт Александр Галич и поэзия стала лишь «прикрываться аккомпанементом», официальные «поэты-песенники» заговорили о «нечестной игре», поняв, что гитара и магнитофон посерьезнее их жалких тиражей, даже «тройных массовых». («Есть магнитофон системы Яуза / вот и все, и этого достаточно»). А главное — те, кто на магнитофонах, — ведь они не зависят от издательств, редакций и прочих видов партийного контроля, так надежно защищавшего проверенных авторов от вторжения «чужих» в советскую литературу!

Впрочем, и среди взявших в руки гитару были настоящие поэты, а были и те, кого разумно называть именно «бардами». Поначалу разница не казалась очевидной; позднее все встало на свои места: Окуджава, Галич, Высоцкий, — с гитарами или без таковых — теперь воспринимаются безусловно как поэты, професси-

³ На самом деле, конечно, не на пустом, а, как сам он считал, «на стыке городского романса, вагонной песенки и эстетских романсов Вертинского» (из личного разговора. Париж, весна 1981 г.).

оналы в литературе. За теми же, чьи стихи без гитары, на книжной странице не выживают, — можно, пожалуй, оставить наименование барды.

Но в шестидесятые годы Галича еще называют «бардом». Вот что он сам об этом говорит: «Популярным бардом я не являюсь... Я поэт. Я пишу свои стихи, которые только притворяются песнями, а я только притворяюсь, что их пою.

Почему же вдруг человек немолодой, не умея петь, не умея толком аккомпанировать себе на гитаре, все-таки рискнул, и стал этим заниматься?

Наверно, потому, что всем нам — и там, и здесь — слишком долго вдали хорошо поставленными голосами. Пришла пора говорить правду. И если у тебя нет певческого голоса, то, может быть, есть человеческий, гражданский голос. И, может быть, это иногда важнее, чем обладать бельканто»⁴.

...

В 1988—1990 годах о Галиче в основном писали, что «стихам его повезло больше, чем их автору, — они возвратились на родину». К этому расхожему утверждению сводился весь разговор о нем. К сожалению, многие до сих пор смотрят на Галича как на явление прежде всего политическое, «диссидентское», игнорируя его поэтическую сущность. О поэте и поэтике забыли. (Нечто подобное случилось ведь и с Некрасовым).

Обратимся же к поэту Галичу с его человеческими, а не идеологическими достоинствами, с его поэтическими, а не политическими ценностями.

Представляется не случайным, что обстоятельная статья Натальи Рубинштейн — одна из первых статей о творчестве Галича, называется «Выключите магнитофон, поговорим о поэте». «Галич воистину создал "энциклопедию русской жизни" советского периода; он перебрал все жизненные коллизии и все эмоциональные ситуации. Параллель с "Евгением Онегиным" в оценке Белинского не должна никого смущать. Какое время — таков и эпос» — пишет Н. Рубинштейн⁵.

Речь о поэтическом мастерстве Александра Галича имеет смысл начать с разговора о рифмах. О них еще относительно недавно полагалось говорить в последнюю очередь, поскольку по официальному советскому регламенту «содержание» было важнее «формы». Мы же, повторив за Е. Г. Эткиндоном, что «В поэзии все без

⁴ На концерте во Франкфурте, июнь 1974 года. Первое выступление поэта на Западе (с моей магнитофонной записи этого концерта — В. Б.).

⁵ Время и мы (Тель-Авив). 1975. № 2. С. 168.

исключения оказывается содержанием — каждый даже самый ничтожный элемент формы строит смысл, выражает его <...>⁶, начнем с того элемента, который в данном случае представляется важнейшим.

Рифмы Галича столь неожиданные, небывалые, как будто и впрямь, по Маяковскому, импортированы «из Венесуэлы»⁷. Вот ряд примеров из одного только стихотворения: «палешанина — Полежаева», «тайная — летальная», «бокал — бокам» (тут «м» и «л» так аугаются, так тонко слуховое отличие, что эту рифму хочется назвать тавтологической), «ментики — арифметики». Звуковое подобие почти везде у Галича захватывает три слога. А в последнем случае еще и оживлено асимметрией («н» здесь так «лукаво» перекликается с «м»!). А вот еще: «заполночь — заволочь» «ровесники — песенки». А эхо-рифма «в знать — узнать»? Приведу еще один отрывок из поэмы «Кадиш», где нет почти ни одной не то чтобы банальной, но просто заурядной рифмы, не несущей авторского невытравимого «тавра»:

Осени меня своим крылом,
Город детства с тайнами неназванными,
Счастлив я, что и в беде и в праздновании
Был слугой твоим и королем.
Я старался сделать все, что мог,
Не просил судьбу ни разу: высвободи!
И скажу на самой смертной исповеди,
Если есть на свете детский Бог:
Все я, Боже, получил сполна,
Где, в которой расписаться ведомости?
Об одном прошу, спаси от ненависти,
Мне не причитается она.

В некоторых рифмах созвучие здесь распространяется на четыре слога. Рифма, уже в процессе ее начального поиска, немедленно обогащает лексику («две сами придут, третью приведут», а та подскажет неожиданное слово), и прежде всего рифма (хотя, конечно, и не только она) обусловила богатство и контрастность лексики Галича. В его стихах все социальные слои советского общества получают свое слово, а свой язык, своя лексика и даже свой синтаксис есть у любой общественной группы. Не спутаешь у Галича и разные индивидуальности: они мгновенно узнаваемы. Это свойство галичевской поэзии, естественно, пришло из отточенной манеры драматурга — ведь без «речевых характеристик»

⁶ Е. Г. Эткинд. Материя стиха. Париж, 1978. С. 69.

⁷ «Может, десяток небывалых рифм / только и остался, что в Венесуэле» (Маяковский, «Разговор с фининспектором о поэзии»).

персонажи пьес просто не существуют⁸! Рассмотрим одно из значительнейших произведений поэта — «Новогоднюю фантасмагорию». Из «действующих лиц» возьмем одно — «полковника». И выпишем все, что о нем говорится:

...А полковник-пижон, что того поросенка принес,
Открывает «боржом» и целует хозяйку взасос,
Он совсем разнуздался, подлец, он отбился от рук,
И следят за полковником три кандидата наук.
.....
И полковник надрался, как маршал, за десять минут.
.....
Вот полковник желает исполнить романс «Журавли»,
Но его кандидаты куда-то поспать увели,
.....
А полковник, проспавшись, возьмется опять за свое,
И отрезав мне ногу, протянет хозяйке ее...

Вглядевшись, поймем, что, строго говоря, речевой характеристики здесь нет, поскольку нет прямой речи этого полковника. Зато есть одна строчка косвенной его речи. Только одна! И тут уже работает каждое слово:

Вот полковник *желает исполнить романс* «Журавли»...

три выделенных слова настолько ясно и недвусмысленно говорят о персонаже и за персонаж. Все понятно и в социальном, и в профессиональном плане. Культурный уровень и вкусы персонажа не оставляют места ни для каких сомнений. И все это укладывается в четыре слова!

А вот стихотворение «Все не вовремя», посвященное Варламу Шаламову, отсидевшему долгие годы и выжившему в самых страшных — колымских — лагерях; стихотворение настолько «густое» в смысле лагерного жаргона, что сегодня молодому читателю, чтобы понять его, придется, наверное, не раз обратиться к словарю.

...Моя б жизнь была преотличная,
Да я в шухере стукаря пришил!
А мне сперва вышка, а я в раскаянье,
А уж в лагере — корешей в навал,
И на кой я пес при Лехе-Каине
Чумаку подпел «Интернационал»?!

Зато лексика «Песни о Тбилиси», наоборот, — прозрачнейшая, можно сказать, пушкинская:

⁸ См. хотя бы поэму «Осенние прогулки», где все классы и группы советского общества сошлись в одном шалмане.

Прекрасная и гордая страна!
Ты отвечаешь шуткой на злословье.
Но криком вдруг срывается зурна,
И в каждой капле кислого вина
Есть неизменно сладкий привкус крови!

В этой естественной и ненатужной смене стилей безусловно сказался театральный опыт Галича.

В качестве примера этого разнообразия, этой полифонии (не только лексической, но и звуковой) можно назвать и «Поэму о Сталине»⁹. Наиболее резко контрасты лексические, а следовательно и стилистические, выражены в финальной главке этой поэмы. Строфы насыщены предельно густым жаргоном, в полном соответствии с сюжетом, а вот рефрен написан совсем другим, прозрачным языком). Здесь не только «столетия, лихолетья и мгновенья / Сомкнулись в безначальное кольцо», но и стили:

*Упекли пророка в республику Коми,
А он и перекинись башкою в лебеду,
А следователь-хмурик получил в месткоме
Льготную путевку на месяц в Теберду.*

*А Мадонна шла по Иудее,
Оскользаясь на размокшей глине,
Обдирая платье о терновник,
Шла она и думала о Сыне,
И о смертных горестях сыновних...
Аве Мария...*

И ритмы в этих строфах у Галича предельно нагружены смыслом, вызывают неожиданные ассоциации. Если вслушаться, через густой жаргон прорываются ритмы вагнеровского «полёта валькирий»¹⁰. Лексика демонстративно просторечна, а мелодия и ритм идут от высокой классики. Какой обогащающий, какой несущий бездну ассоциаций контраст! А вот рефрен предельно гармоничен. В нем лексический ряд не противоречит ритмическому, и мелодия сразу узнается: «Аве Мария...». Это усиливается звуковой, приглушенно колокольной доминантой: «Ах, как ныли ноги у Мадонны...». Если же присмотреться еще и к проступающему за мелодией смысловому ряду, то обнаружится, что сюжетно и образительно финал поэмы восходит к знаменитому православному византийскому апокрифу «Хоженье Богородицы по мукам», тог-

⁹ Лексическая полифония — не редкость: она есть у любого хорошего драматурга.

¹⁰ Это отметил композитор и музыковед Вл. Фрумкин. (В. Фрумкин. Уан-мэн-бэн(н)д // Вестник (Балтимор, США). 2003. № 22 (333), 29 октября).

да как музыкально «Аве Мария» — песнопение сугубо католическое...

Но присмотримся повнимательней к поэме с самого ее начала. В первой главе переплетаются два несовместимых лексикостилевых потока. Перемешаны, как это бывало у Б. Брехта или Е. Шварца, сами времена, века, их значащие приметы и детали. И потому, когда подпаски «ворвались» в вертеп, то анахронизм «загремели на пятнадцать суток / Поддавшие не вовремя волхвы» удваивает свою резкость за счет *предельной* стилистической нелепости фразы. Вся первая глава выдержана в постоянном напряжении двух несовместимых языковых потоков: «римский опер» и его слова «колитесь, гады!», обращенные к трем волхвам, и тут же — отдаленный звон колоколов, который слышится за тонко аллиментирующими и ассонирующими строками:

И Мать Божья наблюдала немо,
Как в каменное небо Вифлеема
Всходила Благовещенья звезда...¹¹

Потом — контрапунктно — вдруг возникает смена ритма. Является как будто вовсе неуместная цыганская мелодия, сопровождаемая дьявольским смешком. А на нее ложатся образы из Апокалипсиса.

Стало зябко, зябко, зябко,
И в предчувствии конца
Закудахтала козявка,
Волк заблеял, как овца...

Этот внезапный переход классической секстины в цыганщину, эта постоянное чередование высокого стиля с современным разговорным языком, этот хаос анахронизмов — все подготавливает кульминационное появление «главного анахронизма» всей поэмы — «кавказских сапог». И тогда-то

...Разом потерявшие значение,
Столетия, лихолетья и мгновенья
Сомкнулись в безначальное кольцо...

Здесь опять очевидна апокалиптическая ассоциация: «И времени больше не будет». Да и сам монолог Сталина, наложенный на пляшущую цыганскую мелодию — какой-то фарсовый и жуткий.

¹¹ То, что Благовещенье, естественно, было за 9 месяцев до Рождества, в данном случае автору менее важно, чем возможность удивительной аллитерации.

Вторая глава называется «Клятва вождя». Клятва эта звучит не над умершим Лениным, а над только что рожденным Христом и сопровождается «сталинской» версией Евангелия. Чеканные строки невольно вызывают в памяти лермонтовское «Выхожу один я на дорогу». (И в исполнении автора здесь всегда возникала чистая декламация без намека на мелодию: этого он никогда не пел!). Дело не только в пятистопном хорее, есть и определенные смысловые ассоциации.

Выхожу один я на дорогу...

и —

Душ ловец, Ты вышел на рассвете...

Или полные хвастливой надежды слова:

Если ж я умру, — что может статься, —
Вечным будет царствие мое! —

чуть ли не гротескно откликающиеся на строки:

Но не тем холодным сном могилы,
Я б хотел навеки так уснуть...

Логическая последовательность образов в обоих стихотворениях совпадает.

Третья глава «Подмосковная ночь» сразу захватывает своей мелодией... Да это же «жестокое» полублатные песни: «Так по камушкам, по кирпичикам / разобрали наш старый завод...» Или, может быть: «Как на кладбище митрофановском / Отец дочку зарезал свою...»

Будто кто-то струну басовую
Тронул пальцем и ка-анул прочь,
Что же делать ему в бессонную,
В одинокую э-эту ночь?

Несмотря на различия в четных строках, ритм «Кирпичиков» сразу опознается, становится частью содержания.

Сочетание заунывной мелодии с колокольным звоном где-то вдали, звоном «неприказанным, неположенным», заставляет бывшего семинариста, забывшего и самые слова молитв, обратиться к молитве. И это сопровождается столь же странной, «неположенной» сменой ритмов: старинный блатной русский мотив вдруг сменяется резким джазовым, напоминающим о «Сан-Луи блюзе»:

О, дай мне, дай же — не кровь, вино...
Забыл, как дальше... Но всё равно...

И, как в кино, резкая смена кадра после оборванной на полуслове кульминации. Теперь (четвертая глава) это не цыганская мелодия вообще, а «Венгерка» Аполлона Григорьева, великого знатока и даже в какой-то мере создателя всей русской цыганщины:

Вечер, поезд, огоньки,
Дальняя дорога...
Дай-ка, братец, мне трески
И водочки немного.
Бассан-бассан-бассана...

Мелодия эта сопровождает рассказ бывшего зека, ставшего инвалидом после того, как взорвали при нем «статуй». И под эту музыку «лезут в поезд из окна / Бесенята, бесенята»... А в середине главы дается и смысловой ключ ко всему происходящему: «Панихида с танцами».

В следующей главе — жесткий «балладный» стих авторского отступления не поется, — только читается:

Не бойтесь золы, не бойтесь хулы,
Не бойтесь пекла и ада,
А бойтесь единственно только того,
Кто скажет: «Я знаю, как надо!»

...

Поэмы Галича, философские в самом полном смысле слова, не поддаются жанровой классификации. «Поэма о Сталине» — что это? Мистерия? Фарс? Pamфлет? Бытовые новеллы? Историческая лирика? И то, и другое, и третье.

Конечно, краткий ритмико-мелодический и лексический анализ одного произведения далеко не исчерпывает того, что можно сказать о поэтике Галича. Но эти примеры хотя бы отчасти объясняют, почему после того, как некогда актуальное «содержание» стало неактуальным, уйдя в историю, поэзия Галича видится с расстояния в четверть века совсем иначе, чем при жизни поэта. Она куда крупнее, чем слышалось в «чертовне и в пылу попойки» тех времен, и только в последние годы, с утратой в России приоритета политической остроты стихов над поэзией как таковой, стала постепенно проявляться чисто литературная ценность стихов Галича. «"Острота" схлынула, унеся с собой многое из того, что недавно радостно пугало нас, а Галич — остался. Не потому, что многое он сказал из первых — эта честь несомненна, но эфемерна. Потому что сказанное им — настоящая литература. Подлинная поэзия...»¹²

¹² Ст. Рассадин. «Я выбираю свободу...» // Московский комсомолец. 1989, 16 апреля.

Песни Галича — именно поэзия, и все-таки это особый ее жанр, и повторы — песенный, музыкальный прием — один из основных ее компонентов. Можно сказать, они придают особую, повышенную эмоциональную окраску этим стихам: «Там по пороше гуляет охота, / Охота, охота, / Там по пороше гуляет охота, / Трубят егеря...» или « Уходят, уходят, уходят / Уходят мои друзья...»

Обратимся теперь к композиционному мастерству поэта. В основе композиции многих его вещей — приемы киномонтажа. Опыт сценариста оказался весьма полезен для Галича. Вот он переносит нас из московской коммуналки в дом, где пишет музыку Иоганн Себастьян Бах. И возвращается обратно. И жизнь Баха, когда — *«Ломит поясницу и ноет бок, / Бесконечной стиркою дом пропах...»* — кажется не лучше и не легче, чем жизнь того несчастного советского работяги, бывшего солдата (а может быть, и офицера), для которого вся радость — десятка, выданная как «безвозвратная ссуда» в местком, да «поллитра», купленные вместе с сыром и колбасой на эту десятку. Но работяга доведен до отчаяния голосами уличных радиорупоров, вопящих о его же подвигах, а Бах утешен — он слышит голос Бога. И смена кадров — то коммуналка, нищая, то квартира Баха, тоже полунищая — будоражит, тревожит нас... И все же Бах беседует с Богом...

Особенно ярко эта композиционная стройность при самом невероятном разнообразии и смешении ритмов, лексики, образов, мотивов, даже сюжетов и вызываемых ими ассоциаций проявилась в таком шедевре Галича, как поэма о Януше Корчаке — «Кадиш». Похожая на кинофильм, сложившаяся в прекрасную и страшную мозаику, разрываемая то и дело вставными эпизодами, поэма эта построена так, что *один день, а может быть*, одна ночь, в которую «уходят из Варшавы поезда», вмещает в себя всю жизнь польского педагога, врача, писателя...

Корчак в ней — «всечеловек», ренессансная личность не только в силу профессионализма во многих областях, но главное — в силу многопланового восприятия жизни. А еще по причине естественного, будничного отношения к своему подвигу, который для него является нормой поведения:

И бежит за мною переводчик,
Робко прикасается к плечу, —
«Вам разрешено остаться, Корчак», —
Если верить сказке, я молчу...

Подстать герою, столь же всесторонняя, «всепланова» и поэма. От пронзительной лирики эпизода с рефреном «когда я снова стану маленьким» (так, между прочим, называется одна из книг Я. Корчака) и до притчи о грязи, которую не закрасишь — пестротой яркой индивидуальной жизни героя сливается с пестротой

жуткой эпохи, в которой минута растягивается на годы, а годы проносятся, как минуты. Переходящая от иронического блюза (обрамление) к точным бытовым деталям и подробностям эпохи двух мировых войн, которые приобретают символическое звучание¹³, вся поэма становится похожей на поэтический фильм с бесчисленными вставными новеллами, песнями, лирическими размышлениями. Фильм этот разворачивается в немыслимом темпе. В том самом, в котором пробегает перед Корчаком за одну эту ночь вся его жизнь...

Поэма рассчитана на внимательное чтение, вслушивание в самые разнообразные, загадочным образом соседствующие мелодии, всматривание в портреты и пейзажи. Композитор и музыковед Вл. Фрумкин, много занимавшийся музыкальной стороной творчества Галича и Окуджавы, отмечает, как одно из основных свойств галичевского стиха, обилие ритмических и — что еще интересней — интонационных «намеков» на какую-либо мелодию (обычно читателю и слушателю известную), которые вызывают обогащающие смысл ассоциации. Например, в «Песне об отчем доме» слышен Рахманинов: «Полюбила я на печаль свою»¹⁴.

...

Александр Аркадьевич Галич (Гинзбург) родился в Екатеринославе 19 октября 1918 года. Отец Галича был известным врачом, а дядя, Лев Самойлович Гинзбург, — историком литературы, пушкинистом. Именно благодаря общению с дядей Галич с детства увлекся театром. Семья вскоре переехала в Севастополь, в котором прожила без малого пять лет. Позднее воспоминания об этом периоде детства вылились у поэта в одну из лиричнейших «коротких поэм» «Опыт ностальгии»:

Я не вспомню, клянусь, я и первые годы не вспомню,
Севастопольский берег,
Почти небывалая быль.
И таинственный спуск в Херсонесскую каменоломню,

¹³ Вот только одна из лаконичнейших картин первой мировой войны:

...Шла французская фильма в дрянном «синема»
Баракло торговали австрийское,
Попукали извозчики дохлых коняг,
И в кафе, заколоченном наглухо,
Мы с тобою сидели и пили коньяк,
И жевали засохшее яблоко.

¹⁴ В. Фрумкин. Уан-мэн-бэн(н)д // Вестник (Балтимор, США). 2003. № 22 (333), 29 октября.

И на детской матроске —
Элады певучая пыль.

Интонационно это «мемуарное начало» ассоциируется с «мемуарными» же строками Пастернака из поэмы «1905 год»: «Этот декабрь зимы, с декабря воцаряются лампы...» или: «Мне четырнадцать лет, ВХУТЕМАС — еще Школа ваянья», и эта почти гекзаметрическая интонация ведет за собой...

В 1923 г. Гинзбурги переехали Москву, в Кривоколенный переулок. А в 1926-м Александр поступил в школу. Младший брат Александра, Валерий, писал об этом так:

«В начале Кривоколенного, почти на углу Мясницкой, была стоянка извозчиков, а рядом — два котла для варки асфальта. В них ночевали беспризорники, в тепле. Мы, пригостишки, упоенно пели песню про "финский нож" или частушку:

Елки-палки лес густой,
Сталин ходит холостой
Когда Сталин женится,
черный хлеб отменится —

нам казалось, что так мы приобщаемся к их беспризорной вольности. Учились мы в здании бывшей гимназии в Колпачном переулке, занятия для нас начинались часов с двенадцати, и мы, сидя на полу, в ожидании, когда старшие освободят классы, все это распевали...

Все мальчишки нашего двора знали, что мы живем в доме поэта Дмитрия Веневитинова, где Пушкин впервые читал "Годунова". Мы не знали стихов Веневитинова, не все еще умели читать, но Пушкин, "Борис Годунов" — это нам было понятно. Понятнее, чем частушки и блатные песни...

...Дом наш в Кривоколенном был суматошный, бесконечные гости, всегда кто-нибудь ночевал из приезжавших, и папа, и мама работали. Они не были конторскими служащими, поэтому работа была не регламентирована, т. е. длилась гораздо больше обычного рабочего дня, общения с ними в детстве было мало, близость пришла позднее...»¹⁵.

Александр с пяти лет учился играть на рояле, писал стихи. В восемь лет он стал заниматься в литературном кружке, которым руководил Эдуард Багрицкий. Любопытно, что Багрицкий еще тогда предсказал ему, как поэту, большое будущее.

В июне 1934 года Гинзбурги переехали на Малую Бронную. Окончив девятый класс десятилетки, Александр подал документы в Литературный институт и, к удивлению многих, был принят. Одновременно он подал документы в Оперно-драматическую сту-

¹⁵ Федор Раззаков. Звездные трагедии: загадки, судьбы и гибели. М., 2000. С. 82—102.

дию К. С. Станиславского. Туда его тоже легко приняли. Так Галич стал самым младшим, чуть ли не последним студентом Константина Сергеевича. Через два года он ушел из Литинститута. Но и в Оперно-драматической студии он тоже пробыл только три года. Один из преподавателей, народный артист Л. Леонидов, когда-то, еще при поступлении Галича в студию, написал на его личном деле: «Этого надо принять! Актера из него не выйдет, но что-то выйдет обязательно!»

На третьем курсе, когда Леонидов показал Галичу эту резолюцию, обидевшийся студент тут же перешел в только что открывшуюся студию, которой руководил Алексей Арбузов. Было это осенью 1939 года. А в февралю следующего года студия показала спектакль «Город на заре». Пьесу написали втроем Всеволод Багрицкий, А. Гинзбург и В. Кузнецов. «Город на заре» был показан всего несколько раз — вскоре началась война. Большинство студийцев ушло на фронт, а А. Гинзбурга врачи признали непригодным к военной службе.

Но в Москве он все равно не задержался — устроился в геологическую партию и отправился с ней на юг. Однако дальше Грозного их не пустили. В Грозном находился театр им. М. Лермонтова, — в нем и начал работать Александр Гинзбург завлитом и актером. Тогда же начался и оборвался его трагический роман «с грозной женой одного из секретарей чеченского обкома Идрыса Дочаева», лихой наездницей, москвичкой Юлей, позднее депортированной вместе с чеченцами и погибшей в ссылке...¹⁶

Мне б ходить в черкеске и папахе,
А не в этом глупом пиджаке... —

(«*Лают азиатские собаки...*»)

писал ей двадцатитрехлетний актер...

Но в труппе грозненского театра Александр проработал недолго — до декабря. В городе Чирчик под Ташкентом режиссер Валентин Плучек организовывал фронтовой театр, и Галич уехал из Грозного. «Через Баку и Красноводск я добрался до города Чирчика, где собрались во главе с Валентином Плучеком остатки студии. В немыслимо короткий срок мы подготовили два спектакля и несколько концертных программ, написали письмо в политуправление Красной Армии с просьбой оформить нас как фронтовой театр»¹⁷.

В Чирчике Александр женился на актрисе Валентине Архангельской. В следующем году у них родилась дочь Алена.

Все оставшиеся военные годы Галич и Архангельская проработали в этом фронтовом театре. Театр ездил по всем фронтам, по

¹⁶ А. Галич. Генеральная репетиция. Франкфурт, 1974. С. 82—87. (Далее — Г. Р.).

¹⁷ Г. Р. С. 87.

армейским частям с концертами и спектаклями. Галич был в нем сразу и драматургом, и композитором, и актером. После войны в театре, уже в Москве, разыгралась ссора между Арбузовым и Плучеком. «Это была чистейшая чепуха — театр без Плучека. Арбузов все-таки не режиссер!»¹⁸ — замечает Галич. И когда Плучек ушел, театр, естественно распался.

В 1944 году, когда театра не стало, В. Архангельская уехала работать в Иркутск. Вскоре к ней вместе с дочерью должен был приехать и Александр, его уже ждали в театре, куда он должен был поступить завлитом, но мать Галича очень просила его не уезжать из Москвы. Он послушался, а жена в Москву не вернулась, осталась в Иркутске. Туда же потом забрала и дочь...

Ночь, уснула вся квартира,
Я один не сплю, грущу,
Все гляжу на карту мира.
Все Иркутск на ней ищу.

Тот Иркутск — на карте точечка,
У меня в Иркутске дочечка...¹⁹

В 1945 году Галич женился вторично на Ангелине Шекрот-Прохоровой, учившейся тогда на сценарном факультете ВГИКа. До того она была замужем за ординарцем своего отца, военного. В самом начале войны муж пропал без вести, и Ангелина уже была вдовой, когда в 1942 году у нее родилась дочь Галя.

Сразу после войны Галич окончательно оставил актерскую стезю. В 1945 году он становится профессиональным драматургом. (В СССР за двадцать лет были поставлены 10 его пьес.)

В том же 1945 году Галич попытался поступить в Высшую дипломатическую школу. Но когда он спросил у секретарши об условиях приема, ему сказали, что у него документы не примут: «лиц вашей национальности мы вообще в эту школу принимать не будем. Есть указание»²⁰.

...

В Ленинграде состоялась премьера спектакля по пьесе А. Галича (тогда еще под псевдонимом Александр Гай) «Походный марш». Песня из этого спектакля — «До свиданья, мама, не горюй» — стала на многие годы всесоюзным радиослягером. Чуть

¹⁸ Из передачи радио «Свобода», 1975 г.

¹⁹ Фотокопия с авторской машинописи. Из архива А. Архангельской-Галич.

²⁰ Федор Раззаков. Звездные трагедии: загадки, судьбы и гибели. М., 2000. С. 82—102.

позже состоялась еще одна триумфальная премьера Галича (в содружестве с драматургом К. Исаевым) — комедия «Вас вызывает Таймыр». Под ней впервые и появилась подпись, прославленная впоследствии и оставшаяся на всю жизнь: «Александр Галич».

Начиная с 50-х годов пьесы Галича шли во многих театрах страны. («За час до рассвета», «Пароход зовут "Орленок"», «Много ли человеку надо» и др.) В 1955 году Галича приняли в Союз писателей СССР, а три года спустя и в Союз кинематографистов. Он — автор сценариев фильмов «На семи ветрах» и «Верные друзья». В последнем с экрана звучали его песни — «Плыла, качалась лодочка по Яузе-реке....» и «Что так сердце, что так сердце растревожено...»

Фильм «Верные друзья» в прокате занял 7-е место по СССР: 31 млн. зрителей!

Тогда же возникли очень серьезные нелады между бывшими студийцами и А. Арбузовым. Пьеса «Город на заре» впервые после войны была поставлена снова в театре имени Евг. Вахтангова (1954 г.) под фамилией одного «автора» — Арбузова. А потом когда в 1956 году Арбузов опубликовал эту пьесу опять под одной своей фамилией, он, по словам Галича, «обокрал павших и живых! Это бы ещё полбеды! Отвратительнее другое — он осквернил память павших, оскорбил и унизил живых!»²¹ Галича крайне возмутил этот мелкий плагиат: Арбузов был ведь только редактором коллективно написанной пьесы, а двое из трех настоящих ее авторов не вернулись с войны.

Через много лет, присутствуя при исключении Александра Галича из Союза писателей, Арбузов выступил крайне недоброжелательно, уличая поэта в том, что тот лжет, в частности, в стихотворении «Облака»: «Мне казалось, поэтому, бесконечно оскорбительным, что, когда меня исключали, Арбузов кричал: "Ну, я же знаю Галича, он же не сидел, он же мародер, он присваивает себе чужие биографии!"» — вспоминал позднее Галич²². С тем же успехом Арбузов мог бы обвинить Галича в присвоении «биографии» «генеральской дочери» из стихотворения «Песня-баллада про генеральскую дочь», которое тоже ведь написано от первого лица, или даже в присвоении рабочих достижений мастера цеха Клим Петровича!

Когда уже в Париже Галич написал стихотворение «Марш мародеров», то и само это слово, и поворот сюжета — мародеры обвиняют в своих преступлениях победителей, — все это, видимо, явилось эмоциональным откликом на арбузовский поступок: приписав себе пьесу, написанную Галичем и его погибшими соавторами, назвал поэта, да еще при несправедливом исключении из Союза писателей, мародером!

²¹ Г. Р. С. 88.

²² Из передачи по «Свободе», 1975 г.

Вместе с Е. Вентцель (писательница И. Грекова) Галич написал комедию «Будни и праздники» (1967—1968), переработав повесть И. Грековой «За проходной», написанную в 1962 году.

Театр-студия МХАТа (позднее театр «Современник») решила открыть сезон 1958 года двумя премьерами, в том числе спектаклем по пьесе Галича «Матросская тишина» (он написал ее давно, сразу после войны). В спектакле были заняты тогда еще никому не известные актеры: Евгений Евстигнеев, Олег Ефремов, Игорь Кваша, Олег Табаков.

На генеральной репетиции присутствовали, по словам Галича, две чиновницы: одна из ЦК КПСС, другая из МК. Одна из них тут же вынесла свое обвинение увиденному: «Как это все фальшиво! Ни слова правды!» В ответ на эту реплику присутствовавший в зале Галич встал и громко сказал: «Дура!» Спектакль был запрещен.

Несмотря на этот инцидент, Галич по-прежнему оставался одним из самых преуспевающих драматургов. Режиссеры продолжали ставить фильмы по сценариям Галича. Он побывал с делегацией Союза кинематографистов в Швеции и в Норвегии, где познакомился и подружился с известным норвежским художником Виктором Спарре.

Но что-то произошло после истории с «Матросской тишиной»... Именно после запрета этого, уже готового спектакля, и Галич изменился, и мир для него изменился. Советский мир, живущий по формуле «была бы только санкция, романтики сестра», становится ему невыносим.

«Не случайна была та бессонная ночь в вагоне поезда Москва — Ленинград, когда я написал свою первую песню "Леночка", — пишет Галич. — ...<Эта песня> была началом моего истинного, трудного и счастливого пути... И нет во мне ни смирения, ни гордыни, а есть спокойное и радостное сознание того, что впервые в своей долгой и запутанной жизни я делаю то, что положено было мне сделать на этой земле»²³.

Этот выбор в те годы был неизбежен: в палачи или в жертвы? «Сколько раз мы молчали по-разному / Но не против, конечно, а за». И еще: «Сколько бы ни резать ветчину — / Надо ж отвечать в конце концов», — и поэт сделал выбор.

...

За первой песней последовали еще несколько теперь знаменитых его стихотворений. Е. Евтушенко вспоминает: «Году в 1963-м Галич пригласил меня к себе домой и спел примерно двадцать песен в очень узкой компании. Песни меня поразили произи-

²³ Г. Р. С. 91.

тельной гражданственной афористичностью: "Но поскольку молчание — золото, то и мы, безусловно, старатели"; "Ах, как шаг мы печатали браво, как легко мы прощали долги, позабыв, что движение направо начинается с левой ноги"»²⁴.

Тогда же, по свидетельству Валерия Гинзбурга, кинооператора, брата Галича, родились «Облака». Валерий Гинзбург пишет: «Одной из причин — не только для Галича, а для всего его поколения, я уверен, — было возвращение людей после гулаговских ссылок и лагерей; возвращение нашего двоюродного брата Витеньки, который почти 20 лет просидел в лагере»²⁵.

Уже само по себе то, что преуспевающий драматург вдруг отказался от официального успеха и, обозвав себя, прежнего, «благополучным советским драмоделом», перешагнул рубеж, став на сторону неофициального, сопротивленческого искусства, зная, что обратного пути не будет, — факт незаурядный. Но именно этот факт и заслонил для многих перемену куда более удивительную — перемену стилистическую и жанровую. Комедиограф, не хуже и не лучше многих других, вдруг становится большим поэтом, сказав себе: «Булат может, а я не могу?»

О корнях галичевской поэтики, отчетливо проявившихся уже в самой первой его песне, подробно писал Станислав Рассадин: «...И вот ночью, в "Красной стреле", следующей в Питер, рождается песня, первая из настоящих, сразу — шедевр: "Леночка":

А утром мчится нарочный
ЦК КПСС
в мотоциклетке марочной
ЦК КПСС.
Он машет Лене шляпою,
спешит наперерез —
пожалте, Л. Потапова,
в ЦК КПСС!²⁶

Сама косноязычная аббревиатура, подобная заиканию, с изыскством, «как бы резвяся и играя», преображена в озорной припев... "Косноязычная" — это сказалось не зря. Чудо (никак не меньше того!) Александра Галича в том, что он сделал поэзией само косноязычие нашей речи. Нашего сознания. Существования нашего... И, конечно, Зощенко. Его традиция — русская проза. Дать слово "среднему человеку"... Ведь это не то, что вложить в

²⁴ Е. Евтушенко. Александр Галич // «Нет ходу нам назад». М., 1991. С. 55.

²⁵ Федор Раззаков. Звездные трагедии: загадки, судьбы и гибели. М., 2000. С. 82—102.

²⁶ Ст. Рассадин. Везучий Галич // Новая Газета. 2001. № 77, 22 октября.

уста ему личное местоимение "я": "У жене моей спросите, у Даши, у сестре ее спросите, у Клавки"».

Далее Рассадин отмечает назойливость галичевских тавтологий как прием. Прием зощенковский :

«"Потому что у природы есть такой закон природы", "Но хором над Егором краснознаменный хор краснознаменным хором поет — вставай, Егор!"

Это Галич.

А вот — Зощенко:

"Которые были в этом вагоне, те почти все в Новороссийск ехали.

И едет, между прочим, в этом вагоне среди других вообще бабешечка.

Такая молодая женщина с ребенком. У нее ребенок на руках. Вот она с ним и едет. Она едет с ним в Новороссийск. У нее муж, что ли, там служит на заводе. Вот она к нему и едет. И вот она едет к мужу".

И т. д. — долго! Одуреешь! По крайней мере, не сразу заметишь, что это косноязычие держит повествование со строгостью балладного строя. Сами повторы нужны здесь, как нужен шест идущему через болото».

...

Позже, в 1973 году, Галич написал мемуарную книгу «Генеральная репетиция», в которой излагается история запрещения «Матросской тишины», лучшей его пьесы, и публикуется сама пьеса без цензурных искажений, сделанных в свое время не только цензорами, но и автором. И только за рубежом Галич, по его собственным словам, «понял, что это насилие внутреннего цензора чаще всего не спасает работу, а только вгоняет автора в тоску и стыд».

Но уж если я должен платить долги,

Так зачем же при этом лгать?

(«Песня об отчем доме»)

Что касается пьесы «Матросская тишина», то она вообще никогда не могла быть поставлена в СССР — любой подход к еврейской теме сам по себе был запрещен... Этот запрет стал всесторонним, по сути дела, еще сразу после войны. Но Галич, видимо, этого не понял, радуясь хрущевской «оттепели».

В книге «Генеральная репетиция» он вспоминает:

«Я увидел другое, прекрасное в своем трагическом уродстве, залитое слезами лицо великого мудреца и актера Соломона Михайловича Михоэлса. В своем театральном кабинете за день до отъезда в Минск, где его убили, Соломон Михайлович показывал

мне полученные им из Польши материалы — документы и фотографии о восстании в Варшавском гетто. Всклипывая, он все перекладывал и перекладывал эти бумажки и фотографии на своем огромном столе, все перекладывал и перекладывал их с места на место, словно пытаясь найти какую-то ведомую только ему горестную гармонию.

Прощаясь, он задержал мою руку и тихо спросил:

— Ты не забудешь?

Я покачал головой.

— Не забывай, — настойчиво сказал Михозлс, — никогда не забывай!

Я не забыл, Соломон Михайлович!

...Уходит наш поезд в Освенцим,
Наш поезд уходит в Освенцим
Сегодня и ежедневно!»²⁷

Еще до выхода книги «Генеральная репетиция» этот рассказ прозвучал в одной из передач по «Свободе» в цикле «У микрофона Галич».

Еврейская тема у Галича звучала не раз. Ему, вероятно, было чрезвычайно важно утвердить естественность и непротиворечивость соединения в себе еврейского и русского начал.

А потом из прошлого бездонного
Выплывет озябший голосок —
Это мне Арина Родионовна
Скажет «Нит гедайге», спи, сынок...
(«Засыпая и просыпаясь»)

Незадолго до отъезда Галич крестился. О том, что предшествовало этому акту, он рассказал позднее в одной из своих радиобесед по «Свободе»: «Где-то в конце 60-х годов меня заинтересовала литература философского и религиозного содержания. Я жадно читал все, что можно было достать, и вот среди самиздатовской литературы этого толка мне попала работа священника отца Александра. И, когда я читал работы этого отца Александра, мне показалось, что это не просто необыкновенно умный и талантливый человек, это человек, обладающий тем качеством, которое писатель Тынянов называл "качеством присутствия"».

Я читал, допустим, его рассказ о жизни пророка Исайи и поражался тому, как он пишет об этом. Пишет не как историк, а пишет как свидетель, как соучастник. Он был там, в те времена, в тех городах, в которых проповедовал Исайя. Он слышал его, шел рядом с ним по улице. И вот это удивительное "качество присут-

²⁷ Г. Р. С. 172—173.

ствия", редкое качество для историка и писателя, и необыкновенно дорогое, оно отличало все работы этого священника, отца Александра».

Вот этот священник, протоиерей Александр Мень, философ и выдающийся историк мировых религий, и крестил поэта.

Безусловно, в крещении Галича большую роль сыграл протест. Из стихов Галича совершенно ясно, что христианство стало для него не столько системой взглядов на мир, сколько опорой в борьбе с несправедливостью системы, порой трудно отличимой от «обыкновенного фашизма» и использовавшей в своих целях атеизм.

Что касается христианских идей, то самой живой, самой настоящей для Галича (как и для Н. А. Некрасова) оказалось сочувствие человеку, его страданиям. Оно пронизывает все творчество Галича. Шофер в «Больничной цыганочке», завистливо несущий на все корки своего «начальничка», узнав, что тот «дал упаковочку», жалеет его как родного, жалеет и себя... («А я стою, темно в глазах,/ и как-то все до лампочки...»). Да ведь даже Клима Петровича, хотя и жертву демагогии, но ведь заодно демагога и опору власти, Галич тоже жалеет!

Вслед за Некрасовым Галич мог бы назвать свою музу «музой мести и печали».

«Не судите, да не судимы...» —
Заклинает меня вранье!
(«Без названия»)

Поэт здесь спорит даже не с известной евангельской заповедью, а с теми властью имущими, кто ее использует в спекулятивных целях. И весь пафос этих стихов — «Так вот, значит, и не судить?» — яростно и вопреки христианскому всепрощению (существующему скорее в идеале, чем в жизни) зовет к суду над убийцами Гумилева, Бабеля, Цветаевой, Пастернака. Если у Окуджавы советский быт — только прозрачный призрак, за которым виден вневременной романтизм, то у Галича этот «быт», да и вся советская жизнь — на скамье подсудимых!

Подробно говорить в этой статье о религиозных взглядах поэта не представляется возможным, но нельзя и проигнорировать хотя бы такие строки:

Когда я вернусь,
Я пойду в тот единственный дом,
Где с куполом синим не властно соперничать небо.
И ладана запах, как запах приютского хлеба,
Ударит в меня и заплещется в сердце моем...
(«Korga я вернусь...»)

Магнитофонные пленки с песнями Галича расходились в шестидесятых годах по всей стране, несмотря ни на какие запреты, невзирая на то, что и тогда, и позднее при обысках их непременно отбирали и «присовокупляли к делу»:

Есть магнитофон системы «Яуза»,
Вот и все, и этого достаточно.
(«Мы не хуже Горация»)

Достаточно, поскольку публичные концерты Галича, естественно, были запрещены. Да он и не просил об этом. Самый необычайный из домашних концертов состоялся, по свидетельству Е. Евтушенко, у него дома, к сожалению, почти без слушателей:

«... у меня дома в гостях был выдающийся французский шансонье бельгийского происхождения Жак Брель. Я пригласил Булата Окуджаву и Александра Галича, и все втроем они устроили импровизированный концерт друг для друга. Но вот что поразительно: ни один из них не пел собственных песен. Галич пел старинные романсы, Окуджава — вагонные песни, а Жак Брель — народные фламандские. Сейчас, конечно, я кусаю локти, что не записал эту ночь на магнитофон — это был уникальный концерт, когда три выдающихся поэта-певца показали друг другу свои корни»²⁸.

В марте 1968 года Александра Галича пригласили на фестиваль песенной поэзии «Бард-68» в новосибирский Академгородок. Вот как описывает события один из организаторов фестиваля А. Берс:

«...От нас потребовали, чтобы содержание фестиваля было "залитовано", это означало, что тексты песен должны были быть представлены на просмотр в компетентную организацию, и получить разрешение, хотя это бессмыслица по отношению к авторской песне, что совершенно ясно. Потом решили все запретить, а билеты вернуть. Поехали уговаривать, уговорили — фестиваль начался...

<...> Он был тогда известен только по магнитофонным пленкам, а фактически только на нашем фестивале, тридцать лет назад, у Александра Аркадьевича Галича был настоящий публичный концерт, была киносъемка этого концерта. Кстати, потом за этими кинопленками тщательно охотились компетентные органы, но эта история рассказана в фильме "Запрещенные песенки", поэтому я

²⁸ Е. Евтушенко. Александр Галич // «Нет ходу нам назад». М., 1991. С. 55—56.

не буду на этом останавливаться. Но дело в том, что рукописи не горят, фильмы и песни — тоже»²⁹.

Фестиваль готовился с размахом. Был выделен самый большой из залов Дворца физиков, и этот зал был забит, люди стояли даже в проходах. Начал Галич песней «Промолчи — попадешь в палачи». А когда исполнял песню «Памяти Пастернака», весь зал поднялся и слушал ее стоя.

Галич получил приз: серебряную копию пера Пушкина и почетную грамоту Сибирского отделения Академии наук СССР. В ней было написано: «Мы восхищаемся не только Вашим талантом, но и Вашим мужеством...»

Вот как сам Галич вспоминал это выступление:

«...Была минута счастья в 1968 году. Весною того года безумцы из новосибирского Академгородка решили организовать у себя в Академгородке фестиваль песенной поэзии. Это был первый и последний фестиваль подобного рода. Я получил приглашение принять участие в этом фестивале. ...В Новосибирске на аэродроме еще лежал глубокий снег, и вот, стоя на снегу, встречали нас устроители этого фестиваля, держа в руках полотнища с весьма двусмысленной надписью: "Барды, вас ждет Сибирь!"³⁰

...Мы пели по двадцать четыре часа в сутки: мы пели и на концертах, мы пели и в гостинице друг другу, естественно, нас приглашали в гости, где опять-таки нам приходилось петь. А в последний вечер состоялся большой концерт в зале Дома ученых. Зал вмещает около двух тысяч человек...

...Когда я подошел к Дому ученых, я увидел три больших и пустых автобуса и несколько черных начальственных "Волг". Один из устроителей фестиваля с перепуганным лицом прибежал ко мне и сказал, что ... прибыло все новосибирское начальство, обкомовцы и привезли с собой три автобуса, и они собираются устроить обструкцию. Я ... почему-то не очень испугался. Наоборот, я ощутил такую веселую злость...

...Я выхожу на сцену и чувствую спиной ненавидящие взгляды этих самых молодчиков, буравящих меня сзади ... Я начал свое выступление с песни "Промолчи", а потом... "Памяти Пастернака". Я спел эту песню. Аплодисментов не было. Зал молчал ... зал начал вставать. Люди просто поднимались и стоя, молча смотрели на сцену. Это был знак не какого-то комплиментарного отноше-

²⁹ Здесь и далее рассказ А. А. Берса цитируется по его воспоминаниям, на отрывки из которых я набрал в интернете (cip.nsk.su/win/first/fest30let.html). Вообще, ссылки на интернет иногда ненадежны, в отличие от рукописей они «горят», поскольку материалы и целые сайты, как правило — временны, они сменяются и исчезают.

³⁰ Как выяснилось уже в 1976 году в Париже, автор этого «лозунга» — поэт Вадим Делоне.

ния к тому, что сделал я. Это была демонстрация в память Бориса Леонидовича Пастернака. Я оглянулся и увидел, что молодчикам тоже пришлось встать...» (с ленты радио «Свобода»).

Андрей Берс вспоминает: «Клуб "Под интегралом" — это очень интересный период нашей жизни, когда мы собирались, дискутировали, устраивали музыкальные литературные и танцевальные вечера. У нас также проводились различные конкурсы. Вот, например, Стругацкие получили в свое время премию за книгу "Понедельник начинается в субботу"; Ирина Алферова стала победительницей конкурса красоты "Мисс интеграл". Это действительно был интеграл, в том смысле, что он объединял все жанры. Эмблема клуба очень простая — интеграл от чашечки кофе по dt. Тогда было, как в Древней Греции, такое блаженное детское состояние, когда все науки и искусства были еще в одном целом, и люди были в равной степени талантливы во всех отношениях».

Через день после фестиваля в печати появилась разгромная статья партийного пропагандиста Н. Мейсака, опубликованная в «Вечернем Новосибирске».

«Тогда критическая статья в газете была равносильна гражданской смерти критикуемого. На Галича посыпались сперва угрозы, запрещение петь свои песни, потом репрессии», — пишет И. Грекова.³¹

А. А. Берс: «...При статье Мейсака (в газете) напечатана фотокопия на бланке:

Всесоюзный ленинский коммунистический союз молодежи
Центральный комитет
секретно № 08203
ЦК КПСС

Информируем ЦК КПСС о состоявшемся в Новосибирске так называемом «фестивале». «Фестиваль» в Новосибирске тщательно готовился его организаторами, причем его ярко выраженный политический характер сохранялся в тайне до самого открытия. Двадцать девять человек приехало из девяти городов: Галич, Бережков, Волинцев, Чесноков и другие. Участников этого так сказать «фестиваля» приветствовали телеграммами Высоцкий, Ким, Анчаров, Окуджава, Матвеева. Состав участников был <далее перечислены участники фестиваля>.

...Обращаем внимание отдела ЦК о необходимости принять меры.

Первый секретарь ЦК ВЛКСМ
Сергей Павлов»³²

³¹ Знамя. 1988. № 6. Вступление И. Грековой к подборке стихов Галича «Когда я вернусь».

³² Полностью текст доноса ЦК ВЛКСМ в ЦК КПСС опубликован в книге: Александр Галич. Песня об отчете доме. М., 2003.

«...В конце концов после фестиваля, как аккуратно выражаются математики, "Интеграл" взяли по частям». Клуб был закрыт, тем самым в шестьдесят восьмом году оттепель у нас и закончилась» — добавляет А. А. Берс.

Кончилась оттепель, но конец ее был «звездным часом» Галича.

В августе того же 1968 года, после ввода советских войск в Чехословакию, Галич пишет «Петербургский романс» о декабристах, о полковнике Сергее Трубецком и... о чем еще? Как часто бывает в его песнях, времена смещаются:

О, доколе, доколе,
И не здесь, а везде
Будут Клодтовы кони
Подчиняться узде?!

И все так же, не проще,
Век наш пробует нас —
Можешь выйти на площадь,
Смеешь выйти на площадь...

А через день на Красную площадь в Москве и в самом деле выходят, еще безнадежнее, чем декабристы, семеро смелых, протестуя против советского вторжения в Прагу.

В этот раз поэта вызвали на секретариат Союза писателей. «Предупредили». А магнитофонные записи домашних концертов Галича продолжали распространяться по всему СССР.

Когда дочь Дмитрия Полянского, члена Политбюро ЦК КПСС, выходила замуж за актера Театра на Таганке И. Дыховичного, молодежь на свадьбе слушала записи Высоцкого, Окуджавы и Галича. В это время и вошел в комнату отец невесты. Он услышал что-то из песен Галича (видимо впервые!). И через несколько дней на Политбюро состоялся разговор о «безобразно антисоветских песнях Галича». А 29 декабря 1971 года Галича вызвали на заседание секретариата Союза писателей.

Поэт рассказывает об этом так: «Я пришел на секретариат, где происходило такое побоище, которое длилось часа три, где все выступали — это так положено, это воровской закон — все должны быть «в замаске» и все должны выступить обязательно, все по кругу...». «Было всего четыре человека, которые проголосовали против моего исключения. Валентин Петрович Катаев, Агния Барто — поэтесса, писатель-прозаик Рекемчук и драматург Алексей Арбузов, — они проголосовали против моего исключения, за строгий выговор. Хотя Арбузов вел себя необыкновенно подло (а нас с ним связывают долгие годы совместной работы), он говорил о том, что меня, конечно, надо исключить, но вот эти долгие годы не дают ему права и возможности поднять руку за мое исключение. Вот. Они проголосовали против. Тогда

им сказали, что нет, подождите, останьтесь. Мы будем переголосовывать. Мы вам сейчас кое-что расскажем, чего вы не знаете. Ну, они насторожились, они уже решили — сейчас им преподнесут детективный рассказ, как я где-нибудь, в какое-нибудь дупло прятал какие-нибудь секретные документы, получал за это валюту и меха, но ... им сказали одно-единственное, так сказать, им открыли: Вы, очевидно, не в курсе, — сказали им, — там просили, чтоб решение было единогласным. Вот все дополнительные сведения, которые они получили. Ну, раз там просили, то, как говорят в Советском Союзе, просьбу начальства надо уважить. Просьбу уважили, проголосовали, и уже все были за мое исключение. Вот как это происходило». (С ленты радио «Свобода» 1975).

А 17 февраля 1972 года Галича исключили и из Союза кинематографистов.

Теперь он работает «негром» (пишет за кого-то сценарии). Но денег не хватает. В апреле 72-го — третий инфаркт. В литфондовскую больницу ему теперь хода нет. Он вполне может сравнить свое прежнее положение с теперешним. Возможно, отсюда и жуткие детали больничного быта, описанные в одном из самых его пронзительных стихотворений «Больничная цыганочка»:

Я с обеда для сестрина мальчика
Граммов сто отолью киселю,
У меня ж ни кола ни калачика,
Я с начальством харчи не делю...

И снова поражаешься смысловой емкости его песен. Из этих строк понятно, что сестра шофера мать-одиночка, что она не в силах прокормить своего единственного ребенка, что даже то, что чуть выше в этом монологе названо «больничным говном», для этого ребенка — лакомство, что и сам шофер — такой же нищий, хотя и служит «большому начальничку»...

...

Галич получил инвалидность второй группы, которая обеспечивала его пенсией... в 60 рублей. Елена Боннэр как-то сказала о нем: «В какой-то момент талант становится сильнее инстинкта самосохранения». А вот объяснение самого Галича: «Мне все-таки было уже под 50. Я уже все видел. Я уже был благополучным драматургом, благополучным советским холуем. Я и понял, что так больше не могу. Что я должен наконец-то заговорить в полный голос, заговорить правду». (На вечере поэтов. Париж 1976.)

О том же писал Е. Евтушенко:

«Стоило Галичу запеть, то есть стоило ему позволить себе быть самим собой, как из преуспевающего, вполне приемлемого бюрократией "драмодела" он превратился в нежелательную личность.

Галич был одним из тех людей, которые всем сердцем поверили, что с XX съезда партии начинается новая эра — эра совести, эра гласности. Когда "оттепель" была подморожена, такие люди уже не могли жить по-прежнему, в отличие от оппортунистов, ловко изгибавшихся "вместе с генеральной линией", как гласит одна грустная шутка. Совесть опять становилась ненужной, а вместе с ней и ее обладатели»³³.

Из титров кино срочно вырезали имя Галича, договоры с ним разрывали, минимальную пенсию по инвалидности — и ту отобрали. Но вдруг на его имя стали по почте приходить анонимные денежные переводы по 100 рублей. Позднее выяснилось, что эти деньги ему присылали ученые — Капица, Лебедев и другие. Казначеем этой черной кассы была Алиса Григорьевна Лебедева.

Наконец, когда Галич получил приглашение в Норвегию руководить семинаром по творчеству Станиславского, визы ему в ОВИРе не дали, а предложили уехать навсегда: «Меня вызвали в КГБ и сообщили о том, что я никогда не выеду из страны с советским паспортом, не имею права. Так сказать, человек, который уже так клеветает и ведет такую враждебную деятельность внутри страны, не может быть выпущен за рубеж как представитель СССР. Мне предложили выйти из гражданства и тогда подать заявление. Лишь в этом случае мне будет разрешено покинуть страну. Я сделал это далеко не сразу, наверное, месяцев через семь после этого. Я думал и нервничал, сходил с ума. И я понял, что меня вынуждают к этому, делают все возможное, чтобы я решился на этот шаг...» (Радиопередача из цикла «У микрофона Галич», радио «Свобода», 1975 г.).

Многое угнетало, многое смертельно надоело... Раздражал теперь даже давний выход на Западе книги его стихов «А. Галич. Песни» с перевранными текстами, куда по неосведомленности редактора (Е. Р. Романова³⁴) были включены и стихи Юза Алешковского, приписанные Галичу... «Эту книгу, кстати, я вообще своей не считал и не считаю» — говорил позднее поэт на нескольких

³³ Е. Евтушенко. Александр Галич // «Нет ходу нам назад». М., 1991. С. 54.

³⁴ Романов Евгений Романович — редактор издательства «Посев», а позднее председатель исполнительного Бюро НТС. «Посев» — название эмигрантского издательства, принадлежавшего Народно-трудовому союзу (НТС) в Германии, а также политического журнала, издававшегося этим издательством с 1945 года.

выступлениях (в том числе во Франкфурте в присутствии ее редактора).

В Серебряном бору в Москве летом 1973 года Галич написал один из своих шедевров — трагическую и гротескную маленькую поэму «Письмо в семнадцатый век». На тесном пространстве в сотню строк соседствуют глубокий лиризм и хлесткая памфлетность, двадцатый век с его пошлыми «светилами из светил» и семнадцатый, символизированный Прекрасной Дамой — «красоткой с картины Вермеера». Причудливое переплетение мира «обитателей государственных дач, «кому молебен благодарственный / я б так охотно посвятил», и мира идеальной красоты века за три до нас...

Я славлю упавшее в землю зерно
И мудрость огня.
За все, что мне скрыть от людей не дано —
Простите меня!

Один из главных мотивов поэмы — стыд за свое время и свою страну.

В 1974 году поэта наконец вынудили покинуть Советский Союз, причем только по израильской визе. 20 июня Галичу выдали документы для выезда.

О, только б сквозь черный провал рубежа,
Из скуки оков,
Теперь я решился, моя госпожа,
Вы только дождитесь меня, госпожа,
Вы только простите меня, госпожа
Во веки веков!

(«Письмо в семнадцатый век», ранний вариант, зафиксированный в некоторых магнитофонных записях)

«Госпожа», девушка с картины Вермеера Дельфтского, — кто она, только ли романтизированный семнадцатый век? Нет, конечно. Это персонифицированный образ того, что (по иному поводу) О. Мандельштам назвал — «тоской по мировой культуре». А с другой стороны, многое из того, что оставлял поэт в России, было той же «мировой культурой», ее неотъемлемой частью. Не об этом ли идет речь в стихотворении «Опыт ностальгии»:

Но тает февральская свечка,
Но спят на подушке сычи,
Но есть еще Черная речка,
Но есть еще Черная речка,
Но — есть — ещё — Черная речка...
Об этом не надо!
Молчи!

Здесь проступают ассоциации, связанные не только с Пушкиным, но и с Пастернаком, с Ахматовой, — со всем, от чего не оторвать того, кто вырос в России и предан ее искусству.

...

Очевидцы тех событий, например, Раиса Орлова, знакомая Галича еще с юношеских лет, вспоминает: «В июне 1974 года мы пришли прощаться. Насовсем. Они улетали на следующее утро. Саша страшно устал — сдавал багаж на таможне. Квартира уже полностью разорена. Но и для последнего обеда красивые тарелки, красивые чашки, салфетки».³⁵ Дочь поэта А. Архангельская-Галич рассказывает: «Когда отец выходил из дома, во дворе все окна были открыты, многие махали ему руками, прощались... Была заминка на таможне, когда ему устроили досмотр. Уже в самолете сидел экипаж и пассажиры, а его все не пускали и не пускали. Отцу велено было снять золотой нательный крест, который ему надели при крещении, дескать, золотой и не подлежит вывозу. На что папа ответил: "В таком случае я остаюсь, я не еду! Все!" Были длительные переговоры, и наконец велено было его выпустить. Отец шел к самолету совсем один по длинному стеклянному переходу с поднятой в руке гитарой...»³⁶

...

Наступил последний, недолгий (три с половиной года) эмигрантский период жизни Александра Галича, — в это время мне было подарено общение с этим необычным человеком и удивительным поэтом...

«Уходят, уходят, уходят друзья...» и превращаются в мемориальные доски.

Наверное, это и есть «экзистенциальный ужас»...

Гитара Галича (вторая, из служебного кабинета на радио) висит на стене в доме у бывшего режиссера «Свободы» Анатолия Шагиняна...

.....

Познакомились мы с Александром Аркадьевичем на конференции журнала «Посев» 24 июня 1974 года во Франкфурте. Он только что покинул Россию — утром прилетел во Франкфурт из

³⁵ Раиса Орлова. Воспоминания о непрошедшем времени. Апп Арбор, 1983. С. 289.

³⁶ Федор Раззаков. Звездные трагедии: загадки, судьбы и гибели. М., 2000. С. 82—102.

Вены, а на следующий день уже уезжал в Норвегию.

В Вене его поджидало предложение получить норвежское гражданство (по указу короля), но Галич гражданства не принял — он хотел остаться политическим эмигрантом, — это ему представлялось важным.

После обеда Галич пел. На столик перед ним были поставлены кассетные магнитофоны, в том числе и мой. Концерт состоял из двух отделений, в первом он пел песни, а во втором, кажется вообще впервые целиком, исполнил две поэмы: «Кадиш» и «О бегунах на длинные дистанции» (в позднейших изданиях — «Поэма о Сталине»).

Вечером мы с ним долго разговаривали, сначала в редакции «Посева», где нас оказалось четверо (вместе с двумя сотрудниками журнала), а потом в пивной болтали уже вдвоем.

Утром Галич с женой улетели в Осло. Там, в аэропорту, их встречал со всей своей семьей известный норвежский художник, член редколлегии «Континента», общий друг Галича, Сахарова и норвежского короля, — Виктор Спарре.

В Осло Галичи прожили около года. Он читал в университете лекции по истории русского театра. Кроме того, совместно с режиссером Рафаилом Голдиным, тоже недавним эмигрантом, снял 40-минутный фильм «Беженцы XX века». Там же в Норвегии вышла и его первая пластинка: «Крик шепотом» (к сожалению, на ней оркестр заглушает привычную гитару...)

Но именно на этой пластинке, еще за полгода до первого исполнения в Париже, появился лирический шедевр поэта — «Когда я вернусь»:

Когда я вернусь,
Засвистят в феврале соловьи —
Тот старый мотив — тот давнишний, забытый, запетый.
И я упаду,
Побежденный своею победой,
И ткнусь головою, как в пристань, в колени твои!

Затем Галич переехал в Мюнхен и стал работать консультантом при главной редакции «Свободы», регулярно выступая в программе «У микрофона Галич» (которая впервые прозвучала еще 24 августа 1974 г.)

Вот несколько отрывков из этих его передач.

Из передачи, посвященной Парижу (19 июля 1975 г.):

«Здравствуйте, дорогие друзья! Сегодня я говорю с вами из Парижа...

В первый же день по приезде в Париж я, естественно, помчался в госпиталь, который находится в Булонском лесу, в котором сейчас поправляется Виктор Платонович Некрасов — наш

замечательный писатель, благороднейший, мужественный человек, автор одной из лучших книг о войне "В окопах Сталинграда", автор замечательных "Путевых дневников", автор многих великодушных произведений. Доведенный почти до отчаяния издевательствами, которые чинили над ним власть предрешающие, обысками, допросами, бесконечным издевательством, бесконечными запрещениями того или другого произведения, он в середине прошлого года принял решение выехать во Францию...

Мы с ним продружили почти уже сорок лет, с юности, мы познакомились тогда, когда мы сдавали вместе на актерское отделение в студию Станиславского... Максимов, с которым позавчера мы вместе навещали Некрасова, сказал о нем, пожалуй, очень точно: Виктор Некрасов похож на начинающего, только начинающего стареть мушкетера...

...И опять вместе с Синявским мы бродили по Парижу, любовались Парижем, вдыхали необыкновенный парижский воздух, который даже табуны машин, заполонивших улицы Парижа, не могут испортить, потому что воздух этот прекрасен.

Из цикла «Благодарение» (о поэзии) (25 мая 1976 г.):

«...Сегодня мы опять поговорим о поэзии». Далее Галич говорит о стихах Мандельштама, о своей любви к ним, а потом:

«Кстати вот недавно поэт, хм... поэт Евгений Долматовский написал стихи про Париж:

Иду, короткой трубочкой сипя,
Ничем не отличимый от француза.
И только повторяю про себя:
"Я — гражданин Советского Союза".

Ну право, какое ж чувство благодарности можно испытать к человеку, написавшему подобное?»...

И еще очень интересный отрывок из передачи «Прощальный ужин» об А. Н. Вертинском (12 февраля 1977 г.):

«...И вот я пошел на концерт Вертинского. Он должен был выступать в Доме кино. Я хотел бы, чтобы это представили те из вас, которые родились в годы войны или после войны и которые не знают, почему так мы странно отнеслись к сообщению о том, что приехал Вертинский.

Долгие годы Александр Вертинский был не то чтобы под запретом, а был человеком из какой-то другой, фантастической жизни. Он эмигрировал в двадцатые годы, и иногда до нас случайно доходили какие-то его пластинки, стертые-престертые. Мы слушали их, едва разбирая слова... И то, что вот он, легендарный Вертинский, о котором нам рассказывали наши матери, — то, что он сегодня, сейчас, выступит и мы его увидим, казалось нам совершенно невероятным...

...Пианист сыграл вступление, и этот человек со стертым, невыразительным лицом произнес первые строчки:

Тихо тянутся сонные дроги
И, вздыхая, бредут под откос...

И мы увидели великого мастера с удивительно прекрасным лицом, сияющими лукавыми глазами, с такой выразительной пластикой рук и движений, которая дается годами большой работы и которая дарится людям большим их талантом. Я помню стихи Смелякова:

Гражданин Вертинский
вертится спокойно
девочки танцуют
английский фокстрот
я не понимаю, что это такое
как это такое за душу берет...

Но он врал, Ярослав Смеляков. Он-то понимал, почему это брало за душу, почему в этой лирической, салонной пронзительности было для нас такое новое ощущение свободы...

Потом, после этого концерта года два или три спустя, мне довелось познакомиться с Александром Николаевичем Вертинским. Мы даже жили с ним рядом в соседних номерах, в гостинице "Европейская", в Ленинграде, месяца полтора. Я работал тогда на киностудии "Ленфильм", делал сценарий, а у Вертинского были концерты. Он выступал в саду "Аквариум". И вот по вечерам, после концерта, он входил со своим стаканом чая. Он неизменно носил свой стакан чая с лимоном, садился и говорил мне: "Ну, давайте. Читайте стихи". Я читал ему Мандельштама, Пастернака, Заболоцкого, Сельвинского, Ахматову, Хармса. Читал совсем ему уже не известных даже по именам Бориса Корнилова и Павла Васильева, читал все то, что он, долгие годы оторванный от России, не мог знать. Он был не только исполнителем, не только замечательным мастером — он был поразительным слушателем. Сам — актер, певец, поэт, он умел слушать, особенно умел слушать стихи. И вкус у него на стихи был безошибочный. Он мог сфальшивить сам, мог иногда поставить неудачную строчку, мог даже неудачно (если ему было так удобней) изменить строчку поэта, на стихи которого писал песню, — но чувствовал он стихи безошибочно. И когда я прочел ему в первый раз стихотворение Мандельштама "Я вернулся в мой город, знакомый до слез", он заплакал, а потом сказал мне: "Запишите мне, пожалуйста. Запишите мне"....».

Так звучали в те глухие годы России передачи свободного человека из свободного мира. И хочется надеяться, что русские читатели еще увидят сборник его интереснейших радиотекстов.

Однажды в Мюнхене за обедом в «кantine» радиостанции он рассказал мне и еще двум сотрудникам радио о своей недавней поездке в Израиль, куда его пригласили с концертами. Первый концерт организовал один старый, бывалый импресарио, повидавший немало знаменитостей на своем веку. Григорий Сви́рский замечательно пересказывает эту устную новеллу в статье «Мой Галич»³⁷:

«Вышел я на авансцену, боковым зрением вижу, мой старик "на нерве". Крест — я там в лавочке "на дороге Христа" купил. Большой, почти патриарший, что ли. Надел перед выступлением, ну чтобы о вере вопросов в Израиле не задавали... Вера — это мое, интимное. Не для эстрады же! Крест что ли старика насторожил. Выглядывает из-за бокового занавеса. Порусски он ни бельмеса... Поверил слуху, что Галич — знаменитость, высокий класс. Я ударил по струнам гитары. Мой старик стал белее штукатурки. Понял: "Играть этот Галич не умеет..." Я запел "Облака плывут, облака". Он и вовсе показался из-за полотнища... В его глазах застыл ужас. Понял: "Петь он тоже не умеет..." Когда завершал "Облака", мой импресарио был на грани обморока. Высунулся на полкорпуса. Съезжился. Несчастнее его человека я не видел... И тут зал вдруг взорвался бешеными аплодисментами, криками. Глаза старика выкатились от изумления. Он ничего не мог понять. Артист явно играть не умеет, петь не умеет, а зал ревет... Да, так я вот тут два стихотворения написал об этой поездке. Одно — до, другое — там». Здесь Галич имеет в виду стихотворения «Вечный транзит» и «Песок Израиля».

Как всегда у Галича, в этих стихах незначительный случай из жизни, бытовая сценка наполняются глубоким философским смыслом. Эмигранты, ожидающие в Риме американских виз, едут посмотреть на Венецию:

В каналах вода зелена нестерпимо,
И ветер с лагуны пронзительно сер.
— Вы, братцы, из Рима?
— Из Рима, вестимо!
— А я из-под Орши — сказал гондольер...

А во втором стихотворении поэт увидел и в двух строках создал запоминающийся образ Израиля, вечной земли, в которой

³⁷ Гр. Сви́рский. «Мой Галич» <http://writer.fio.ru/news.php?n=18338&c=1437> (Писатель.ру 17/11/2002). Впоследствии Сви́рский включил статью о Галиче в книгу «Штрафники», изданную в интернете (<http://shtrafniki.narod.ru/svirski-frames.html>).

сошлись все времена, потому что — «из всех песочных часов на свете / кто-то сюда веками свозил песок...»

. . .

Через некоторое время Галич с повышением в должности был переведен в Париж и стал заведовать всей культурной программой радиостанции. Интересно, что этот его переезд, о котором он сам просил (и его просьба тут же была удовлетворена директором «Свободы» Ф. Рональдсом), в советской печати был истолкован как «ссылка» в Париж из Мюнхена! Дескать, не справился Галич с делами, вот его и сослали заведовать всеми культурными программами радио «Свобода»³⁸.

Мы с В. Некрасовым на второй день после приезда Галича в Париж провожали его из редакции «Континента» пешком на другой берег Сены в помещение радио. «И шуку бросили в реку», — сказал Галич, войдя в свой новый кабинет на улице Рапп³⁹. «А как тебе название улицы?», — спросил Некрасов. «Да, не очень подходяще!» — засмеялся Галич.

Минут через десять директор парижского филиала «Свободы» Виктор Владимирович Ризер (Шиманский) вызвал из студии нашего режиссера и тонмейстера, бывшего питерского актера Анатолия Шагиняна, и повел нас четверых в бретонский ресторан на той же улице Рапп — отпраздновать прибытие Галича.

До самой своей гибели в декабре 1977 года Галич был редактором всех моих передач. Горжусь тем, что мы в соавторстве с ним сделали несколько больших радиопрограмм. Особенно люблю нашу тридцатиминутную композицию «Париж в русской поэзии». Мы оба читали стихи поэтов разных времен, рассказывали о них и о Париже, Галич пел. Вел эту передачу, как и все другие такого рода передачи, Анатолий Шагинян.

³⁸ Вот образцы советского освещения этих событий: «В Мюнхене Галича ждал новый удар. Вашингтон решил перевести своего барда вместе с "культурной" секцией радиостанции "Свобода" в Париж на должность руководителя этой секции» (С. Григорьев, Ф. Шубин. Это случилось на «Свободе» // Неделя. 1978. № 16. А вот еще: «Хозяева радиостанции "Свобода", недовольные его поведением, приняли решение о понижении Галича в должности. Так Галич стал рядовым сотрудником парижской секции "Свободы"» (В. Логинов. Закон Судьбы. О трагедии Александра Галича // Человек и закон. 1989. № 6). Так рядовым или руководителем? Сговорились бы врать одинаково! Привожу эти выдержки из газет и журналов, поскольку страна должна знать не только своих стукачей, но и своих самых наглых лжецов!

³⁹ Улица носит это название с 1864 года. Названа в честь наполеоновского генерала Раппа (1773—1821).

Все эти парижские годы Галича мы встречались, как минимум, раз в неделю в редакции радио, время от времени у него дома, иногда в редакции «Континента», или двумя этажами ниже, в квартире у Максимова.

В Париже Галич написал одну из самых своих значительных вещей — к сожалению, до сих пор не оцененную критикой поэму «Осенние прогулки». Эта последняя крупная вещь Галича заслуживает особого разговора.

Поэма — превосходный образец жанра «опера нищих». В соответствии с традицией, идущей еще из семнадцатого столетия от Джона Гея и продолженной Робертом Бернсом, Бертольдом Брехтом и Вацлавом Гавелом, Галич выпустил на сцену ленинградского шалмана (вместо традиционной таверны) персонажи из разных классов советского общества. И все они, от спившегося работяги до «действительного члена» КПСС, заговорили, запели, закричали, поэма пронизана их смехом и горем, позором и яростью...

По условию жанра собравшиеся в таверне бродяги, представители разных уровней социального дна, спорят, исповедуются, похваляются в монологах и куплетах... У Р. Бернса это солдат, маркитантка, вор, кузнец, цыган. У Галича — работяга, «два ученых алкаша», буфетчица Света (бывшая учительница), партийный чиновник... У каждого свое горе, своя тема; ну, и мелодия тоже своя. Чередуются частушечные лихие строки в описании шалмана (главка 2) и чеканный ямб — голос главного героя. Этот герой — правдолюбец, благородный резонер классической драматургии, выразитель авторской позиции в произведении. Он — антипод Клима Петровича, он — работяга-обличитель:

Он, подлец, — мудрец и стоик,
Он прекрасен во хмелю...

А вот его монолог, страстный, прерывистый, непреклонный:

Мы землю долбили, мы грызли железо,
Мы грудь подставляли под дуло обреза,
.....
А вы нас вели от победы к победе,
И пуля свинцовая ставила точку...

Эти ритмы, эти интонации, эта ярость воскрешают в памяти «Контрабандистов» Багрицкого, первого учителя Галича в поэзии.

С появлением этой поэмы возникло ощущение, что многие прежние стихи Галича настолько естественно примыкают к ней, что становятся как бы ее интегральными частями. В классической опере нищих, состоящей из монологов персонажей, скрепленных небольшими комментирующими авторскими связками,

право голоса получают самые разные герои, предъявляются самые разные биографии и судьбы. Можно сказать, что Галич всю жизнь писал одну огромную «оперу нищих». Таким образом, если поставить на сцене эту трагическую комедию Галича, то в число действующих лиц неминуемо вошли бы и несчастная «генеральская дочь» из «Караганды», и напуганные маляры со всезнающим истопником, и солдат из «Вальса, посвященного уставу караульной службы», и бывший зэк из классических «Облаков», и палач из «Заклинания», и Зощенко, и Ахматова, и Блок, и незадачливый муж Парамоновой — почти все герои большей части его стихов, в том числе и Клим Петрович, и «марксист», рыдающий о наследстве тетки Калерии... И, конечно, сам автор, беседующий с чертом...

И Галич, действительно, мечтал поставить в Париже этот невероятный мюзикл! Сам хотел в нем играть, собирался пригласить Шагиняна сорежиссером и актером на несколько ролей. Виктора Некрасова тоже, помня о его актерском прошлом. (Мне предназначалась роль чёрта.) Об этом будущем спектакле он говорил не раз, все собирался сесть за «сценарий»... Не успел.

Возвращаясь к самой поэме, следует добавить, что ее лирическое обрамление только усиливает гротескность страшной буффонады, составившей ее ядро; имя этой буффонады — недавняя наша действительность. И еще одна очень важная особенность «оперы нищих» по Галичу — всё советское общество, сверху до низу, в его поэме оказывается на дне, за бортом жизни.

В 1977 году вышла вторая книга Галича «Когда я вернусь». Начинается она с прощальных циклов «Серебряный бор» и «Отчий дом», в центре ее — цикл «Дикий запад», а заканчивается книга, да и все творчество Галича, вся его «метапоэма», — «Осенними проглотками».

...

Все мы довольно часто бывали у Александра Аркадьевича дома: Шагинян, Некрасов, Эткинд, я... Входила неслышными шагами Ангелина Николаевна (Галич называл ее Нюша), садясь и элегантная, садилась всегда в одной и той же позе в широкое кресло у окна в углу.

Иногда он пел для нас, троих или четверых. Пел новые песни, а по нашим просьбам — и старые. Эткинд читал свои переводы, я — свои стихи. Ну и, конечно, разговоры... Всех здесь не воспроизвести, но вот один, — для этой статьи он, мне кажется, важен.

Как-то мы сидели у Галича с гостях с Анатолием Шагиняном, и тот спросил Александра Аркадьевича, почему он отказался от

всех своих песен, которые были до «Леночки». Галич иронично глянул и сказал: «Это из фильмов? Ну, к примеру, "Все наладится, образуется"? Наверное, это даже неплохо, но всякий фильм — одно цельное произведение, и когда песня из фильма отдельно поется, она уже не та, совсем не та, которую слышали сценарист и режиссер. Из фильма песню не вырвешь...»

Толя уточнил, что он спрашивает о тех песнях, что годами звучали по радио, таких, как «До свиданья, мама, не горюй».

Галич поморщился и сказал, что многие настоящие поэты с годами от всего среднего, от всего посредственного отрекались: «Ну, кто там, дома, знал мое имя как автора этой, простите за выражение, массовой продукции? Да и чем это лучше Долматовского или Лебедева-Кумача? И от них, и от множества других не отличить. Ну, хорошо, была у меня одна песня, хотя из кинофильма, а все-таки она, как мне долго казалось, могла выжить самостоятельно — из "Верных друзей"...

— "Лодочка?"

— Да нет. Вот эта:

Покажи мне только лишь на глобусе
Место верного свидания с тобой...

Но теперь вижу: только эти две строчки в ней настоящие. Правда, случается и по-другому... Вот мы перечеркнули почти все песни тридцатых годов. А вы обратите внимание, друзья мои, что в тридцатые годы слова в некоторых самых массовых песнях были, в отличие от какой-нибудь "Катюши" (кстати, того же времени), вовсе не халтурой: ну хотя бы "Тачанка" никому не известного Рудермана. Что мы о нем знаем? Что Михаилом звали? И все. А ведь какая песня!»

Он взял гитару и после длинного, сверху вниз перебора, пропел:

Ты лети с дороги, птица,
Зверь, с дороги уходи,
Видишь, облако клубится,
Кони мчатся впереди.

«Ну, первые две строки так, общефольклорные. Но дальше! Это же кинокадр! Балладная краткость, две детали — облако (пыль, то есть) да кони, — и какая динамика! А следующая строчка, ее давно уже никто не понимает, потому что тактику такого боя, естественно, все забыли: как пулеметчик с тачанки стрелял? "И с налета, с поворота" — это ведь, Вася, не просто внутренние рифмы! Пулемет располагался на задку тачанки, иначе своих же коней застрелишь! Значит — подлететь как можно ближе, развернуться и, как сказали бы пираты, "из кормовых орудий..." Вот

это и есть "с налета, с поворота". Два слова — и вся тактика боя описана!»

Потом помолчал и добавил: «Ну а поскольку мои массовые песни никак до такого уровня не дотягивали, то я от них и отказался. Ну, непохож тот, забытый, никому не известный Галич, на автора "Кадиша" хотя бы... А?» («Кадиш» Галич справедливо считал одной из самых больших своих удач).

Этот разговор я передаю так, как запомнил и записал по свежим следам. Жалею теперь, что дневников никогда не вел, а только спорадические записи делал — ленился.

В последнем нашем разговоре с Галичем речь зашла о Н.А. Некрасове. Просматривая в редакции радио перед записью на пленку мой очередной текст, Галич предложил мне вместе с ним написать и прочесть получасовую передачу к столетию со дня смерти Некрасова — он его очень любил. Было это 15 декабря 1977 года, около 11 часов утра. Уговорились, что я приду к Галичу домой в три часа, чтоб вплотную заняться передачей. До моего прихода он собирался заехать в специальный магазин, купить какую-то особую американскую антенну к недавно приобретенной им радио-магнитофонной системе.

Перед тем, как идти к нему, я примерно в половине третьего вместе с Виолеттой Иверни, сопровождавшей меня, повернул на улицу Лористон к Максимову. Поднимаясь по лестнице, громко сказал, что зайду только на минуту: Галич ждет меня в три (он жил в нескольких минутах ходьбы от улицы Лористон).

Наверху открылась дверь, на площадку вышел Владимир Максимов — и от него мы узнали ужасную новость: Галич умер полчаса назад. Максимов только что вернулся от него.

Мы тут же бросились туда, к Галичу. Из квартиры еще не ушли пожарники и врач-реаниматор.

Вот что произошло: когда Галич вернулся домой с новой антенной, Ангелины Николаевны не было дома. Он прошел прямо в свой кабинет и уже там скинул пальто на стул. Ангелина Николаевна, вернувшись и не увидев его пальто в передней, решила, что его еще нет дома, и пошла на кухню.

А он в это время уже лежал в кабинете на полу...

Галич совершенно ничего не понимал в технике, но ему явно хотелось поскорее испробовать новую антенну. Он попытался воткнуть ее вилку в какое-то первое попавшееся гнездо. Расстояние между шпёнками вилки было большим и подходило только к одному гнезду, которого Галич, по-видимому, не заметил. Он взял плоскогубцы и стал сгибать шпёнки, надеясь так уменьшить расстояние между ними. Согнул и воткнул-таки в гнездо, которое оказалось под током ...

По черным полосам на обеих ладонях, которые показал нам врач-реаниматор, было ясно: он взялся двумя руками за рога антенны, чтобы ее отрегулировать. Сердце, перенесшее не один инфаркт, не выдержало этих 220 вольт.

Рядом с ним на ковре лежали плоскогубцы и антенна...

Когда Ангелина Николаевна вошла в комнату и поняла, что произошло, она распахнула окно, закричала, стала звать пожарников, казарма которых находилась напротив, на другой стороне узкой улицы, потом тут же позвонила Максиму. Прибежали пожарники с врачом-реаниматором (в каждой французской пожарной команде он непременно есть и на все вызовы едет впереди команды). Но было поздно...

Естественно, тут же пошли слухи о том, что Галич погиб «от рук КГБ». Нет, то был чистейший несчастный случай, результат неумелого обращения с электричеством.

Эти слухи об убийстве ходят и до сих пор, не имея ничего общего с фактическими обстоятельствами трагедии.

Приведу некоторые высказывания о смерти Галича:

«О причинах смерти Александра Аркадьевича Галича ходит много слухов. Самый распространенный — агенты КГБ достали. Не думаю. Хотя бы потому, что после убийства Бандеры в 1959 году, наделавшего много шума, КГБ получил установку не применять более такого рода акций за границей. Во всяком случае, самим. Так пишет не только старый агент и организатор многих ликвидаций Павел Судоплатов, но и известный исследователь действий спецслужб Дж. Баррон в своих книгах «КГБ» и «КГБ сегодня». Это же подтверждает и (бывший — В. Б.) генерал КГБ Олег Калугин»

Валерий Лебедев⁴⁰.

«Его смерть — такая трагическая, ужасно нелепая. Она ему очень не подходила. Я спрашивал: у тамошних людей нет никаких сомнений, что эта смерть не подстроенная»

Владимир Войнович⁴¹.

«Я был в Мюнхене, когда пришла страшная новость из Парижа. Схватил несколько пленок с песнями Галича и побежал в студию. Что я говорил в микрофон о Галиче — не помню, но в какой-то момент стали душить слезы... В эмиграции он написал песню "Когда я вернусь". Мог бы, мог бы вернуться — он ведь ровесник Солженицына. Нелепый случай оборвал такую жизнь!»

В советской печати промелькнули тогда темные намеки, будто Галича кто-то убил — то ли из-за его связи с женой одного неприятного типа, то ли еще почему. В эмиграции боялись, что это было делом рук КГБ. И то, и другое неправда. Есть заключение

⁴⁰ Валерий Лебедев. Посмертная жизнь и приключения Галича. <http://www.bard.ru/galich/galich7.html>.

⁴¹ Федор Раззаков. Звездные трагедии: загадки, судьбы и гибели. М., 2000. С. 82—102.

прокурора Франции на основании тщательного расследования: случайная смерть»

Сева Новгородцев⁴².

22 декабря 1977 года в парижском Соборе Александра Невского состоялось отпевание Галича. На церемонии присутствовала вся редакция и многие авторы «Континента», редакция «Русской мысли», «Вестника РСХД», журналов «Грани»⁴³ и «Посев», русские писатели-эмигранты, художники, друзья. Многие приехали из Германии, Англии, Швейцарии. Из Норвегии прилетел Виктор Спарре. Пришли в «Континент» телеграммы из СССР — от академика А. Д. Сахарова, от А. Марченко и Л. Богораз из ссылки.

В Москве на следующий день после смерти поэта в двух театрах — на Таганке и в «Современнике» — в антрактах, без разрешения властей, были устроены короткие митинги памяти Галича.

А в Театре сатиры — 16 декабря после спектакля состоялся поминальный вечер. Стихи Галича читал Александр Ширвиндт.

Похоронили Галича на русском кладбище в Сен-Женевьев-де-Буа, дальнем пригороде Парижа. Здесь похоронены Иван Бунин, Алексей Ремизов, Зинаида Гиппиус, Дмитрий Мережковский, Константин Коровин, Сергей Лифарь, Виктор Некрасов, Рудольф Нуриев, Андрей Тарковский, Владимир Максимов...

Через десять лет там же похоронили и Ангелину Николаевну. 30 октября 1986 года она заснула в постели с горящей сигаретой в руке. Возник пожар, она задохнулась во сне. Вместе с ней погибла и ее собачка.

...

К 70-летию поэта был снят документальный фильм о нем — «Александр Галич. Изгнание». В Москве на доме 4 по улице Черняховского была открыта памятная доска с бронзовым барельефом (скульптор Александр Чичкин). Галич изображен в профиль, на доске написано: «В этом доме с 1956 года жил до своего изгнания в 1974 году русский поэт и драматург Александр Галич». Внизу — слова из Евангелия: «Блажени изгнанные правды ради» (повторение текста, высеченного на могиле в Сен-Женевьев).

⁴² Из радиопередачи «Севаоборот». БиБиСи, 13.12.1997.

⁴³ «Грани» — литературный журнал, издававшийся изд-вом «Посев». Основан в 1946 г. Основатель и первый гл. редактор — Е. Р. Романов. В течение почти тридцати лет с 1958 г. главным редактором была критик Н. Б. Тарасова. Затем несколько лет — писатель Георгий Владимов.

В заключение приведу ряд устных и письменных высказываний о Галиче нескольких его современников: поскольку поэзия Галича — это многоголосый хор, то пусть и разговор о ней станет подобием такого хора.

Д. С. ЛИХАЧЕВ:

Я слушал его, это было грандиозно — это пенье под гитару. Пел он не очень громко, было видно, что ему больно, что ему тяжело это петь. Он не злой был совершенно, Галич был страдающим человеком, он пел тогда «Гуляет охота», потом «Про товарища Парамонову», но это не производило впечатление издевки над Парамоновой, это была боль за существование таких явлений⁴⁴.

А. Д. САХАРОВ:

В декабре 1971 года был исключен из Союза писателей Александр Галич. И вскоре мы с Люсей пришли к нему домой; для меня это было началом большой и глубокой дружбы, а для Люси — восстановлением старой, ведь она знала его еще во время участия Севы Багрицкого в работе над пьесой «Город на заре»; правда, Саша был тогда сильно «старшим». В домашней обстановке в Галиче открывались какие-то «дополнительные», скрытые от постороннего взгляда черты его личности, — он становился гораздо мягче, проще, в какие-то моменты казался даже растерянным, несчастным. Но все время его не покидала свойственная ему благородная элегантность⁴⁵.

Лев КОПЕЛЕВ:

Давние знакомые и приятели, слушая песни, поражались: откуда у этого потомственного интеллигента, прославившего эстетом и снобом, этот язык, все это новое мироощущение? В каких университетах изучал он диалекты и жаргоны улиц, задворков, шалманов, забегаловок, разговоры канцелярий, лагерных пересылок, столичных и периферийных дешевых ресторанов?

Но и самые взыскательные мастера литературы говорили, что этот язык Галича — шершавая поросль, вызревающая чаще на асфальте, чем на земле, — в песнях обретает живую силу поэзии. Корней Иванович Чуковский целый

⁴⁴ Интервью журналу «Огонек» в 1988 году (<http://cip.nsk.su/win/first/fest30let.html>).

⁴⁵ А. Д. Сахаров. Воспоминания. Т. 2. Нью-Йорк, 1990. (<http://terraincognita.spb.ru/n7/galich.htm>).

вечер слушал его, просил еще и еще, вопреки правилам строгого трезвенника сам поднес певцу коньяку, а в заключение подарил свою книгу, надписав: «Ты, Моцарт, — Бог, и сам того не знаешь!»⁴⁶

Владимир ВОЛИН:

Галич был безмерно талантлив во всем, за что бы ни брался: актер, певец, поэт, прозаик, драматург, киносценарист... Аккомпанировал он себе на семиструнной — так называемой русской, или цыганской гитаре. У меня же была шестиструнная — «латиноамериканская». Различный строй, другие приемы, иная постановка пальцев. Однажды он попросил показать ему аккорды шестиструнки. Я продемонстрировал пять-шесть основных аккордов <...> Короче, весь малый джентльменский набор гитариста-любителя. И что же? Галич схватил всю эту премудрость с первого раза, взял инструмент, на котором сроду не играл, и тут же стал себе подыгрывать, словно всю жизнь держал в руках шестиструнку. Я не поверил глазам и ушам: мне для этого понадобился чуть ли не месяц!⁴⁷

Евгений ЕВТУШЕНКО:

Многие почитатели Высоцкого даже не подозревают, что у их кумира был прямой предшественник — Александр Галич.

Популярность Галича была, правда, более суженной — его знали больше в кругах интеллигенции, но думаю, что не менее полумиллиона пленок с его песнями бродило по домам. В отличие от Окуджавы и Высоцкого, у песен Галича никогда не было ни малейшего «официального» выхода к слушателям...⁴⁸

Фазиль ИСКАНДЕР:

Чтобы понять трагедию отъезда Галича, надо было видеть его в те дни, в те часы. Я с Галичем жил совсем рядом, в пяти минутах ходьбы, я пришел к нему прощаться. Надо было видеть его в тот момент. Такой большой, красивый, но совершенно погасший. Он пытался бодриться, конечно, но чем больше бодрился, тем больше чувствовал, что случилось нечто страшное. Я не хотел себе самому признаваться, что он уезжает умирать... Не хватило нам всем, может

⁴⁶ Памяти Александра Галича // *Континент*. № 16. С. 336.

⁴⁷ *Вл. Волин*. Он вышел на площадь (1979). <http://lib.ru/KSP/galich/galich2.txt>.

⁴⁸ *Е. Евтушенко*. Александр Галич // «Нет ходу нам назад». М., 1991. С. 53.

быть, хотя все его любили, такой любви, чтобы просто огр-
дить его...⁴⁹

Владимир МАКСИМОВ:

Его глубоко укорененный и поразительно естественный артистизм сказывался во всем: в быту, в творчестве, в отношении к людям. Долгим и непростым был путь этого художника от невинных комедий и остроумных скетчей до песен и поэм протеста, исполненных пафоса гнева и боли. Но тем значительнее и выше прозревается нам сейчас его высокая судьба⁵⁰.

Виктор НЕКРАСОВ:

Вспоминаю его располневшим, но всегда красивым немножко, даже слишком, в белом свитере под всегда модным пиджаком: «Ну, с чего же начнем?» И все умолкнут, задвигают стульями, поудобнее устроятся на диванах, в креслах, разных там пуфиках, а то и просто на полу... Это были замечательные вечера, все чувствовали себя причастными к чему-то серьезному, настоящему. И невольно могло почему-то казаться, что при всем при том, а вот может существовать у нас такой Саша Галич, Александр Аркадьевич, член Союза писателей, и может он выступать здесь, и не только среди друзей, но вот приглашали и пел в Новосибирске, в Академгородке, значит, все-таки что-то можно?!.. ... И на первом — после прошедшего все-таки того «вечера» — парижском вечере я тоже был. Народу собралось много. Очень много — и в зале, и в вестибюле. Я кого-то устраивал, пропуская, и сам остался без билета. Пролез как-то зайцем — на Сашу и зайцем! И устроившись потом где-то, не помню уже где, почувствовал, что волнуюсь. А когда на эстраду поднялся очень немолодой человек, и оказалось, что это сын Петра Аркадьевича Столыпина, убитого в мое время, в год моего рождения, мне совсем стало не по себе. Вот объявит он сейчас о выступлении известного поэта и барда Александра Аркадьевича Галича, а поймут ли его люди, большинство в зале, никогда в глаза не видевшие вертухая, а то и просто милиционера, не понимающие, что такое «порученец», и почему «коньячку принял полкило», и где такой Абакан, куда плывут облака? Кое-кто понял, кое-кто нет...⁵¹

⁴⁹ А. Шаталов. «Век наш пробует нас». Из выступления Фазиля Искандера на вечере памяти Галича. <http://lib.ru/KSP/galich/galich2.txt>.

⁵⁰ Они и мы. Размышления у театрального подъезда // Континент. № 23. С. 15.

⁵¹ А. Шаталов. «Век наш пробует нас». <http://lib.ru/KSP/galich/galich2.txt>

Булат ОКУДЖАВА:

Стихи Александра Галича оказались счастливее его самого: они легально вернулись на родину. Да будет благословенна память об удивительном поэте, изгнаннике и страдальце⁵².

Василий АКСЕНОВ:

Улица Андропова — центральная улица Ярославля. А где хотя бы один пароход «Академик Сахаров», «Александр Галич»?⁵³

Мария РОЗАНОВА-СИНЯВСКАЯ:

Все правильно. Как в моем любимом анекдоте. Идут два ворошиловских стрелка по Пушкинской площади, и один другому говорит: «Ну где справедливость, ведь попал-то Дантес, а памятник поставили Пушкину?!» Справедливости нет и не будет. Не ждите. И тем более не ждите ее от начальства. Галич ведь из первопроходцев, а авангард в президиум не попадает. Мы рождались на песнях Окуджавы, зрели и многое понимали на песнях Высоцкого, а сражались уже под песни Галича⁵⁴.

⁵² В кн.: *Александр Галич. Избранные стихотворения*. М., 1989. (На форзаце).

⁵³ Когда я вернусь // *Огонек*. 1997. № 50, 15 декабря.

⁵⁴ Когда я вернусь // *Огонек*. 1997. № 50, 15 декабря.

*СТИХОТВОРЕНИЯ
И
ПОЭМЫ*

*ПОКОЛЕНИЕ
ОБРЕЧЕННЫХ*

Я ВЫБИРАЮ СВОБОДУ

1. СТАРАТЕЛЬСКИЙ ВАЛЬСОК

Мы давно называемся взрослыми
И не платим мальчишеству дань,
И за кладом на сказочном острове
Не стремимся мы в дальнюю даль.
Ни в пустыню, ни к полюсу холода,
Ни на катере... к этакой матери.
Но поскольку молчание — золото,
То и мы, безусловно, старатели.

Промолчи — попадешь в богачи!
Промолчи, промолчи, промолчи!

И не веря ни сердцу, ни разуму,
Для надежности спрятав глаза,
Сколько раз мы молчали по-разному,
Но не против, конечно, а за!
Где теперь крикуны и печальники?
Отшумели и стинули смолоду...
А молчальники вышли в начальники,
Потому что молчание — золото.

Промолчи — попадешь в первачи!
Промолчи, промолчи, промолчи!

И теперь, когда стали мы первыми,
Нас заела речей маята.
Но под всеми словесными перлами
Проступает пятном немота.
Пусть другие кричат от отчаянья,
От обиды, от боли, от голода!
Мы-то знаем — доходней молчание,
Потому что молчание — золото!

Вот как просто попасть в богачи,
Вот как просто попасть в первачи,
Вот как просто попасть — в палачи:
Промолчи, промолчи, промолчи!

2. ПЕТЕРБУРГСКИЙ РОМАНС

Посвящается Н. Рязанцевой

Жалеть о нем не должно,
...он сам виновник всех своих злосчастных бед,
Терпя, чего терпеть без подлости — не можно...

Н. Карамзин

...Быть бы мне поспокойней,
Не казаться, а быть!
...Здесь мосты, словно кони —
По ночам на дыбы!

Здесь всегда по квадрату
На рассвете полки —
От Синода к Сенату,
Как четыре строки!

Здесь, над винною стойкой,
Над пожаром зари
Наколдовано столько,
Набормотано столько,
Наколдовано столько,
Набормотано столько,
Что пойдя — повтори!

Все земные печали —
Были в этом краю...
Вот и платим молчаньем
За причастность свою!

Мальчишки были безусы,
Прапоры и корнеты.
Мальчишки были безумны —
К чему им мои советы?!

Лечиться бы им, лечиться,
На кислые ездить воды —

Они ж по ночам:
«Отчизна!
Тираны! Заря свободы!»

Полковник я, а не прапор,
Я в битвах сражался стойко,
И весь их щенячий табор
Мне мнился игрой, и только.

И я восклицал: «Тираны!»
И я прославлял свободу,
Под пламенные тирады
Мы пили вино, как воду.

И в то роковое утро
(Отнюдь не угрозой чести!)
Казалось куда как мудро
Себя объявить в отъезде.

Зачем же потом случилось,
Что меркнет копеекой ржавой
Всей славы моей лучинность
Пред солнечной ихней славой?!

...Болят к непогоде раны,
Уныло проходят годы...
Но я же кричал: «Тираны!»
И славил зарю свободы!

Повторяется шепот,
Повторяем следы.
Никого еще опыт
Не спасал от беды!

О, доколе, доколе,
И не здесь, а везде
Будут Клодтовы кони
Подчиняться узде?!

И все так же, не проще,
Век наш пробует нас —
Можешь выйти на площадь,
Смеешь выйти на площадь,

Можешь выйти на площадь,
Смеешь выйти на площадь
В тот назначенный час?!

Где стоят по квадрату
В ожидание полки —
От Синода к Сенату,
Как четыре строки?!

22 августа 1968

3. ЗАКОН ПРИРОДЫ

(Подражание Беранже)

Ать-два, левой-правой,
Три-четыре, левой-правой,
Ать-два-три.
Левой, два-три!

Отправлен взвод в ночной дозор
Приказом короля.
Выводит взвод тамбурмажор,
Тра-ля-ля-ля-ля-ля!
Эй, горожане, прячьте жен,
Не лезьте сдуру на рожон!
Выводит взвод тамбурмажор,
Тра-ля-ля-ля!
Пусть в бою труслив, как заяц,
И деньжат всегда в обрез,
Но зато — какой красавец!
Черт возьми, какой красавец!
И какой на вид храбрец!

Ать-два, левой-правой,
Три-четыре, левой-правой,
Ать-два-три!
Левой, два-три!

Проходит взвод при свете звезд,
Дрожит под ним земля.

Выходит взвод на Чертов мост,
Тра-ля-ля-ля-ля-ля!
Чеканя шаг, при свете звезд,
На Чертов мост выходит пост,
И, раскачавшись, рухнул мост,
Тра-ля-ля-ля!
Целый взвод слизнули воды,
Как корова языком,
Потому что у природы
Есть такой закон природы —
Колебательный закон!

Ать два, левой-правой,
Три — четыре, левой-правой,
Ать-два-три,
Левой, два-три!

Давно в музей отправлен трон,
Не стало короля,
Но существует тот закон,
Тра-ля-ля-ля-ля-ля!
И кто с законом не знаком,
Пусть учит срочно тот закон,
Он очень важен, тот закон,
Тра-ля-ля-ля!
Повторяйте ж на дорогу
Не для кружева — словца,
А поверьте, ей же Богу,
Если все шагают в ногу —
Мост об-ру-ши-ва-ет-ся!

Ать-два, левой-правой,
Три-четыре, левой-правой,
Ать-два-три,
Левой, правой —
Кто как хочет!

4. ВАЛЬС, ПОСВЯЩЕННЫЙ УСТАВУ КАРАУЛЬНОЙ СЛУЖБЫ

Поколение обреченных!
Как недавно и, ох, как давно,

Мы смешили смешливых девчонок,
На протырку ходили в кино.

Но задул сорок первого ветер —
Вот и стали мы взрослыми вдруг.
И вколачивал шкура-ефрейтор
В нас премудрость науки наук.

О, суконная прелесть устава —
И во сне позабыть не моги,
Что любое движение направо
Начинается с левой ноги.

А потом в разноцветных нашивках
Принесли мы гвардейскую статью
И женились на разных паршивках,
Чтобы все поскорей наверстать.

И по площади Красной, шалея,
Мы шагали — со славой на «ты», —
Улыбался нам Он с мавзолея,
И охрана бросала цветы.

Ах, как шаг мы печатали браво,
Как легко мы прощали долги!..
Позабыв, что движение направо
Начинается с левой ноги.

Что же вы присмирели, задиры?!
Не такой нам мечтался удел.
Как пошли нас судить дезертиры,
Только пух, так сказать, полетел.

Отвечай, солдат, как есть на духу!
Отвечай, солдат, как есть на духу!
Отвечай, солдат, как есть на духу!
Ты кончай, солдат, нести чепуху:
Что от Волги, мол, дошел до Белграда,
Не искал, мол, ни чинов, ни разживу...
Так чего же ты не помер, как надо?
Как положено тебе по ранжиру?!

Еле слышно отвечает солдат,
Еле слышно отвечает солдат,

Еле слышно отвечает солдат —
Ну, не вышло помереть, виноват.
Виноват, что не загнулся от пули,
Пуля-дура не в того угодила,
Это вроде как с наградами в ПУРе,
Вот и пули на меня не хватило!

Все морочишь нас, солдат, стариной?!
Все морочишь нас, солдат, стариной!
Все морочишь нас, солдат, стариной —
Бьешь на жалость, гражданин строевой!
Ни денег, мол, ни квартирки отдельной,
Ничего, мол, нет такого в заводе,
И один ты, значит, вроде идейный,
А другие, значит, вроде Володи!

Ох, лютует прокурор-дезертир!
Ох, лютует прокурор-дезертир!
Ох, лютует прокурор-дезертир! —
Припечатает годам к десяти!

Ах, друзья ж вы мои, дуралеи, —
Снова в грязь непроезжих дорог!
Заключенные параллели
Преподали нам славный урок —

Не делить с подонками хлеба,
Перед лестью не падать ниц,
И не верить ни в чистое небо,
Ни в улыбку сиятельных лиц.

Пусть опять нас тетешкает слава,
Пусть друзьями назвались враги, —
Помним мы, что движенье направо
Начинается с левой ноги!

5. ПАМЯТИ ЖИВАГО

...Два вола, впряженные в арбу, медленно подымались на крутой холм. Несколько грузин сопровождали арбу. «Откуда вы?» — спросил я их. — «Из Тегерана». — «Что везете?» — «Грибоеда».

А. Пушкин. «Путешествие в Арзрум»

Опять над Москвою пожары,
И грязная наледь в крови,
И это уже не татары,
Похуже Мамая — свои!

В предчувствии гибели низкой
Октябрь разыгрался с утра,
Цепочкой, по Малой Никитской
Прорваться хотят юнкера.

Не надо, оставьте, отставить!
Мы загодя знаем итог!
А снегу придется растаять
И с кровью уплыть в водосток.

Но катится снова и снова
— Ура! — сквозь глухую пальбу.
И челка московского сноба
Под выстрелы пляшет на лбу!

Из окон, ворот, подворотен
Глядит, притаясь, дребедень.
А суть мы потом наворотим
И тень наведем на плетень!

И станет далекое близким,
И кровь притворится водой,
Когда по Ямским и Грузинским
Покой обернется бедой!

И станет преступное дерзким,
И будет обидно, хоть плачь,
Когда протрусит Камергерским
В испарине страха лихач!

Свернет на Тверскую к Страстному,
Трясаясь, матерясь и дрожа,
И это положат в основу
Рассказа о днях мятежа.

А ты, до беспамятства рада,
У Иверской купишь цветы,
Сидельцев Охотного ряда
Поздравишь с победою ты.

Ты скажешь — пахнуло озоном,
Трудящимся дали права!
И город малиновым звоном
Ответит на эти слова.

О, Боже мой, Боже мой, Боже!
Кто выдумал эту игру!
И снова погода, похоже,
Испортиться хочет к утру.

Предвестьем Всевышнего гнева
Посыплется с неба крупа,
У церкви Бориса и Глеба
Сойдется в молчаньи толпа.

И тут ты заплачешь. И даже
Пригнешься от боли тупой.
А кто-то, нахальный и ражий,
Взмахнет картузом над толпой!

Нахальный, воинственный, ражий
Пойдет баламутить народ!..
Повозки с кровавой поклажей
Скрипят у Никитских ворот...

Так вот она, ваша победа!
«Заря долгожданного дня!»
«Кого там везут?» —
«Грибоеда».
Кого отпевают? —
Меня!

6. КОЛЫБЕЛЬНЫЙ ВАЛЬС

Баю-баю-баю-бай!
Ходи в петлю, ходи в рай,
Баю-баюшки-баю!
Хорошо ль тебе в раю?
Улетая — улетай!
Баю-баю-баю-бай!
Баю-бай!

Но в рай мы не верим, нехристи,
Незрячим к чему приметы!
А утром пропавших без вести
Выводят на берег Леты.

Сидят пропавшие, греются,
Следят за речным приливом.
А что им, счастливым, грезится?
Не грезится им, счастливым.

Баю-баю-баю-бай!
Забывая — забывай!
Баю-бай!

Идут им харчи казенные,
Завозят вино — погуливают,
Сидят палачи и казенные,
Поплевывают, покуривают.

Придавят бычок подошвою,
И в лени от ветра вольного
Пропавшее наше прошлое
Спит под присмотром конвойного.

Баю-баю-баю-бай!
Ходи в петлю, ходи в рай!
Гаркнет ворон на плетне —
Хорошо ль тебе в петле?
Помирая — помирай,
Баю-баю-баю-бай!
Баю-бай!

7. ПЕРЕСЕЛЕНИЕ ДУШ

Не хочу посмертных антраша,
Никаких красотостей не выберу.
Пусть моя нетленная душа
Подлецу достанется и шиберу!

Пусть он, сволочь, врет и предает,
Пусть он ходит, ворон, в перьях сокола.
Все на свете пули — в недолет,
Все невзгоды — не к нему, а около!

Хорошо ему у пирога,
Все полно приязни и приятельства —
И номенклатурные блага,
И номенклатурные предательства!

С каждым днем любезнее житье,
Но в минуту самую внезапную
Пусть ему — отчаянье мое
Сдавит сучье горло черной лапою!

8. НЕОКОНЧЕННАЯ ПЕСНЯ

Старики управляют миром,
Суетятся, как злые мыши,
Им по справке, выданной МИДом,
От семидесяти и выше.

Откружили в боях и в вальсах,
Отмолили годам продление
И в сведенных подагрой пальцах
Держат крепко бразды правленья.

По утрам их терзает кашель,
И поводят глазами шало
Над тарелками с манной кашей
Президенты Земного Шара!

Старики управляют миром,
Где обличья подобны маскам,

Пахнут весны — яичным мылом,
Пахнут зимы — камфарным маслом.

В этом мире — ни слов, ни сути,
В этом мире — ни слез, ни крови!
А уж наши с тобою судьбы
Не играют и вовсе роли!

Им важнее, где рваться минам,
Им важнее, где быть границам...
Старики управляют миром,
Только им по ночам не спится.

А девчонка гуляет с милым,
А в лесу раскричалась птица!
Старики управляют миром,
Только им по ночам не спится.

А в саду набухает завязь,
А мальчишки трубят «по коням!»
И острее, чем совесть — зависть
Старикам не дает покоя!

Грозный счет покоренным милям
Отчеркнет пожелтевший ноготь.
Старики управляют миром,
А вот сладить со сном — не могут!

9. НОЧНОЙ ДОЗОР

Когда в городе гаснут праздники,
Когда грешники спят и праведники,
Государственные запасники
Покидают тихонько памятники.
Сотни тысяч (и все — похожие)
Вдоль по лунной идут дорожке,
И случайные прохожие
Кувыркаются в «неотложки»,
И бьют барабаны!..
Бьют барабаны,
Бьют, бьют, бьют!

На часах замирает маятник,
Стрелки рвутся бежать обратно:
Одинокий шагает памятник,
Повторенный тысячекратно.
То он в бронзе, а то он в мраморе,
То он с трубкой, а то без трубки,
И за ним, как барашки на море,
Чешут гипсовые обрубки.
И бьют барабаны!..
Бьют барабаны,
Бьют, бьют, бьют!

Я открою окно, я высунусь,
Дрожь пронзит, будто сто по Цельсию!
Вижу: бронзовый генералиссимус
Шутовскую ведет процессию.
Он выходит на место лобное,
«Гений всех времен и народов!»
И, как в старое время доброе,
Принимает парад уродов!
И бьют барабаны!..
Бьют барабаны,
Бьют, бьют, бьют!

Прет стеной мимо дома нашего
Хлам, забытый в углу уборщицей,
Вот сапог громыхает маршево,
Вот обломанный ус топорщится!
Им пока — скрипеть, да поругиваться,
Да следы оставлять линючие,
Но уверена даже пуговица,
Что сгодится еще при случае.
И будут бить барабаны!
Бить барабаны,
Бить, бить, бить!

Утро родины нашей розово,
Позывные летят, попискивая,
Восвояси уходит бронзовый,
Но лежат, притаившись, гипсовые.
Пусть до времени покалечены,
Но и в прахе хранят обличие,
Им бы, гипсовым, человечины —

Они вновь обретут величие!
И будут бить барабаны!..
Бить барабаны,
Бить, бить, бить!

10. Я ВЫБИРАЮ СВОБОДУ

Сердце мое заштопано,
В серой пыли виски,
Но я выбираю Свободу,
И — свистите во все свистки!

И лопаются терпенье,
И тысячи три рубак
Вострят, словно финки, перья,
Спускают с цепи собак.

Брест и Унгены заперты,
Дозоры и там, и тут,
И всё меня ждут на Западе,
Но только напрасно ждут!

Я выбираю Свободу, —
Но не из боя, а в бой,
Я выбираю Свободу
Быть просто самим собой.

И это моя Свобода,
Нужны ли слова ясней?!
И это моя забота —
Как мне поладить с ней.

Но слаще, чем ваши байки,
Мне гордость моей беды,
Свобода казенной пайки,
Свобода глотка воды.

Я выбираю Свободу,
Я пью с нею нынче на «ты».
Я выбираю свободу
Норильска и Воркуты.

Где вновь огородной тяпкой
Над всходами пляшет кнут,
Где пулею или тряпкой
Однажды мне рот заткнут.

Но славно звенит дорога,
И каждый приют как храм.
А пуля весит немного —
Не больше, чем восемь грамм.

Я выбираю Свободу, —
Пускай груба и ряба,
А вы валяйте, по капле
«Выдавливаете раба»!

По капле и есть по капле —
Пользительно и хитро,
По капле — это на Капри,
А нам — подставляй ведро!

А нам — подавай корыто,
И встанем во всей красе!
Не тайно, не шито-крыто,
А чтоб любовались все!

Я выбираю Свободу,
И знайте, не я один!
И мне говорит «свобода»:
«Ну, что ж, говорит, одевайтесь
И пройдемте-ка, гражданин».

11. ПЕСНЯ ИСХОДА

*Галинке и Виктору —
мой прощальный подарок.*

...но Идущий за мной сильнее меня...

от Матфея

Уезжаете?! Уезжайте —
За таможни и облака.
От прощальных рукопожатий
Похудела моя рука!

Я не плакальщик и не стража,
И в литавры не стану бить.
Уезжаете?! Воля ваша!
Значит — так по сему и быть!

И плевать, что на сердце кисло,
Что прощанье как в горле ком...
Больше нету ни сил, ни смысла
Ставить ставку на этот кон!

Разыграешься только-только,
А уже из колоды — прыг! —
Не семерка, не туз, не тройка.
Окаянная дама пик!

И от этих усатых шатий,
От анкет и ночных тревог —
Уезжаете?! Уезжайте.
Улетайте — и дай вам Бог!

Улетайте к неверной правде
От взыправдашних мерзлых зон.
Только мертвых своих оставьте,
Не тревожьте их мертвый сон.

Там — в Понарах и в Бабьем Яре, —
Где поныне и следа нет,
Лишь пронзительный запах гари
Будет жить еще сотни лет!

В Казахстане и в Магадане
Среди снега и ковыля...
Разве есть земля богоданней,
Чем безбожная та земля?!

И под мраморным обелиском
На распутице площадей,
Где, крещенных единым списком,
Превратила их смерть в людей!

А над ними шумят березы —
У деревьев свое родство!
А над ними звенят морозы
На Крещение и Рождество!

...Я стою на пороге года —
Ваш сородич и ваш изгой,
Ваш последний певец исхода,
Но за мною придет Другой!

На глаза нахлобучив шляпу,
Дерзкой рыбой, пробившей лед,
Он пойдет, не спеша, по трапу
В отлетающий самолет!

Я стою... Велика ли странность?
Я привычно машу рукой!
Уезжайте! А я останусь.
Я на этой земле останусь.
Кто-то ж должен, презрев усталость,
Наших мертвых стеречь покой!

20 декабря 1971

12. ПЕСЕНКА-МОЛИТВА,

которую надо прочесть перед самым отлетом

Галиньке

Когда — под крылом — добежит земля
К взлетному рубежу,
Зажмурь глаза и представь, что я
Рядом с тобой сижу.

Пилот на табло зажег огоньки,
Искусственную зарю,
А я касаюсь твоей руки
И шепотом говорю:

— Помолимся вместе, чтоб этот путь
Стал Божьей твоей судьбой.
Помолимся тихо, чтоб где-нибудь
Нам свидеться вновь с тобой!

Я твердо верю, что будет так, —
Всей силой моей любви!

Твой каждый вздох и твой каждый шаг,
Господи, благослови!

И слухам о смерти моей не верь —
Ее не допустит Бог!
Еще, ты, я знаю, откроешь дверь
Однажды — на мой звонок!

Еще очистительная гроза
Подарит нам правды свет!
Да будет так!
И открой глаза:
Моя — на ладони твоей — слеза,
Но нет меня рядом, нет!

Москва
9 января 1972

13. БЕЗ НАЗВАНИЯ

Посвящается В. Беньяш

Вот пришли и ко мне седины,
Распеваётся воронье!
«Не судите, да не судимы...» —
Заклинает меня вранье.

Ах, забвенья глоток студёный,
Ты охотно напомнишь мне,
Как роскошный герой — Буденный —
На роскошном скакал коне.

Так давайте ж, друзья, устроим
Наших сил золотой запас,
«Нас не трогай, и мы не тронем...» —
Это пели мы! И не раз!..

«Не судите!»
Смирней, чем Авель.
Падай в ноги за хлеб и кров...
Ну, писал там какой-то Бабель,
И не стало его — делов!

«Не судите!»

И нет мерила,
Все дозволено, кроме слов...
Ну, какая-то там Марина
Захлебнулась в петле — делов!

«Не судите!»

Малюйте зори,
Забивайте своих козлов...
Ну какой-то там «чайник» в зоне
Все о Федре кричал — делов!

— Я не увижу знаменитой Федры
В старинном многоярусном театре! —

...Он не увидит знаменитой Федры
В старинном многоярусном театре! —

Пребывая в туманной черноте,
Обращаюсь с мольбой к историку —
От великой своей учености
Удели мне хотя бы толику!

Я ж пути не ищу раскольного,
Я готов шагать по законному!
Успокой меня, беспокойного,
Растолкуй ты мне, бестолковому!
А историк мне отвечает:
«Я другой такой страны не знаю...»

Будьте ж счастливы, голосуйте,
Маршируйте к плечу плечом,
Те, кто выбраны, те и судьи,
Посторонним вход воспрещен!

Ах, как быстро, несусветимы
Дни пошли нам виски сидеть...
«Не судите, да не судимы...»
Так, вот, значит, и не судить?!

Так, вот, значит, и спать спокойно,
Опускать пятаки в метро?!
А судить да рядить — на кой нам?!
«Нас не трогай, и мы не тро...»

Нет! Презренна по самой сути
Эта формула бытия!
Те, кто выбраны, те и судьи?!
Я не выбран. Но я судья!

14. ПЕСНЯ О НОЧНОМ ПОЛЕТЕ

Ах, как трудно улетают люди,
Вот идут по трапу на ветру,
Вспоминая ангельские лютни
И тому подобную муру!
Улетают, как уходят в нети,
Исчезают угольком в золе,
До чего все трудно людям в небе,
До чего все мило на земле!

Пристегните ремни, пристегните ремни!
Ну, давай посошок на дорожку налей!
Тут уж ясное дело, темни не темни,
А на поезде ездить людям веселей...
Пристегните ремни, пристегните ремни!
Не курить! Пристегните ремни!

И такой, на землю не похожий
Синий мир за взлетной крутизной...
Пахнет небо хлоркою и кожей,
А не теплой горестью земной!
И вино в пластмассовой посуде
Не сулит ни хмеля, ни чудес,
Улетают, улетают люди
В злую даль за тридевять небес!

Пристегните ремни, пристегните ремни,
Помоги, дорогой, чемоданчик поднять...
И какие-то вдруг побежали огни,
И уже ничего невозможно понять,
Пристегните ремни, пристегните ремни
Не курить! пристегните ремни!

Люди спят, измученные смутой,
Снятся людям их земные сны
Перед тою роковой минутой
Вечной и последней тишины!

А потом, отдав себя крушенью,
Камнем вниз, не слушаясь руля!
И земля ломает людям шею,
Их благословенная земля.

Пристегните ремни! Пристегните ремни!
Мы взлетели уже? Я не понял. А вы?
А в окно еще виден кусочек земли,
И немножко бетона, немножко травы...
Отстегните ремни! Отстегните ремни!
Навсегда отстегните ремни!

15. СПРАШИВАЙТЕ, МАЛЬЧИКИ!

Спрашивает мальчик — почему?
Спрашивает мальчик — почему?
Двести раз и триста — почему?
Тучка набегаёт на чело.
А папаша режет ветчину,
А папаша режет ветчину,
Он сопит и режет ветчину
И не отвечает ничего.

Снова замаячили боль, боль,
Снова рвутся мальчики в пыль, в бой!
Вы их не пугайте, не отваживайте,
Спрашивайте, мальчики, спрашивайте,
Спрашивайте, мальчики, спрашивайте,
Спрашивайте, спрашивайте!

Спрашивайте, как и почему?
Спрашивайте, как и почему?
Как, и отчего, и почему?
Спрашивайте, мальчики, отцов!
Сколько бы ни резать ветчину,
Сколько бы ни резать ветчину —
Надо ж отвечать в конце концов!

Но в зрачке — хрусталике — вдруг муть,
А старые сандалики, ух, жмут!
Ну, и не жалеете их, снашивайте!
Спрашивайте, мальчики, спрашивайте!
Спрашивайте!!!

16. ОШИБКА

Мы похоронены где-то под Нарвой,
Под Нарвой, под Нарвой,
Мы похоронены где-то под Нарвой,
Мы были — и нет.
Так и лежим, как шагали, попарно,
Попарно, попарно,
Так и лежим, как шагали, попарно,
И общий привет!

И не тревожит ни враг, ни побудка,
Побудка, побудка,
И не тревожит ни враг, ни побудка
Померзших ребят.
Только однажды мы слышим, как будто,
Как будто, как будто,
Только однажды мы слышим, как будто
Вновь трубы трубят.

Что ж, подымайтесь, такие-сякие,
Такие-сякие,
Что ж, подымайтесь, такие-сякие,
Ведь кровь — не вода!
Если зовет своих мертвых Россия,
Россия, Россия,
Если зовет своих мертвых Россия,
Так значит — беда!

Вот мы и встали в крестах да в нашивках,
В нашивках, в нашивках,
Вот мы и встали в крестах да в нашивках,
В снежном дыму.
Смотрим и видим, что вышла ошибка,
Ошибка, ошибка,
Смотрим и видим, что вышла ошибка,
И мы — ни к чему!

Где полегла в сорок третьем пехота,
Пехота, пехота
Где полегла в сорок третьем пехота,
Без толку, зазря,

Там по пороше гуляет охота,
Охота, охота,
Там по пороше гуляет охота,
Трубят егеря!

Там по пороше гуляет охота,
Трубят егеря...

17. ПОЕЗД

Памяти С. М. Михозлса

Ни гневом, ни порицанием
Давно уж мы не бряцаем:
Здороваемся с подлецами,
Раскланиваемся с полицаем.

Не рвемся ни в бой, ни в поиск —
Всё праведно, всё душевно.
Но помни — отходит поезд!
Ты слышишь? Уходит поезд
Сегодня и ежедневно.

А мы балагурим, а мы куролесим,
Нам недругов лесть, как вода из колодца!
А где-то по рельсам, по рельсам, по рельсам —
Колеса, колеса, колеса, колеса...

Такой у нас нрав спокойный,
Что без никаких стараний
Нам кажется путь окольный
Кратчайшим из расстояний.

Оплачен страховки полис,
Готовит обед царевна...
Но помни — отходит поезд,
Ты слышишь?! Уходит поезд
Сегодня и ежедневно.

Мы пол отциклюем, мы шторы повесим,
Чтоб нашему раю — ни краю, ни сноса,

А где-то по рельсам, по рельсам, по рельсам —
Колеса, колеса, колеса, колеса...

От скорости века в сонности
Живем мы, в живых не значась...
Непротивление совести —
Удобнейшее из чудачеств!

И только порой под сердцем
Кольнет тоскливо и гневно —
Уходит наш поезд в Освенцим,
Наш поезд уходит в Освенцим
Сегодня и ежедневно!

А как наши судьбы — как будто похожи —
И на гору вместе, и вместе с откоса!
Но вечно — по рельсам, по сердцу, по коже —
Колеса, колеса, колеса, колеса!

18. УХОДЯТ ДРУЗЬЯ

Памяти Фриды Вигоровой

На последней странице газет печатаются
объявления о смерти, а на первых — статьи,
сообщения и покаянные письма.

Уходят, уходят, уходят друзья,
Одни — в никуда, а другие — в князья...
В осенние дни и в весенние дни,
Как будто в году воскресенья одни.
Уходят, уходят, уходят,
Уходят мои друзья!

Не спешите сообщить по секрету:
Я не верю вам, не верю, не верю!
Но приносят на рассвете газету,
И газета подтверждает потерю.

Знать бы загодя, кого сторониться,
А кому была улыбка — причастьем!
Есть уходят — на последней странице,
Но которые на первых — те чаще...

Уходят, уходят, уходят друзья,
Каюк одному, а другому — стезя.
Такой по столетию ветер гудит,
Что косит своих, и чужих не щадит,
Уходят, уходят, уходят
Уходят мои друзья!

Мы мечтали о морях-океанах,
Собирались напрямиком на Гавайи!
И, как спятивший трубач, спозаранок,
Уцелевших я друзей созываю.

Я на ощупь, и на вкус, и по весу
Учиняю им проверку, но вскоре
Вновь приносят мне газету-повестку
К отбыванию повинности горя.

Уходят, уходят, уходят друзья!
Уходят, как в ночь эскадрон на рысях,
Им право — не право, им совесть — пустяк,
Одни наплюют, а другие простят!
Уходят, уходят, уходят,
Уходят мои друзья!

И когда потеря громом крушенья
Оглушила, полоснула по сердцу,
Не спешите сообщить в утешенье,
Что немало есть потерь по соседству!

Не дарите мне беду, словно сдачу,
Словно сдачу, словно гривенник стертый!
Я ведь все равно по мертвым не плачу —
Я ж не знаю, кто живой, а кто мертвый.

Уходят, уходят, уходят друзья —
Одни в никуда, а другие — в князья...
В осенние дни и в весенние дни,
Как будто в году воскресенья одни,
Уходят, уходят, уходят,
Уходят мои друзья...

19. ЗАСЫПАЯ И ПРОСЫПАЯСЬ

Все снежком январским припорошено,
Стали ночи долгие лютей...
Только потому, что так положено,
Я прошу прощенья у людей.

Воробьи попрятались в скворешники,
Улетели за море скворцы...
Грешного меня — простите, грешники,
Подлого — простите, подлецы!

Вот горит звезда моя субботняя,
Равнодушна к лести и хуле...
Я надену чистое исподнее,
Семь свечей расставлю на столе.

Расшумятся к ночи дурни-лабухи:
Ветра и поземки чертовня...
Я усну, и мне приснятся запахи
Мокрой шерсти, снега и огня.

А потом из прошлого бездонного
Выплывет озябший голосок —
Это мне Арина Родионовна
Скажет: «Нит гедайге, спи, сынок,

Сгнило в вошебойке платье узника,
Всем печалям подведен итог,
А над Бабьим Яром — смех и музыка...
Так что, все в порядке, спи, сынок,

Спи, но в кулаке зажми оружие —
Ветхую Давидову пращу!»
...Люди мне простят от равнодушия,
Я им — равнодушным — не прощу!

20. ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ

Ой, не шейте вы, евреи, ливреи,
Не ходить вам в камергерах, евреи!
Не горюйте вы, зазря не стенайте,
Не сидеть вам ни в Синоде, ни в Сенате.

А сидеть вам в Соловках да в Бутырках,
И ходить вам без шнурков на ботинках,
И не делать по субботам «лехаим»,
А таскаться на допрос с вертухаем.

Если ж будешь торговать ты елеем,
Если станешь ты полезным евреем,
Называться разрешат Россинантом
И украсят лапсердак аксельбантом.

Но и ставши в ремесле этом первым,
Все равно тебе не быть камергером,
И не выйти на елее в Орфеи...
Так не шейте ж вы ливреи, евреи!

21. ПЕСНЯ ПРО ОСТРОВА

Говорят, что есть на свете острова,
Где растет на берегу забудь-трава,
Забудь о гордости, забудь про горести,
Забудь о подлости! Забудь про хворости!
Вот какие есть на свете острова!

Говорят, что где-то есть острова,
Где с похмелья не болит голова,
А сколько есть вина, пей всё без просыпу,
А после по морю ходи, как посуху!
Вот какие есть на свете острова!

Говорят, что где-то есть острова,
Где четыре не всегда дважды два,
Считай хоть до слепу — одна испарина,
Лишь то, что по сердцу, лишь то и правильно.
Вот какие есть на свете острова!

Говорят, что где-то есть острова,
Где неправда не бывает права!
Где совесть — надобность, а не солдатчина!
Где правда нажита, а не назначена!
Вот какие я придумал острова!

22. ВИНОВНИКИ НАЙДЕНЫ

Может быть, десяток неизвестных рифм
Только и остался, что в Венесуэле...

В. Маяковский

Установлены сроки и цены
(По морям, по волнам)
И в далекий путь между рифмами
(По морям, по волнам)...
Установлены сроки и цены
И в далекий путь между рифмами
Повезли нам из Венесуэлы
Два контейнера с новыми рифмами,
По морям, по волнам, по морям, по волнам
По морям, по волнам!

Так, с пшеницей и ананасами
(По морям, по волнам)
Плыли рубленые и дольные
(По морям, по волнам)...
Так, с пшеницей и ананасами
Плыли рубленые и дольные,
Современные, ассонансные, —
Не какие-нибудь глагольные!
По морям, по волнам, по морям, по волнам,
По морям, по волнам...

Не снимает радист наушники
(По морям, по волнам),
А корабль подплывает к пристани
(По морям, по волнам)...
Не снимает радист наушники,
А корабль подплывает к пристани,
Но биндюжники есть биндюжники!—
Два бочонка с рифмами свистнули.
По морям, по волнам, по морям, по волнам,
По морям, по волнам...

Хоть всю землю шагами выстели
(По морям, по волнам)
Хоть расспрашивай всех и каждого
(По морям, по волнам)...

Хоть всю землю шагами выстели,
Хоть расспрашивай всех и каждого,
С чем рифмуется слово ИСТИНА —
Не узнать ни поэтам, ни гражданам!
По морям, по волнам, по морям, по волнам,
По морям, по волнам...

23. ПЕСНЯ О ПРЕКРАСНОЙ ДАМЕ

(Женский вальс)

Как мне странно, что ты жена,
Как мне странно, что ты жива!
А я-то думал, что просто
Ты мной воображена...

Не считайте себя виноватыми,
Не ищите себе наказанья,
Не смотрите на нас вороватыми,
Перепуганными глазами,
Будто призваны вы, будто позваны,
Нашу муку терпением мелете...
Ничего, что родились поздно вы, —
Вы всё знаете, всё умеете!

Как мне странно, что ты жена,
Как мне странно, что ты жива!
А я-то думал, что просто
Ты мной воображена...

Никаких вы не знали фортелей,
Вы не плыли бутырскими окнами,
У проклятых ворот в Лефортове
Вы не зябли ночами мокрыми.
Но ветрами подует грозными —
Босиком вы беду измерите!
Ничего, что родились поздно вы, —
Вы всё знаете, всё умеете!

Как мне странно, что ты жена,
Как мне странно, что ты жива!

А я-то думал, что просто
Ты мной воображена...

Не дарило нас время сладостью,
Раздавало горстями горькость,
Но великою вашей слабостью
Вы не жизнь нам спасли, а гордость!
Вам сторицей не будет воздано,
И пройдем мы по веку розно,
Ничего, что родились поздно вы, —
Воевать никогда не поздно!

Как мне страшно, что ты жена!
Как мне страшно, что ты жива!
В Ярославле, на пересылке,
Ты была воображена...

24

Я в путь собирался всегда налегке,
Без долгих прощальных торжеств,
И маршальский жезл не таскал в рюкзаке.
На кой он мне, маршальский жезл!

Я был рядовым и умру рядовым.
Всей щедрой земли рядовой,
Что светом дарила меня даровым,
Поила водой даровой.

До старости лет молоко на губах,
До тьмы гробовой — рядовой.
А маршалы пусть обсуждают в штабах
Военный бюджет годовой.

Пускай заседают за круглым столом
Вселенской охоты псари,
А мудрость их вся заключается в том,
Что два — это меньше, чем три.

Я сам не люблю старичков-ворчунов
И все-таки истово рад,
Что я не изведаль бесчестья чинов
И низости барских наград.

Земля под ногами и посох в руке
Торжественней всяких божеств,
А маршальский жезл у меня в рюкзаке —
Свирель, а не маршальский жезл.

9 марта 1972

25. СТАРЫЙ ПРИНЦ

Карусель городов и гостиниц,
Запах грима и пыль париков...
Я кружу, как подбитый эсминец,
Далеко от родных берегов...

Чья-то мина сработала чисто,
И, должно быть, впервые всерьез
В дервенеющих пальцах радиста
Дребезжит безнадежное SOS.

Видно, старость — жестокий гостинец,
Не повесишь на гвоздь, как пальто.
Я тону, пораженный эсминец,
Но об этом не знает никто!

Где-то слушают чьи-то приказы,
И на стенах анонсов мазня,
И стоят терпеливо у кассы
Те, кто всё еще верит в меня.

Сколько было дорог и отелей,
И постелей, и мерзких простынь,
Скольких я разномастных Офелий
Навсегда отослал в монастырь!

Вот — придворные пятятся задом,
Сыпят пудру с фальшивых седин.
Вот — уходят статисты, и с залом
Остаюсь я один на один.

Я один! И пустые подмости.
Мне судьбу этой драмы решать...
И уже на галерке подростки
Забывают на время дышать.

Цепеня от старческой астмы,
Я стою в перекрестье огня.
Захудалые, вялые астры
Ждут в актерской уборной меня.

Много было их, нежных и сирых,
Знавших славу мою и позор.
Я стою и собраться не в силах,
И не слышу, что шепчет суфлер.

Но в насмешку над немощным телом
Вдруг по коже волненья озноб.
Снова слово становится делом
И грозит потрясеньем основ.

И уже не по тексту Шекспира
(Я и помнить его не хочу), —
Гражданин полоумного мира,
Я одними губами кричу:

— РАСПАЛАСЬ
СВЯЗЬ ВРЕМЕН...

И морозец, морозец по коже,
И дрожит занесенный кулак,
И шипят возмущенные ложи:
— Он наврал, у Шекспира не так!

Но галерка простит оговорки,
Сопричастна греху моему.
А в эсминце трещат переборки,
И волна накрывает корму.

26

Когда-нибудь дошлый историк
Возьмет и напишет про нас,
И будет насмешливо горек
Его неспешный рассказ.

Напишет он с чувством и толком,
Ошибки учтет наперед,

И все он расставит по полкам,
И всех по костям разберет.

И вылезет сразу в середку
Та главная, наглая кость,
Как будто окурок в селедку
Засунет упившийся гость.

Чего уж, казалось бы, проще
Отбросить ее и забыть?
Но в горле застрявшие мощи
Забвенья вином не запить.

А далее кости поплоше
Пойдут по сравнению с той, —
Поплоше, но странно похожи
Бесстыдной своей наготой.

Обмылки, огрызки, обноски,
Ошметки чужого огня:
А в сноске —
вот именно в сноске —
Помянет историк меня.

Так, значит, за эту вот строчку,
За жалкую каплю чернил,
Воздвиг я себе одиночку
И крест свой на плечи взвалил.

Так, значит, за строчку вот эту,
Что бросит мне время на чай,
Веселому щедрому свету
Сказал я однажды: «Прощай!»

И милых до срока состарил,
И с песней шагнул за предел,
И любящих плакать заставил,
И слышать их плач не хотел.

Но будут мои подголоски
Звенеть и до Судного дня...
И даже не важно, что в сноске
Историк не вспомнит меня!

15 января 1972

ОБЛАКА ПЛЫВУТ В АБАКАН

27. ОБЛАКА

Облака плывут, облака,
Не спеша плывут, как в кино.
А я цыпленка ем табака,
Я коньячку принял полкило.

Облака плывут в Абакан,
Не спеша плывут облака.
Им тепло, небось, облакам,
А я продрог насквозь, на века!

Я подковой вмерз в санный след,
В лед, что я кайлом ковырял!
Ведь недаром я двадцать лет
Протрубил по тем лагерям.

До сих пор в глазах снега наст!
До сих пор в ушах шмона гам!..
Эй, подайте ж мне ананас
И коньячку еще двести грамм!

Облака плывут, облака,
В милый край плывут, в Колыму,
И не нужен им адвокат,
Им амнистия — ни к чему.

Я и сам живу — первый сорт!
Двадцать лет, как день, разменял!
Я в пивной сижу, словно лорд,
И даже зубы есть у меня!

Облака плывут на восход,
Им ни пенсии, ни хлопот...
А мне четвертого — перевод,
И двадцать третьего — перевод.

И по этим дням, как и я,
Полстраны сидит в кабаках!
И нашей памятью в те края
Облака плывут, облака...

И нашей памятью в те края
Облака плывут, облака...

28. ПЕСНЯ О СИНЕЙ ПТИЦЕ

Был я глупый тогда и сильный,
Все мечтал я о птице синей,
А нашел ее синий след —
Заработал пятнадцать лет:
Было время — за синий цвет
Получали пятнадцать лет!

Не солдатами — номерами
Помирали мы, помирали.
От Караганды по Нарым —
Вся земля как один нарыв!
Воркута, Инта, Магадан!
Кто вам жребий тот нагадал?!
То вас шмон трясет, а то цинга!
И чуть не треть зэка из ЦК.
Было время — за красный цвет
Добавляли по десять лет!

А когда пошли миром грозы —
Мужики на фронт, бабы — в слезы!
В желтом мареве горизонт,
А нас из лагеря, да на фронт!
Севастополь, Курск, город Брест...
Нам слепил глаза желтый блеск.
А как желтый блеск стал белеть,
Стали глазоньки столбенеть!
Ох, сгубил ты нас, желтый цвет!
Мы на свет глядим, а света нет!

Покалечены наши жизни!
А, может, дело все в дальтонизме!?
Может, цвету цвет не чета,
А мы не смыслим в том ни черта?!

Так подчаливай, друг, за столик,
Ты дальтоник, и я дальтоник...
Разберемся ж на склоне лет,
За какой мы погибли цвет!

29. ЛЕВЫЙ МАРШ

Левой, левой, левой,
Левою, шагом марш!

Нет, еще не кончены войны,
Голос чести еще невнятен,
И на свете, наверно, вольно
Дышат йоги, и то навряд ли!

Наши малые войны были
Ежедневными чудесами
В мутном облаке книжной пыли
Государственных предписаний.

Левой, левой, левой,
Левою, шагом марш!

Помнишь, сонные понятия
Стали к прилолке головой,
Как мечтающие о тыле
Рядовые с передовой?!

Помнишь, вспоротая перина,
В детской комнате — зимний снег?!
Молча шел, не держась за перила,
Обещанный человек.

Левой, левой, левой,
Левою, шагом марш!

И не пули, не штык, не камень, —
Нас терзала иная боль!
Мы бессрочными штрафниками
Начинали свой малый бой!

По детдомам, как по штрафбатам —
Что ни сделаем — всё вина!
Под запрятанным шла штандартом
Необъявленная война.

Левой, левой, левой,
Левою, шагом марш!

Наши малые войны были
Рукопашными зла и чести,
В том проклятом военном быте,
О котором не скажешь в песне.

Сколько раз нам ломали ребра,
Этот — помер, а тот — ослеп,
Но дороже, чем ребра — вобла
И соленый мякинный хлеб.

Левой, левой, левой,
Левою, шагом марш!

И не странно ли, братья серые,
Что по-волчьи мы, на лету,
Рвали горло — за милосердие,
Били морду — за доброту!

И ничто нам не мило, кроме
Поля боя при лунном свете!
Говорили — до первой крови,
Оказалось — до самой смерти...

Левой, левой, левой,
Левою, шагом марш!

30. ЧЕХАРДА С БУКВАМИ

В Петрограде, в Петербурге, в Ленинграде, на Неве,
В Колокольном переулке жили-были А, И, Б.
А служило, Б служило, И играло на трубе,
И играло на трубе, говорят, что так себе,
Но его любили очень и ценили А и Б.

Как-то в вечер беспокойный
Тяжко пенилась река,
И явились в Колокольный
Три сотрудника ЧК,
А забрали, Б забрали, И не тронули пока.

Через год домой к себе
Возвратились А и Б,
И по случаю такому
И играло на трубе.

Но прошел слушок окольный,
Что, мол, снова быть беде,
И явились в Колокольный
Трое из НКВД.
А забрали, Б забрали, И забрали и т. д.

Через десять лет зимой
А и Б пришли домой,
И домой вернулось тоже,
Все сказали: «Боже мой!»

Пару лет в покое шатком
Проживали А, И, Б,
Но явились трое в штатском
На машине КГБ —
А, И, Б они забрали, обозвали всех на «б».

А — пропало навсегда,
Б — пропало навсегда,
И — пропало навсегда,
Навсегда и без следа!

Вот, понимаете, какая у этих букв
вышла в жизни ерунда!

31. ВСЕ НЕ ВОВРЕМЯ

Посвящается В. Т. Шаламову

А ты стучи, стучи, а тебе Бог простит,
А начальнички тебе, Лёха, срок скостят!

А за Окой сейчас, небось, коростель свистит,
А у нас на Тайшете ветра свистят.
А месяц май уже, всё снега белы,
А вертухаевы на снегу следы,
А что полнормы, тьфу, это полбеда,
А что песню спел — полторы беды!

А над Окой летят гуси-лебеди,
А за Окой свистит коростель,
А тут по наледи курвы-нелюди
Двух зэка ведут на расстрел!

А первый зэка, он с Севастополя,
Он там, черт чудной, Херсонес копал,
Он копал, чумак, что ни попадая,
И на полный срок в лагеря попал.
И жену его, и сынка его,
И старуху-мать, чтоб молчала, блядь!
Чтобы знали все, что закаяно
Нашу родину сподниза копать!

А в Крыму теплынь, в море сельди,
И миндаль, небось, подоспел,
А тут по наледи курвы-нелюди
Двух зэка ведут на расстрел!

А второй зэка — это лично я,
Я без мамы жил, и без папы жил,
Моя б жизнь была преотличная,
Да я в шухере стукаря пришил!
А мне сперва вышка, а я в раскаянье,
А уж в лагере — корешей в навал,
И на кой я пес при Лёхе-Каине
Чумаку подпел «Интернационал»?!

А в караулке пьют с рафинадом чай,
И вертухай идет, весь сопрепел.
Ему скучно чай, и несподручно, чай,
Нас в обед вести на расстрел!

32. ПЕСНЯ О ПОСЛЕДНЕЙ ПРАВОТЕ

Ю. О. Домбровскому

Подстилала удача соломки,
Охранять обещала и впредь,
Только есть на земле Миссолонги,
Где достанется мне умереть!

Где, уже не пижон и не барин,
Ошалев от дорог и карет,
Я от тысячи истин, как Байрон,
Вдруг поверю, что истины нет!

Будет серый и скверный денечек,
Небо с морем сольются в одно.
И приятель мой, плут и доносчик,
Подольет мне отраву в вино!

Упадет на колени тетрадка,
И глаза мне затянет слюда,
Я скажу: «У меня лихорадка,
Для чего я приехал сюда?!»

И о том, что не в истине дело,
Я в последней пойму дурноте,
Я — мечтавший и ночью и денно
О несносной своей правоте!

А приятель, всплакнув для порядка,
Перейдет на возвышенный слог
И запишет в дневник:

«Лихорадка.

Он был прав, да простит его Бог!»

33. БЕССМЕРТНЫЙ КУЗЬМИН

Отечество нам Царское Село...

А. Пушкин

Эх, яблочко, куды котишься...

Песня

Покатились всячины и разности,
Поднялось неладное со дна!
— Граждане, Отечество в опасности!
Граждане, Отечество в опасности!
Граждане, Гражданская война!

Был май без края и конца,
Жестокая весна!
И младший брат, сбежав с крыльца,
Сказал: «Моя вина!»

У Царскосельского дворца
Стояла тишина,
И старший брат, сбежав с крыльца,
Сказал: «Моя вина!»

И камнем в омут ледяной
Упали те слова,
На брата брат идет войной,
Но шелестит над их виной
Забвенья трын-трава!..

...А Кузьмин Кузьма Кузьмич выпил рюмку «хлебного»,
А потом Кузьма Кузьмич закусил севрюжкой,
А потом Кузьма Кузьмич, взяв перо с бумагой,
Написал Кузьма Кузьмич буквами печатными,
Что, как истый патриот, верный сын Отечества,
Он обязан известить власти предержавшие...

А где вы шли, там дождь свинца,
И смерть, и дело дрянь!
... Летела с тополей пыльца
На бронзовую длань.

Там в царскосельской тишине,
У берега сонных вод...

И нет как нет конца войне,
И скоро мой черед!

... Было небо в голубиной ясности,
Но сердца от холода свело:
— Граждане, Отечество в опасности!
Граждане, Отечество в опасности!
Танки входят в Царское Село!

А чья вина? Ничья вина!
Не верь ничьей вине,
Когда по всей земле война,
И вся земля в огне!

Пришла война — моя вина,
И вот за ту вину
Меня песочит старшина,
Чтоб понимал войну.

Меня готовит старшина
В грядущие бои.
И сто смертей сулит война,
Моя война, моя вина,
И сто смертей мои!

...А Кузьмин Кузьма Кузьмич выпил стопку чистого,
А потом Кузьма Кузьмич закусил огурчиком,
А потом Кузьма Кузьмич, взяв перо с бумагой,
Написал Кузьма Кузьмич буквами печатными,
Что, как истый патриот, верный сын Отечества,
Он обязан известить дорогие «органы»...

А где мы шли, там дождь свинца,
И смерть, и дело дрянь!
...Летела с тополей пыльца
На бронзовую длань,

У Царскосельского дворца,
У замутненных вод...
И нет как нет войне конца,
И скоро твой черед!

Снова, снова — громом среди праздности,
Комом в горле, пулею в стволе —
— Граждане, Отечество в опасности!
Граждане, Отечество в опасности!
Наши танки на чужой земле!

Вопят прохвосты-петухи,
Что виноватых нет,
Но за вранье и за грехи
Тебе держать ответ!

За каждый шаг и каждый сбой
Тебе держать ответ!
А если нет, так черт с тобой,
На нет и спроса нет!

Тогда опейся допьяна
Похлебкою вранья!
И пусть опять — моя вина,
Моя вина, моя война,
И смерть опять моя!

... А Кузьмин Кузьма Кузьмич
хлопнул сто «молдавского»,
А потом Кузьма Кузьмич закусил селедочкой,
А потом Кузьма Кузьмич, взяв перо с бумагою,
Написал Кузьма Кузьмич буквами печатными,
Что, как истый патриот, верный сын Отечества,
Он обязан известить всех, кому положено...

И не поймешь, кого казним,
Кому поем хвалу?!
Идет Кузьма Кузьмич Кузьмин
По Царскому Селу!

В прозрачный вечер у дворца —
Покой и тишина
И с тополей летит пыльца
На шляпу Кузьмина...

34. ЗАКЛИНАНИЕ

Получил персональную пенсию,
Заглянул на часок в «Поплавок»,
Там ракушками пахнет и плесенью,
И в разводах мочи потолок,

И шашлык отрыгается свечкою,
И сулгуни воняет треской...
И сидеть ему лучше б над речкою,
Чем над этой пучиной морской.

Ой, ты море, море, море, море Черное,
Ты какое-то верченное-крученное!
Ты ведешь себя не по правилам,
То ты Каином, а то ты Авелем!

Помилуй мя, Господи, помилуй мя!

И по пляжу, где б под вечер, по двое,
Брел один он, задумчив и хмур.
Это Черное, вздорное, подлое,
Позволяет себе чересчур!

Волны катятся, чертовы бестии,
Не желают режим понимать!
Если б не был он нынче на пенсии,
Показал бы им кузькину мать!

Ой, ты море, море, море, море Черное,
Не подследственное, жаль, не заключенное!
На Инту б тебя свел за дело я,
Ты б из черного стало белое!

Помилуй мя, Господи, помилуй мя!

И в гостинице странную, страшную
Намечтал он спросонья мечту —
Будто Черное море под стражею
По этапу пригнали в Инту.

И блаженной блаженного во Христе,
Раскурив сигаретку «Маяк»,

Он глядит, как ребяташки-вохровцы
Загоняют стихию в барак.

Ой, ты море, море, море, море Черное,
Ты теперь мне по закону порученное!
А мы обучены этой химии —
Обращению со стихиями!

Помилуй мя, Господи, помилуй мя!

И лежал он с блаженной улыбкою,
Даже скулы улыбка свела...
Но, должно быть, последней уликою
Та улыбка для смерти была.

И не встал он ни утром, ни к вечеру,
Коридорный сходил за врачом,
Коридорная Божию свечечку
Над счастливым зажгла палачом...

И шумело море, море, море, море Черное,
Море вольное, никем не прирученное,
И вело себя не по правилам —
И было Каином, и было Авелем!

Помилуй мя, Господи, в последний раз!

35. ЖЕЛАНИЕ СЛАВЫ

...Что там услышишь из песен твоих?
Чудь начудила, да меря намерила
Гатей, дорог, да столбов верстовых...

А. Блок

Непричастный к искусству,
Не допущенный в храм,
Я пою под закуску
И две тысячи грамм.
Что мне пениться пеной
У беды на краю?!
Вы налейте по первой,
А уж я вам спою!

А уж я позабавлю,
Вспомню мерю и чудь,
И стыда ни на каплю,
Мне ж не стыдно ничуть!
Спину вялую сгорбя,
Я ж не просто хулу,
А гражданские скорби
Сервирую к столу!

— Как живете, караси?
— Хорошо живем, мерси!

...Заходите, люди добрые,
(Боже правый, помоги!)
Будут песни, будут сдобные,
Будут с мясом пироги!
Сливы-ягоды соленые,
Выручайте во хмелю,
Вон у той — глаза зеленые,
Я зеленые люблю!
Я шарахну рюмку первую,
Про запас еще налью,
Песню новую, непетую,
Для почина пропою:

«Справа койка у стены, слева койка,
Ходим вместе через день облучаться,
Вертухай и бывший "номер такой-то",
Вот где снова довелось повстречаться!
Мы гуляем по больничному садику,
Я курю, а он стоит "на атасе",
Заливаем врачу-волосатику,
Что здоровье — хоть с горки катайся!
Погуляем полчаса с вертухаем,
Притомимся и стоим, отдыхаем.
Точно так же мы "гуляли" с ним в Вятке,
И здоровье было тоже в порядке!
Справа койка у стены, слева койка...»

Опоздавшие гости
Прерывают куплет,
Их вбивают, как гвозди,
Ибо мест уже нет,

Мы их лиц не запомним,
Мы как будто вдвоем,
Мы по новой наполним
И в охотку допьем!
Ах, в «мундире» картошка —
Разлюбезная Русь!
И стыжусь я... немножко,
А верней, не стыжусь.
Мне как гордое право
Эта горькая роль,
Эта легкая слава
И привычная боль!

— Как жуετε, караси?
— Хорошо жуем, мерси!

Колокольчики-бубенчики,
Пьяной дурости хамеж!
Где истцы, а где ответчики —
Нынче сразу не поймешь.
Все подряд истцами кажутся,
Всех карал единый Бог,
Все одной зеленкой мажутся,
Кто от пуль, а кто от блох!
Ладно, пейте, рюмки чистые,
Помолчите только впредь,
Тише, черти голосистые,
Дайте ж, дьяволы, допеть:

«Справа койка у стены, слева койка,
А за окнами февральская вьюга,
Вертухай и бывший "номер такой-то" —
Нам теперь не вмоготу друг без друга,
И толкуем мы о разном и ясном,
О больнице и больничном начальстве,
Отдаем предпочтение язвам,
Помереть хотим в одночасье.
Мы на пенсии теперь, на покое,
Наши койки, как суда на приколе,
А под ними на паркете из липы
Наши тапочки, как дохлые рыбы.
Спит больница, тишина, все в порядке,
И сказал он, приподнявшись на локте:

"Жаль я, сука, не добил тебя в Вятке,
Больно ловки вы, зэка, больно ловки..."
И упал он, и забулькал, заойкал,
И не стало вертухая, не стало,
И поплыла вертухаева койка
В те моря, где ни конца, ни начала!
Я простынкой вертухая накрою...
Все снежок идет, снежок над Москвою,
И сынок мой по тому по снежочку
Провожает вертухаеву дочку..."

...Голос глохнет, как в вате,
Только струны бренчат.
Все, приличия ради,
С полминуты молчат.
А потом, под огурчик
Пропустив стопаря, —
«Да уж, песня — в ажурчик,
Приглашали не зря!
Да уж, песенка в точку,
Не забыть бы стишок,
Как он эту вот — дочку —
Волокет на снежок!..»
Незнакомые рожи
Мокнут в пьяной тоске...
И стыжусь я до дрожи,
И желвак на виске!..

— Как стучите, караси?
— Хорошо стучим, мерси!

...Всё плывет и всё качается,
Добрый вечер! Добрый день!
Вот какая получается,
Извините, дребедень!
«Получайник», «получайница», —
Больно много карасей!
Вот какая получается,
Извините, карусель!

...Я сижу, гитарой тренькаю —
Хохот, грохот, гогот, звон...
И сосед-стукач за стенкою
Прячет в стол магнитофон...

36. ПЕСНЯ ПРО МАЙОРА ЧИСТОВА

Я спросонья вскочил — патлат,
Я проснулся, а сон за мной,
Мне приснилось, что я — атлант,
На плечах моих шар земной!

И болит у меня спина,
То мороз по спине, то жар,
И, с устатку пьяней пьяна,
Я роняю тот самый шар!

И ударившись об Ничто,
Покатился он, как звезда,
Через Млечное решето
В бесконечное Никуда!

И так странен был этот сон,
Что ни дочери, ни жене
Не сказал я о том, что он
Этой ночью приснился мне!

Я и сам отогнал ту боль,
Будто наглухо дверь забил,
И часам к десяти ноль-ноль
Я и вовсе тот сон забыл.

Но в двенадцать ноль-ноль часов
Простучал на одной ноге
На работу майор Чистов,
Что заведует буквой «Ге»!

И открыл он мое досье,
И на чистом листе, педант,
Написал он, что мне во сне
Нынче снилось, что я атлант!..

37. ПЛЯСОВАЯ

Чтоб не бредить палачам по ночам,
Ходят в гости палачи к палачам,
И радушно, не жалея харчей,
Угощают палачи палачей.

На столе у них икра, балычок,
Не какой-нибудь — «КВ» — коньячок,
А впоследствии — чаек, пастила,
Кекс «Гвардейский» и печенье «Салют»,
И сидят заплечных дел мастера
И тихонько, но душевно поют:
«О Сталине мудром, родном и любимом...»

Был порядок, — говорят палачи,
Был достаток, — говорят палачи,
Дело сделал, — говорят палачи, —
И пожалуйста — сполна получи.

Белый хлеб икрой намазан густо,
Слезы кипяточка горячей,
Палачам бывает тоже грустно,
Пожалейте, люди, палачей!

Очень плохо палачам по ночам,
Если снятся палачи палачам,
И, как в жизни, но еще половчей,
Бьют по рылу палачи палачей.
Как когда-то, как в годах молодых —
И с отяжкой, и ногою в поддых,
И от криков, и от слез палачей
Так и ходят этажи ходуном,
Созывают «неотложных» врачей
И с тоскою вспоминают о Нем,
«О Сталине мудром, родном и любимом...»

Мы на страже, — говорят палачи.
Но когда же? — говорят палачи.
Поскорей бы! — говорят палачи. —
Встань, Отец, и вразуми, поучи!

Дышит, дышит кислородом стража,
Крикнуть бы, но голос как ничей,
Палачам бывает тоже страшно,
Пожалейте, люди, палачей!

38. ЕЩЕ РАЗ О ЧЁРТЕ

Я считал слонов и в нечет и в чет,
И все-таки я не уснул,
И тут явился ко мне мой чёрт
И уселся верхом на стул.

И сказал мой чёрт: «Ну, как, старина,
Ну, как же мы порешим?
Подпишем союз, и айда в стремяна,
И еще чуток погрешим!

И ты можешь лгать, и можешь блудить,
И друзей предавать гуртом!
А то, что придется потом платить,
Так ведь это ж, пойми, — потом!

Но зато ты узнаешь, как сладок грех
Этой горькой порой седин.
И что счастье не в том, что один за всех,
А в том, что все — как один!

И ты поймешь, что нет над тобой суда,
Нет проклятия прошлых лет,
Когда вместе со всеми ты скажешь — да!
И вместе со всеми — нет!

И ты будешь волков на земле плодить,
И учить их вилять хвостом!
А то, что придется потом платить,
Так ведь это ж, пойми, — потом!

И что душа? — Прошлогодний снег!
А глядишь — пронесет и так!
В наш атомный век, в наш каменный век,
На совесть цена пятак!

И кому оно нужно, это "добро",
Если всем дорога — в золу...
Так давай же, бери, старина, перо!
И вот здесь распишись, в углу».

Тут черт потрогал мизинцем бровь...
И придвинул ко мне флакон.

И я спросил его: «Это кровь?»
«Чернила», — ответил он...

Аллилуйя, аллилуйя!
«Чернила», — ответил он.

39. ФАНТАЗИИ НА РУССКИЕ ТЕМЫ ДЛЯ ГОЛОСА С ОРКЕСТРОМ И ДВУХ СОЛИСТОВ — ТЕНОРА И БАРИТОНА

Тенор:

Королевич, да и только,
В сумке пиво и «сучок»,
Подрулила птица-тройка,
Сел стукач на облучок.
И — айда! И трали-вали,
Все белым-бело вокруг,
В леспромхозе, на канале
Ждет меня любезный друг —

Он не цыган, не татарин и не жид!
Он надёжа мой: камаринский мужик,
Он утеха на обиду мою,
Перед ним бутылъ с «рябиновою»!

Он сидит, винцо покушивает,
Не идет ли кто, послушивает,

То ли пеший, то ли конный,
То ли «Волги» воркотня,
И сидит мужик законный,
Смотрит в сумрак заоконный,
Пьет вино и ждет меня,
Ты жди, жди, жди, обожди,
не расстраивайся!

Баритон:

Значит, так... на Урале
В предрассветную темь,

Нас еще на вокзале
Оглушила метель,
И стояли пришельцы,
Барахлишко сгрузив,
Кулаки да лишенцы —
Самый первый призыв!

Значит, так... на Урале
Холода — не пустяк,
Города вымирали
Как один — под иссяк!

Нежно пальцы на горле
Им сводила зима,
Но деревни не мерли,
А сходили с ума!

Значит, так... на Урале
Ни к чему лекаря:
Всех не померших брали —
И в тайгу, в лагеря!

«Четвертак» на морозе,
Под охраной, во вшах!
А теперь в леспромхозе
Я и сам в сторожах.

Нету рая спасенным,
Хоть и мертвый, а стой,
Вот и шнырю по селам
За хурдою-мурдой,

Как ворье по закону —
Самозванный купец —
Где добуду икону,
Где резной поставец!

А московская наедет сволота —
Отворяю я им, сямкам, ворота —
Заезжайте, гости милые, пожаловайте...

Тенорок:

Славно гукает машина,
Путь-дорожка в два ряда,
Вьюга снегу накрошила,
Доберемся — не беда!
Мы своротим на проселок,
Просигналим тра-та-та!
Принимай гостей веселых,
Отворяй нам ворота.

Ты, любезный мой, надёжа из надёж!
Всю вселенную проедешь — не найдешь!
Самый подлинный, расподлинный,
Не носатый, не уродливый,

А что зубы подчистую — тью-тью,
Так, верно, спьяну обломал об кутью!
Не стесняйся, было — сплыло,
Кинь под лавку сапожки,
Прямо с жару, прямо с пылу,
Ставь на стол «сучок» и пиво,
Печь лучиной разожги!
Ты жги, жги, жги, говори,
поворачивайся!..

Баритон:

Что ж... за этот, за бренный,
За покой на душе.
Гость с шофером по первой,
Я вторую уже,

Сладок уторь балтийский,
Слаще закуси нет!
«Николай Мирликийский»
Запеленут в пакет.

Что ж... хихикайте, падлы,
Что нашли дурака!
Свесив сальные патлы,
Гость завел «Ермака».

Пой, лягавый, не жалко,
Я и сам поддержу,
Я подвою, как шавка,
Подскулю, подвизжу.

Что ж — попили, попели,
Я постелю стелю,
Гость ворочает еле
Языком во хмелю,

И гогочет, как кочет,
Хоть святых выноси,
И беседовать хочет
О спасенье Руси.

Мне б с тобой не в беседу,
Мне б тебя на рога!
Мне бы зубы, да нету!
Знаешь слово «цинга»?

Вертухаево семя!
Не дразни — согрешу!
Ты заткнись про спасенье,
Спи, я лампу гашу!

А наутро я гостей разбужу,
Их, похмельных, провожу к гаражу...
Заезжайте, гости милые, наведывайтесь...

40. ПЕСНЯ БАЛЛАДА ПРО ГЕНЕРАЛЬСКУЮ ДОЧЬ

Он был титулярный советник,
Она генеральская дочь...

Постелилась я, и в печь — уголек...
Накрошила огурцов и мяса,
А он явился, ноги вынул, и лег —
У мадам у его — месяца.

А он и рад тому, сучок, он и рад,
Скушал водочки, и в сон наповал!..
А там — в России — где-то есть Ленинград,
А в Ленинграде том — Обводный канал.

А там маменька жила с папенькой,
Называли меня «лапонькой»,
Не считали меня лишнею,
Да им дали обоим высшую!

Ой, Караганда, ты, Караганда!
Ты угольком даешь на-гора года!
Дала двадцать лет, дала тридцать лет,
А что с чужим живу, так своего-то нет!
Кара-ган-да...

А он, сучок, из гулевых шоферов,
Он барыга, и калымщик, и жмот,
Он на торговой дает, будь здоров, —
Где за рупь, а где какую прижмет!

Подвозил он меня раз в «Гастроном»,
Даже слова не сказал, как полез,
Я бы в крик, да на стекле ветровом
Он картиночку приклеил, подлец!

А на картиночке — площадь с садиком,
А перед ней камень с «Медным Всадником»,
А тридцать лет назад я с мамой в том саду...
Ой, не хочу про то, а то выть пойду!

Ой, Караганда, ты, Караганда!
Ты мать и мачеха, для кого когда,
А для меня была так всегда нежна,
Что я самой себе стала не нужна!
Кара-ган-да!

Он проснулся, закурил «Беломор»,
Взял пинжак, где у него кошелек,
И прошлепал босиком в коридор,
А вернулся — и обратно залег.

Он сопит, а я сижу у огня,
Режу мелко на водку лучок,
А ведь все-тки он жалеет меня,
Все-тки ходит, все-тки дышит, сучок!

А и спи, проспись ты, мое золотце,
А слезы — что ж, от слез — хлеб не солится,
А что мадам его крутит мордою,
Так мне плевать на то, я не гордая...

Ой, Караганда, ты, Караганда!
Если тут горда, так и на кой годна!
Хлеб насущный наш дай нам, Боже, днесь,
А что в России есть, так то не хуже здесь!
Кара-ган-да!

Что-то сон нейдет, был, да вышел весь,
А завтра делать дел — прорву адскую!
Завтра с базы сельдь нам должны завезть,
Говорили, что ленинградскую.

Я себе возьму и кой-кому раздам,
Надо ж к празднику подзаправиться!
А пяток сельдей я пошлю мадам,
Пусть покушает, позабавится!

Пусть покушает она, дура жалкая,
Пусть не думает она, что я жадная,
Это, знать, с лучка глазам колется,
Голова на низ чтой-то клонится...

Ой Караганда, ты, Караганда!
Ты угольком даешь на-гора года,
А на картиночке — площадь с садиком,
А перед ней камень...
Ка-ра-ган-да!..

«ЭРИКА» БЕРЕТ ЧЕТЫРЕ КОПИИ

41. ЛЕТЯТ УТКИ

Посвящается Л. Пинскому

С севера, с острова Жестева
Птицы летят,
Шестеро, шестеро, шестеро
Серых утят,
Шестеро, шестеро к югу летят...

Хватит хмуриться, хватит злобиться,
Ворошить вороха былого,
Но когда по ночам бессоница,
Мне на память приходит снова —

Мутный за тайгу
Ползет закат,
Строем на снегу
Пятьсот зэка.

Ветер мокрый хлестал мочалкою,
То накатывал, то откатывал,
И стоял вертухай с овчаркою
И такую им речь откалывал:

«Ворон, растудыть, не выключает
Глаз, растудыть, ворону,
Но ежели кто закосит, —
То мордой в снег,
И прошу, растудыть, запомнить,
Что каждый шаг в сторону
Будет, растудыть, рассматриваться
Как, растудыть, побег!..»

Вьюга полярная спятила —
Бьет наугад!

А пятеро, пятеро, пятеро
Дальше летят.
Пятеро, пятеро к югу летят...

Ну, а может, и впрямь бессовестно
Повторяться из слова в слово?!
Но когда по ночам бессонница,
Мне на память приходит снова —

Не косят, не корчатся
В снегах зэка,
Разговор про творчество
Идет в ЦК.

Репортеры сверкали линзами,
Кремем бритвенным пахла харя,
Говорил вертухай прилизанный,
Непохожий на вертухая:

«Ворон, извиняюсь, не выключает
Глаз, извиняюсь, ворону,
Но все ли сердцем усвоили,
Чему учит нас Имярек?!

И прошу, извиняюсь, запомнить,
Что каждый шаг в сторону
Будет, извиняюсь, рассматриваться
Как, извиняюсь, побег!»

Грянул прицельно с надветренной
В сердце заряд,
А четверо, четверо, четверо
Дальше летят!..

И если долетит хоть один, значит, стоило,
значит надо было лететь!..

42. ГУСАРСКАЯ ПЕСНЯ

По рисунку палешанина
Кто-то выткал на ковре

Александра Полежаева
В черной бурке на коне.

Тезка мой и зависть тайная,
Сердце горем горячи!
Зависть тайная, «летальная» —
Как сказали бы врачи.

Славно, братцы, славно, братцы, славно братцы-егеря!
Славно, братцы-егеря, рать любимая царя!
Ах, кивера да ментики, ах, соколы-орлы,
Кому вы в сердце метили, лепажевы стволы?
Не мне ль вы в сердце метили, лепажевы стволы!

А беда явилась за полночь,
Но не пулею в висок,
Просто в путь, в ночную заволочь,
Важно тронулся возок.

И не спеть, не выпить водочки,
Не держать в руке бокал!
Едут трое, сам в середочке,
Два жандарма по бокам.

Славно, братцы, славно, братцы, славно, братцы-егеря!
Славно, братцы-егеря, рать любимая царя!
Ах, кивера да ментики, пора бы выйти в знать,
Но этой арифметики поэтам не узнать,
Ни прошлым и не будущим поэтам не узнать.

Где ж друзья твои, ровесники?
Некому тебя спасать!
Началось все дело с песенки.
А потом — пошла писать!

И по мукам, как по лезвию...
Размышляй теперь о том,
То ли броситься в поэзию,
То ли сразу — в желтый дом...

Славно, братцы, славно, братцы, славно, братцы-егеря!
Славно, братцы-егеря, рать любимая царя!
Ах, кивера да ментики, возвышенная речь!

А все-таки наветики страшнее, чем картечь,
Доносы и наветики страшнее, чем картечь!

По рисунку палешанина
Кто-то выткал на ковре
Александра Полежаева
В черной бурке на коне.

Но оставь, художник, вымысел,
Нас в герои не крой,
Нам не знамя жребий вывесил,
Носовой платок в крови...

Славно, братцы, славно, братцы, славно, братцы-егеря!
Славно, братцы-егеря, рать любимая царя!
Ах, кивера да ментики, нерукотворный стяг!
И дело тут не в метрике, столетие — пустяк!
Столетие, столетие, столетие — пустяк...

43. ПАМЯТИ Б. Л. ПАСТЕРНАКА

...правление Литературного Фонда СССР извещает о смерти писателя, члена Литфонда, Бориса Леонидовича Пастернака, последовавшей 30 мая сего года, на 71 году жизни, после тяжелой и продолжительной болезни, и выражает соболезнование семье покойного.

Единственное, появившееся в газетах, вернее, в одной — «Литературной газете», — сообщение о смерти Б. Л. Пастернака.

Разобрали венки на веники,
На полчаса погрустнели...
Как гордимся мы, современники,
Что он умер в своей постели!

И терзали Шопена лабухи,
И торжественно шло прощанье...
Он не мылил петли в Елабуге.
И с ума не сходил в Сучане!

Даже киевские «письмэнники»
На поминки его успели!..
Как гордимся мы, современники,
Что он умер в своей постели!

И не то чтобы с чем-то за-сорок,
Ровно семьдесят — возраст смертный,
И не просто какой-то пасынок,
Член Литфонда — усопший сметный!

Ах, осыпались лапы елочки,
Отзвенели его метели..
До чего ж мы гордимся, сволочи,
Что он умер в своей постели!

«Мело, мело, по всей земле, во все пределы,
Свеча горела на столе, свеча горела...»

Нет, никакая не свеча,
Горела люстра!
Очки на морде палача
Сверкали шустро!

А зал зевал, а зал скучал —
Мели, Емеля!
Ведь не в тюрьму, и не в Сучан,
Не к «высшей мере»!

И не к терновому венцу
Колесованьем,
А как поленом по лицу,
Голосованьем!

И кто-то, спяну вопрошал:
«За что? Кого там?»
И кто-то жрал, и кто-то ржал
Над анекдотом...

Мы не забудем этот смех,
И эту скуку!
Мы поименно вспомним всех,
Кто поднял руку!

«Гул затих. Я вышел на подмостки.
Прислонясь к дверному косяку...»

Вот и смолкли клевета и споры,
Словно взят у вечности отгул...
А над гробом встали мародеры,
И несут почетный...

Ка-ра-ул!

44. СНОВА АВГУСТ

Посвящается памяти А. А. Ахматовой

Анна Андреевна очень боялась и не любила
месяц август и считала этот месяц для себя
несчастливым, и имела к этому все основания,
поскольку в августе был расстрелян Гумилев,
на станции Бернгардовка, в августе
был арестован ее сын Лев, в августе вышло
известное постановление о журналах «Звезда»
и «Ленинград» и т. д.

«Кресты» — ленинградская тюрьма.
Пряжка — район в Ленинграде.

...а так как мне бумаги не хватило,
я на твоём пишу черновике...

Анна Ахматова. «Поэма без героя»

В той злой тишине, в той неверной,
В тени разведенных мостов,
Ходила она по Шпалерной,
Моталась она у «Крестов».

Ей в тягость? Да нет, ей не в тягость —
Привычно, как росчерк пера,
Вот если бы только не август,
Не чертова эта пора!

Таким же неверно-нелепым
Был давний тот август, когда
Над черным бернгардовским небом
Стрельнула, как птица, беда,

И разве не в августе снова,
В еще неотмеренный год,

Осудят мычанием слово,
И совесть отправят в расход!?

Но это потом, а пока
Которую ночь — над Невой,
Уже не надеясь на чудо,
А только бы знать, что живой!

И в сумерки вписана четко,
Как вписана в нашу судьбу,
По-царски небрежная челка,
Прилипшая к мокрому лбу.

О, шелест финских сосен,
Награда за труды,
Но вновь приходит осень —
Пора твоей беды!

И август, и как будто
Все то же, как тогда,
И врет мордастый Будда,
Что горе — не беда!

Но вьется, вьется челка
Колечками на лбу,
Уходит в ночь девчонка
Пытать твою судьбу.

По улице бессветной,
Под окрик патрулей,
Идет она бессмертной
Походкою твоей.

На праздник и на плаху
Идет она, как ты!
По Пряжке, через Прагу —
Искать свои «Кресты»!

И пусть судачат глупые соседи,
Пусть кто-то обругает не со зла,
Она домой вернется на рассвете
И никому ни слова — где была...

Но с мокрых пальцев облизнет чернила,
И скажет, примостившись в уголке:

«Прости, но мне бумаги не хватило,
Я на твоём пишу черновике...»

45. НА СОПКАХ МАНЧЖУРИИ

Памяти М. М. Зощенко

В матершинном субботнем загуле шалманчика
Обезьянка спала на плече у шарманщика,
А когда просыпалась, глаза ее жуткие
Выражали почти человеческую отчаянность,
А шарманка дудела про сопки манчжурские,
И Тамарка-буфетчица очень печалилась...

Спит гаолян,
Сопки покрыты мглой...

Были и у Томки трали-вали,
И не Томкой — Томочкою звали,
Целовалась с миленьким в осоке,
И не пивом пахло, а апрелем,
Может быть, и впрямь на той высотке
Сгинул он, порубан и пострелян...

Вот из-за туч блеснула луна,
Могила хранят покой...

А последний шарманщик — обломок империи,
Все пылил перед Томкой павлиньими перьями,
Он выламывал, шура, замашки буржуйские —
То, мол, теплое пиво, то мясо прохладное,
А шарманка дудела про сопки манчжурские,
И спала на плече обезьянка прокатная...

Тихо вокруг,
Ветер туман унес...

И деясь тоской, как барышами,
Подпевали шлюхи с алкашами,
А шарманщик ел, зараза, хаши,
Алкашам подмигивал прелестно —
Дескать, деньги ваши — будут наши,
Дескать, вам приятно — мне полезно!

На сопках Манчжурии воины спят,
И русских не слышно слез...

А часов этак в десять, а может и ранее,
Непонятный чужак появился в шалмании,
Был похож он на вдруг постаревшего мальчика.
За рассказ, напечатанный неким журнальчиком,
Толстомордый подонок с глазами обманщика
Объявил чужака всенародно — обманщиком...

Пусть гаолян
Нам навевает сны...

Сел чужак за стол и вжался в угол,
И легонько пальцами постукал,
И сказал, что отдохнет немного,
Помолчав, добавил напряженно, —
«Если есть "боржом", то ради Бога,
Дайте мне бутылочку "боржома"..."»

Спите, герои русской земли,
Отчизны родной сыны...

Обезьянка проснулась, тихонько зацокала,
Загляделась на гостя, присевшего около,
А Тамарка-буфетчица — сука рублевая,
Покачала смущенно прическою пегою,
И сказала: «Пардон, но у нас не столовая,
Только вы обождите, я за угол сбегая...»

Спит гаолян,
Сопки покрыты мглой...

А чужак глядел на обезьянку,
Пальцами выстукивал морзянку,
Словно бы он звал ее на помощь,
Удивляясь своему бездомью,
Словно бы он спрашивал — запомнишь? —
И она кивала — да, запомню. —

Вот из-за туч блеснула луна,
Могилы хранят покой...

Отодвинул шарманщик шарманку ботинкою,
Прибежала Тамарка с боржомной бутылкою —
И сама налила чудаку полстаканчика,
(Не знавали в шалмане подобные почести),
А Тамарка, в упор поглядев на шарманщика,
Приказала: «играй, — человек в одиночестве». —

Тихо вокруг,
Ветер туман унес...

Замолчали шлюхи с алкашами,
Только мухи крыльями шуршали...
Стало почему-то очень тихо,
Наступила странная минута —
Непонятное, чужое лихо —
Стало общим лихом почему-то!

На сопках Манчжурии воины спят,
И русских не слышно слез...

Не взрывалось молчанье ни матом, ни брёхами,
Обезьянка сипела спаленными бронхами,
И шарманщик, забыв трепотню свою барскую,
Сам назначил себе — мол, играй, да помалкивай, —
И почти что неслышно сказав, — благодарствую, —
Наклонился чудака над рукою Тамаркиной...

Пусть гаолян
Нам навевает сны...

И ушел чудака, не взявши сдачи,
Всем в шалмане пожелал удачи...
Вот какая странная эпоха —
Не горим в огне — и тонем в луже!
Обезьянке было очень плохо,
Человеку было много хуже!

Спите, герои русской земли,
Отчизны родной сыны...

46. ЛЕГЕНДА О ТАБАКЕ

Посвящается памяти замечательного человека, Александра Ивановича Ювачева, придумавшего себе странный псевдоним — Даниил Хармс — писавшего прекрасные стихи и прозу, ходившего в автомобильной кепке и с неизменной трубкой в зубах, который действительно исчез, просто вышел на улицу и исчез. У него есть такая пророческая песенка:

«Из дома вышел человек
С веревкой и мешком
И в дальний путь, и в дальний путь
Отправился пешком.
Он шел, и все глядел вперед,
И все вперед глядел,
Не спал, не пил,
Не спал, не пил,
Не спал, не пил, не ел.
И вот однажды поутру
Вошел он в темный лес,
И с той поры, и с той поры,
И с той поры исчез...»

Лил жуткий дождь,
Шел страшный снег,
Вовсю дурил двадцатый век,
Кричала кошка на трубе,
И были сто собак.
И, встав с постели, человек
Увидел кошку на трубе,
Зевнул и сам сказал себе —
Кончается табак!
Табак кончается — беда,
Пойду куплю табак,
И вот..., но это ерунда,
И было все не так.

Из дома вышел человек
С веревкой и мешком
И в дальний путь,
И в дальний путь
Отправился пешком...

И тут же, проглотив смешок,
Он сам себя спросил —
А для чего он взял мешок?
Ответьте, Даниил!
Вопрос резонный, нечем крыть,
Летит к чертям строка,
И надо, видно, докурить
Остаток табака...

Из дома вышел человек
Та-а-та с посошком...
И в дальний путь,
И в дальний путь
Отправился пешком.
Он шел, и все глядел вперед,
И все вперед глядел,
Не спал, не пил,
Не спал, не пил,
Не спал, не пил, не ел...
А может, снова все начать,
И бросить этот вздор?!.
Уже на ордере печатать
Оттиснул прокурор...

Начнем вот эдак — пять зайчат
Решили ехать в Тверь...
А в дверь стучат, а в дверь стучат —
Пока не в эту дверь.

Пришли зайчата на вокзал,
Прошли зайчата в зальце,
И сам кассир, смеясь, сказал —
Впервые вижу зайца!

Но этот чертов человек
С веревкой и мешком,
Он и без спроса в дальний путь
Отправился пешком,
Он шел, и все глядел вперед,
И все вперед глядел,
Не спал, не пил,
Не спал, не пил,
Не спал, не пил, не ел...

И вот однажды поутру
Вошел он в темный лес,
И с той поры, и с той поры,
И с той поры исчез.

На воле — снег, на кухне — чад,
Вся комната в дыму,
А в дверь стучат,
А в дверь стучат,
На этот раз — к нему!

О чем он думает теперь,
Теперь, потом, всегда,
Когда стучит ногою в дверь
Чугунная беда?!

А тут ломается строка,
Строфа теряет стать,
И нет ни капли табака,
А т а м — уж не достать!
И надо дописать стишок,
Пока они стучат...
И значит, все-таки — мешок,
И побоку зайчат,
(А в дверь стучат!)
В двадцатый век!
(Стучат!)
Как в темный лес.
Ушел однажды человек
И навсегда исчез!..
Но Парка нить его тайком
По-прежнему прядет,
А он ушел за табаком.
Он вскорости придет.

За ним бежали сто собак,
И кот по крышам лез...
Но только в городе табак
В тот день как раз исчез.
И он пошел в Петродворец,
Потом пешком в Торжок...
Он догадался, наконец,
Зачем он взял мешок...

Он шел сквозь свет
И шел сквозь тьму,
Он был в Сибири и в Крыму,
А опер каждый день к нему
Стучится, как дурак...
И много, много лет подряд
Соседи хором говорят —
Он вышел пять минут назад,
Пошел купить табак...

47. ВОЗВРАЩЕНИЕ НА ИТАКУ

Памяти Осипа Эмилевича Мандельштама

...в квартире, где он жил, находились он, Надежда Яковлевна и Анна Андреевна Ахматова, которая приехала его навестить из Ленинграда. И вот они сидели все вместе, пока длился обыск, до утра, и пока шел этот обыск, за стеною, тоже до утра, у соседа их, Кирсанова, ничего не знавшего об обыске, запускали пластинки с модной в ту пору гавайской гитарой...

И только и света,
Что в звездной колючей неправде,
А жизнь промелькнет
Театрального капора пеной,
И некому молвить:
«Из табора улицы темной...»

Мандельштам

Всю ночь за стеной ворковала гитара,
Сосед-прощелыга крутил юбилей,
А два понятых, словно два санитара,
А два понятых, словно два санитара,
Зевая, томились у черных дверей.

И жирные пальцы с неспешной заботой
Кромешной своей занимались работой,
И две королевы глядели в молчанье,
Как пальцы копались в бумажном мочале,
Как жирно листали за книжкой книжку,
А сам-то король — все бочком, да вприпрыжку,

Чтоб взглядом не выдать — не та ли страница,
Чтоб рядом не видеть безглазые лица!

А пальцы искали крамолу, крамолу...
А там за стеной все гоняли «Рамону»:
«Рамона, какой простор вокруг, взгляни,
Рамона, и в целом мире мы одни».

«...А жизнь промелькнет
Театрального капора пеной...»

И глядя, как пальцы шуруют в обивке,
Вольно ж тебе было, он думал, вольно!
Глотай своего якобинства опивки!
Глотай своего якобинства опивки!
Не уксус еще, но уже не вино!

Щелкунчик-скворец, простофиля-Емеля,
Зачем ты ввязался в чужое похмелье?!
На что ты истратил свои золотые?!
И скучно следили за ним понятые...

А две королевы бездарно курили
И тоже казнили себя и корили —
За лень, за небрежный кивок на вокзале,
За все, что ему второпях не сказали...

А пальцы копались, и рвалась бумага...
И пел за стеной тенорок-бедолага:
«Рамона, моя любовь, мои мечты,
Рамона, везде и всюду только ты...»

«...И только и света,
Что в звездной, колючей неправде...»

По улице черной, за вороном черным,
За этой каретой, где окна крестом,
Я буду метаться в дозоре почетном,
Я буду метаться в дозоре почетном,
Пока, обессилив, не рухну пластом!
Но слово останется, слово осталось!
Не к слову, а к сердцу приходит усталость,
И хочешь не хочешь — слезай с карусели,
И хочешь не хочешь — конец одиссеи!

Но нас не помчат паруса на Итаку:
В наш век на Итаку везут по этапу,
Везут Одиссея в телячьем вагоне,
Где только и счастья, что нету погони!

Где, выпив «ханжи», на потеху вагону,
Блатарь-одессит распевает «Рамону»:
«Рамона, ты слышишь ветра нежный зов,
Рамона, ведь это песнь любви без слов...»

«...И некому, некому,
Некому молвить:
Из табора улицы темной...»

48. ЦЫГАНСКИЙ РОМАНС

Повстречала девчонка бога,
Бог пил горькую в монопольке,
Ну, а много ль от бога прока,
В чертовне и чаду попойки?
Ах, как пилось к полночи!
Как в башке гудело,
Как цыгане, сволочи,
Пели «Конавэлла»!

«Ай да Конавэлла, гран традела,
Ай да йорысака палалховела»!

А девчонка сидела с богом,
К богу фасом, а к прочим боком,
Ей домой бы бежать к папане,
А она чокается шампанью.
Ах елочки-мочалочки,
Сладко вина пьются
В серебряной чарочке
На золотом блюде!

Кому чару пить?! Кому здраву быть?!
Королевичу Александровичу!
С самоваров к чертям полуда,
Чад летал над столами сотью,

А в четвертом часу под утро
Бог последнюю кинул сотню...
Бога, пьяного в дугу,
Все теперь цукали,
И цыгане — ни гу-гу,
Разбрелись цыгане,
И друзья, допив до дна, —
Скатертью дорога!
Лишь девчонка та одна
Не бросала бога.

А девчоночка эта с Охты,
И глаза у ней цвета охры,
Ждет маманя свою кровинку,
А она с богом сидит в обнимку.
И надменный половой
Шваркал мокрой тряпкой,
Бог с поникшей головой
Горбил плечи зябко.
И просил у цыган хоть слова,
Хоть немножечко, хоть чуть слышно,
А в ответ ему — жбан рассола:
Понимай, мол, что время вышло!
Вместо водочки — вода,
Вместо пива — пена!...
И девчоночка тогда
Тоненько запела:

«Ай да Конавелла, гран-традела,
Ай да йорысака палалховела...»

Ах, как пела девчонка богу!
И про поле, и про дорогу,
И про сумерки, и про зори,
И про милых, ушедших в море,
Ах, как пела девчонка богу!
Ах, как пела девчонка Блоку!
И не знала она, не знала,
Что бессмертной в то утро стала.

Этот тоненький голос в трактирном чаду
Будет вечно звенеть в «Соловьином саду».

49. САЛОННЫЙ РОМАНС

Памяти Александра Николаевича Вертинского

...Мне снилось, что потом
В притонах Сан-Франциско,
Лиловый негр Вам подает мантию...

И вновь эти вечные трое
Играют в преступную страсть,
И вновь эти греки из Трои
Стремятся Елену украсть.
А сердце сжимается больно,
Виски мажорно мокро
От этой игры треугольной,
Безвыигрышной этой игры.

Развей мою смуту жалейкой,
Где скрыты лады под корою,
И спой, как под старой шинелью
Лежал «сероглазый король».
В беспомыслии дедовских кресел
Глаза я закрою, и вот —
Из рыжей Бразилии крейсер
В кисейную гавань плывет.

А гавань созвездия множит,
А тучи — летучей грядой!
Но век не вмешаться не может,
А норы у века крутой!
Он судьбы смешает, как фанты,
Ему ералаш по душе,
И вот он вранья-лейтенанта
Назначит морским аташе.

На карте истории некто
Возникнет, подобный мазку,
И правнук «лилового негра»
За займом приедет в Москву.
И все ему даст непременно
Тот некто, который никто,
И тихая «пани Ирэна»
Наденет на негра пальто.

И так этот мир разутюжен,
Что черта ли нам на рожон?!
Нам «ужин прощальный» — не ужин,
А сто пятьдесят под боржом.

А трое? Ну, что же, что трое!
Им равное право дано.
А Троя? Разрушена Троя!
И это известно давно.
Все предано праху и тлену,
Ни дат не осталось, ни веx.
А нашу Елену — Елену
Не греки украли, а век!

50. ПЕСНЯ ПРО НЕСЧАСТЛИВЫХ ВОЛШЕБНИКОВ, ИЛИ ЭЙН, ЦВЕЙ, ДРЕЙ!

Жили-были несчастливые волшебники,
И учеными считались и спесивыми,
Только самые волшебные учебники
Не могли их научить, как быть счастливыми,
И какой бы не пошли они дорогою,
Все кончалось то бедою, то морокою!

Но когда маэстро Скрипочкин —
Ламца-дрица, оп-ца-ца!
И давал маэстро Лампочкин
Синий свет из-за кулис,
Выходили на просцениум
Два усатых молодца,
И восторженная публика
Им кричала — bravo, бис! —
В никуда взлетали голуби,
Превращались карты в кубики,
Гасли свечи стеариновые —
Зажигались фонари!
Эйн, цвей, дрей!
И отрезанные головы
У желающих из публики,
Улыбаясь и подмигивая,
Говорили — раз, два, три!
Что в дословном переводе означает —
Эйн, цвей, дрей!

Ну, а после, утомленные до сизости,
Не в наклеенных усах и не в парадности,
Шли в кафе они куда-нибудь поблизости,
Чтоб на время позабыть про неприятности,
И заказывали ужин два волшебника —
Два стакана молока и два лапшевника.

А маэстро Балалаечкин —
Ламцадрица, оп-ца-ца!
И певица Доремикина
Что-то пела про луну,
И сидели очень грустные
Два усталых мудреца,
И тихонечко, задумчиво,
Говорили — ну и ну!
А вокруг шумели парочки,
Пили водку и шампанское,
Пил маэстро Балалаечкин
Третью стопку на пари —
Эйн, цвей, дрей!
И швырял ударник палочки,
А волшебники с опаскою,
Наблюдая это зрелище,
Говорили — раз, два, три!
Что, как вам уже известно, означает:
Эйн, цвей, дрей!

Так и шли они по миру безучастному,
То проезжею дорогой, то обочиной...
Только тут меня позвали к Семичастному,
И осталась эта песня неоконченной.
Объяснили мне, как дважды два, учебники,
Что волшебники — счастливые волшебники!

И не зря играет музыка —
Ламца-дрица, оп-ца-ца!
И не зря чины и звания,
Вроде ставки на кону,
И не надо бы, не надо бы,
Ради красного словца
Сочинять, что не положено
И не нужно никому!

Я хотел бы стать волшебником,
Чтоб ко мне слетались голуби,

Чтоб от слов моих таинственных
Зажигались фонари! —
Эйн, цвей, дрей!
Но, как пес, гремя ошейником,
Я иду, повесив голову,
Не туда, куда мне хочется,
А туда, где:
— Ать — два — три!
Что ни капли не похоже
На волшебное:
— Эйн, цвей, дрей!

51. СЪЕЗДУ ИСТОРИКОВ

Полцарства в крови, и в развалинах век,
И сказано было недаром:
«Как ныне сбирается вещий Олег
Отмстить неразумным хазарам...»

И эти, звенящие медью, слова
Мы все повторяли не раз и не два.

Но как-то с трибуны большой человек
Воскликнул с волнением и жаром:
«Однажды задумал предатель-Олег
Отмстить нашим братьям-хазарам...»

Уходят слова, и приходят слова,
За правдою правда вступает в права.

Сменяются правды, как в оттепель снег,
И скажем, чтоб кончилась смута:
«Каким-то хазарам какой-то Олег,
За что-то отмстил почему-то».

И это преданье седой старины
Пример для историков нашей страны.

52. ТАК ЖИЛИ ПОЭТЫ

В майский вечер, пронзительно дымный,
Всех побегов герой, всех погонь,
Как он мчал, бесноватый и дивный,
С золотыми копытами конь.

И металась могучая грива
На ветру языками огня,
И звенела цыганская гривна,
Заплетенная в гриву коня.

Воплощенье веселого гнева,
Не крещеный позорным кнутом,
Как он мчал — все налево, налево...
И скрывался из виду потом...

Он, бывало, нам снился ночами,
Как живой — от копыт до седла,
Впрочем, всё это было вначале,
А начало прекрасно всегда.

Но приходит с годами прозренье,
И томит наши души оно,
Словно горькое, трезвое зелье
Подливают в хмельное вино.

Постарели мы и полысели,
И погашен волшебный огонь.
Лишь кружит на своей карусели
Сам себе опостылевший конь!

Ни печали не зная, ни гнева,
По-собачьи виляя хвостом,
Он кружит все налево, налево,
И направо, направо потом.

И унылый сморчок — бедолага,
Медяками в кармане звеня,
Карусельщик — майор из ГУЛАГа —
Знай гоняет по кругу коня!

В круглый мир, намалеванный кругло,
Круглый вход охраняет конвой...

И топочет дурацкая кукла,
И кружит деревянная кукла,
Притворяясь живой.

53. ВАЛЬС-БАЛЛАДА ПРО Тещу ИЗ ИВАНОВА

Ох, ему и всыпали по первое,
По дерьму, спеленутого, волоком!
Праведные суки, брызжа пеною,
Обзывали жуликом и Поллоком!

Раздавались выкрики и выпады,
Ставились искусно многоточия,
А в конце, как водится, оргвыводы —
Мастерская, договор и прочее...

Он припер вещички в гололедицу
(Всё в один упрятал узел драненький)
И свалил их в угол, как поленницу —
И холсты, и краски, и подрамники...

Томка вмиг слетала за «кубанскую»,
То да се, яичко, два творожничка...
Он грамм сто принял, заел колбаскою,
И сказал, что полежит немножечко.

Выгреб тайно из пальтишка рваного
Нембутал, прикопленный заранее...
А на кухне теща из Иванова,
Ксенья Павловна, вела дознание.

За окошком ветер мял акацию,
Билось чье-то сизое исподнее...
— А за что ж его? — Да за абстракцию.
— Это ж надо! А трезвону подняли!

Он откуда родом? — Он из Рыбинска.
— Что рисует? — Всё натуру разную.
— Сам еврей? — А что? — Сиди не рыпайся!
Вон у Ритки без ноги, да с язвою...

Курит много? — В день полпачки «Севера».
— Риткин, дьявол, курит вроде некрута,

А у них еще по лавкам семеро...
Хорошо живете? — Лучше некуда!..

— Риткин, что ни вечер, то с приятелем,
Заимела, дура, в доме врага...
Значит, окаянный твой с понятием:
В день полпачки «Севера» — недорого.

Пить-то пьет? —

— Как все, по воскресениям!

— Риткин пьет, вся рожа окарябана!
...Помолчали, хрустнуло печение,
И, вздохнув, сказала теща Ксения, —
— Ладно уж, прокормим окаянного...

54. ПЕСНЯ ПРО ВЕЛОСИПЕД

Ах, как мне хотелось, мальчонке,
Проехаться на велосипеде.
Не детском, не трехколесном, —
Взрослом велосипеде!

И мчатся навстречу соснам —
Туда, где сосны и ели, —
И чтоб из окна глядели,
Завидуя мне, соседи —
Смотрите, смотрите, смотрите,
Смотрите, мальчишка едет
На взрослом велосипеде!..

...Ехал мальчишка по улице
На взрослом велосипеде.
— Наркомовский Петька, умница, —
Шептались вокруг соседи.

Я крикнул — дай прокатиться! —
А он ничего не ответил,
Он ехал медленно, медленно,
А я бы летел, как ветер,
А я бы звоночком цокал,
А я бы крутил педали,
Промчался бы мимо окон —
И только б меня видали!..

... Теперь у меня в передней
Пылится велосипед.
Пылится уже, наверно,
С добрый десяток лет.
Но только того мальчишки
Больше на свете нет,
А взрослому, мне не нужен
Взрослый велосипед!

Ох, как мне хочется, взрослому,
Потрогать пальцами книжку
И прочесть на обложке фамилию,
Не чью-нибудь, а мою!..

Нельзя воскресить мальчишку,
Считайте — погиб в бою...
Но если нельзя — мальчишку,
И в прошлое ни на шаг,
То книжку-то можно?! Книжку!
Ее — почему никак?!

Величественный, как росчерк,
Он книжки держал под мышкой.
— Привет тебе, друг-доносчик,
Привет тебе, с новой книжкой!

Партийная Илиада!
Подарочный холуяж!
Не надо мне так, не надо —
Пусть тысяча — весь тираж!

Дорого с суперобложкой?
К черту суперобложку!
Но нету суперобложки,
И переплета нет,

...Немножко пройдет, немножко,
Каких-нибудь тридцать лет,
И вот она, эта книжка,
Не в будущем, в этом веке!
Снимает ее мальчишка
С полки в библиотеке!
А вы говорили — бредни!
А вот через тридцать лет...

Пылится в моей передней
Взрослый велосипед.

55. ЮЗ

По стеклу машины перед глазами шофера
Бегают дворники направо-налево,
Направо-налево, направо-налево...

Не летят к нам птицы с теплого юга,
Улетают птицы на теплый юг,
Почему-то надо бояться юза,
А никто не знает, что такое юз,
Ах, никто не знает, что такое юз!

Телефон молчит мой, а это скверно.
Я-то понимаю, что дело в том,
Ты сейчас под зонтиком ходишь, наверно,
А под зонтиком трудно ходить вдвоем.
Ах, под зонтиком трудно ходить вдвоем!

И под медленным дождем мокнет муза,
И у дождика странный, соленый вкус,
Может, муза тоже боится юза?!
И не знает тоже, что значит юз?!
Ах, не знает муза, что значит юз!

По стеклу машины перед глазами шофера
Бегают дворники направо-налево,
Направо-налево, направо-налево...

56

Моей матери

От беды моей пустяковой
(Хоть не прошен и не в чести),
Мальчик с дудочкой тростниковой,
Постарайся меня спасти!

Сатанея от мелких каверз,
Пересудов и глупых ссор,

О тебе я не помнил, каюсь,
И не звал тебя до сих пор.

И, как все горожане, грешен,
Не искал я твой детский след,
Не умел замечать скворешен
И не помнил, как пахнет свет.

...Свет ложился на подоконник,
Затебал на полу возню,
Он — охальник и беззаконник —
Забирался под простыню,

Разливался, пропахший светом,
Голос дудочки в тишине...
Только я позабыл об этом
Навсегда, как казалось мне.

В жизни глупой и бестолковой,
Постоянно сбиваясь с ног,
Пенье дудочки тростниковой
Я сквозь шум различить не смог.

Но однажды, в дубовой ложе,
Я, поставленный на правеж,
Вдруг увидел такие рожи —
Пострашней карнавальных рож!

Не медведи, не львы, не лисы,
Не кикимора и сова, —
Были лица — почти как лица,
И почти как слова — слова.

За квадратным столом, по кругу,
В ореоле моей вины,
Все твердили они друг другу,
Что друг другу они верны!

И тогда, как свеча в потемки,
Вдруг из давних приплыл годов
Звук пленительный и негромкий
Тростниковых твоих ладов.

И отвесив, я думал — дерзкий,
А на деле смешной, поклон,
Я под наигрыш этот детский
Улыбнулся и вышел вон.

В жизни прежней и в жизни новой
Навсегда, до конца пути,
Мальчик с дудочкой тростниковой,
Постарайся меня спасти!

57

Кошачьими лапами вербы
Украшен фанерный лоток,
Шампанского марки «Ихь штэрбе»
Еще остается глоток.

А я и пригубить не смею
Смертельное это вино,
Подобно лукавому змею,
Меня искушает оно!

«Подумаешь, пахнет весною,
И вербой торгуют в раздрыг,
Во первых строках — привозною,
И дело не в том, во вторых.

Ни в медленном тлении весен,
Ни в тихом бряцанье строки,
Ни в медленном таянье весел
Над желтой купелью реки —

Ни лада, ни смысла, ни склада,
Как в громе, гремящем вдали,
А только и есть, что ограда
Да мерзлые комья земли.

А только и есть, что ограда
Да склепа сырое жилье...
Ты смертен, и это награда
Тебе — за бессмертье Твое...»

58. ПРОЩАНИЕ С ГИТАРОЙ

(Подражание Аполлону Григорьеву)

...Чибиряк, чибиряк, чибиряшечка,
Ах, как скучно мне с тобой, моя душечка!

Осенняя, простудная,
Печальная пора,
Гитара семиструнная,
Ни пуха, ни пера!
Ты с виду — тонкорунная,
На слух — ворожея,
Подруга семиструнная,
Прелестница моя!
Ах, как ты пела смолоду,
Вся музыка и статья,
Что трудно было голову
С тобой не потерять!

Чибиряк, чибиряк, чибиряшечка,
Ах, как плыла голова, моя душечка!

Когда ж ты стала каяться
В преклонные лета,
И статья не та, красавица,
И музыка не та!
Все в говорок про странствия,
Про ночи у костра,
Была б, мол, только санкция,
Романтики сестра.
Романтика, романтика
Небесных колеров!
Нехитрая грамматика
Небитых школяров.

Чибиряк, чибиряк, чибиряшечка,
Ах, как скучно мне с тобой, моя душечка!

И вот, как дождь по луночке,
Который год подряд,
Все на одной на струночке,
А шесть других молчат.
И лишь за тем без просыпа
Разыгрываешь страсть,

Что, может, та, курносая,
«Послушает и дать»...
Так и живешь, бездумная,
В приятности примет,
Гитара однострунная —
Полезный инструмент!

Чибиряк, чибиряк, чибиряшечка,
Ах, не совестно ль тебе, моя душечка!

Плевать, что стала курвою,
Что стать под стать блядам,
Зато номенклатурная,
Зато нужна людям!
А что души касается,
Про то забыть пора.
Ну что ж, прощай красавица!
Ни пуха, ни пера!

Чибиряк, чибиряк, чибиряшечка,
Что ж, ни пуха, ни пера, моя душечка!

59. ЧЕРНОВИК ЭПИТАФИИ

Худо было мне, люди, худо...
Но едва лишь начну про это,
Люди спрашивают — откуда,
Где подслушано, кем напето?

Дуралеи спешат смеяться,
Чистоплюи воротят морду...
Как легко мне было сломаться,
И сорваться, и спиться к черту!

Не моя это, вроде, боль,
Так чего ж я кидаюсь в бой?
А вела меня в бой судьба,
Как солдата ведет труба!

Сколько раз на меня стучали,
И дивились, что я на воле,
Ну, а если б я гнил в Сучане,
Вам бы легче дышалось, что ли?

И яснее б вам, что ли, было,
Где — по совести, а где — кроме?
И зачем я, как сторож в било,
Сам в себя колочусь до крови?!

И какая, к чертям судьба?
И какая, к чертям, труба?
Мне б частушкой по струнам, в лёт,
Да гитара, как видно, врет!

А хотелось-то мне в дорогу,
Налегке при попутном ветре,
Я бы пил молоко, ей-Богу,
Я б в лесу ночевал, поверьте!

И шагал бы как вольный цыган,
Никого бы нигде не трогал,
Я б во Пскове по-птичьи цыкал,
И округло б на Волге окал,

И частушкой по струнам в лёт,
Да гитара, как видно, врет,
Лишь мучительна и странна,
Все одна дребезжит струна!

Понимаю, что просьба тщетна,
Поминают — поименитей!
Ну, не тризною, так хоть чем-то,
Хоть всухую, да помяните!

Хоть за то, что я верил в чудо,
И за песни, что пел без склада,
А про то, что мне было худо,
Никогда вспоминать не надо!

И мучительна и странна,
Все одна дребезжит струна,
И приладиться к ней, ничьей,
Пусть попробует, кто ловчей!

А я не мог!

60. РАЗГОВОР С МУЗОЙ

Наплевать, если сгину в какой-то Инте,
Все равно мне бессмертные счастьем потрафили
На такой широте и такой долготе,
Что ее не найти ни в какой географии...

В этом доме у маяка!..
В этом доме не стучат ставни,
Не таращатся в углах вещи,
Там не бредят о пустой славе,
Там всё истинно, и всё вечно!
В этом доме у маяка!..

Если имя мое в разговоре пустом
Будут втаптывать в грязь с безразличным усердием,
Возвратись в этот дом, возвратись в этот дом,
Где тебя и меня наградили бессмертием...

В этом доме у маяка!..
В этом доме не бренчать моде,
В этом доме не греметь джазам,
Но приходит в этот дом море,
Не волной, а все, как есть, разом!
В этот дом у маяка...

Если с радостью тихой партком и местком
Сообщат, наконец, о моем погребении,
Возвратись в этот дом, возвратись в этот дом!
Где спасенье мое и мое воскресение!

В этом доме у маяка,
В этом доме все часы — полдни,
И дурные не черны вести,
Где б мы ни были с тобой, помни!
В этом доме мы всегда вместе!
В этом доме у маяка!..

61. ПЕСНЯ

Телефон, нишкни, замолкни!
Говорить — охоты нет.
Мы готовимся к зимовке,
Нам прожить на той зимовке
Предстоит немало лет.

Может, десять, может, девять.
Кто подскажет наперед?!
Что-то, вроде, надо делать,
А вот то и надо делать,
Что готовиться в поход.

Будем в списке ставить птички,
Проверять по многу раз;
Не забыть бы соль и спички,
Не забыть бы соль и спички,
Взять бы сахар про запас.

Мы и карту нарисуем!
Скоро в путь!
Ничего, перезимуем!
Как-нибудь перезимуем,
Как-нибудь!

Погромыхивает еле
Отгулявшая гроза...
Мы заткнем в палатке щели,
Чтобы люди в эти щели
Не таращили глаза.

Никакого нету толка
Разбираться — чья вина?!
На зимовке очень долго,
На зимовке страшно долго
Длятся ночь и тишина.

Мы потуже стянем пояс —
Порастай, беда, быльем!
Наша льдина не на полюс,
Мы подальше, чем на полюс, —
В одиночество плывем!

Мы плывем и в ус не дуем,
В путь так в путь!
Ничего, перезимуем.
Как-нибудь! Перезимуем
Как-нибудь!

Годы, месяцы, недели
Держим путь на свой причал,
Но, признаться, в самом деле
Я добравшихся до цели
Почему-то не встречал.

Зажелтит заката охра,
Небо в саже и в золе
Сквозь зашторенные окна...
Строго смотрят окна в окна,
Все зимовки на земле.

И не надо переключки,
Понимаем все и так...
Будем в списке ставить птички...
Не забыть бы соль и спички,
Сахар, мыло и табак.

Мы, ей-Богу, не горюем.
Время — в путь.
Ничего, перезимуем.
Как-нибудь перезимуем,
Как-нибудь.

62. МЫ НЕ ХУЖЕ ГОРАЦИЯ

Вы такие нестерпимо ражие,
И такие, в сущности, примерные,
Всё томят вас бури вернисажные,
Всё шатают паводки премьерные.

Ходите, тишайшие, в неистовых,
Феями цензурными заняньканы!
Ну, а если — ни премьер, ни выставок,
Десять метров комната в Останкине!

Где улыбкой стражники-наставники
Не сияют благостно и святочно,
Но стоит картина на подрамнике,
Вот и все!
А этого достаточно!
Там стоит картина на подрамнике —
Этого достаточно!

Осудив и совесть, и бесстрашие,
(Вроде не заложишь и не купишь их),
Ах, как вы присутствуете, ражие,
По карманам рассовавши кукиши!

Что ж, зовите небылицы былями,
Окликайте стражников по имени!
Бродят между ражими Добрынями
Тунеядцы Несторы и Пимены.

Их имен с эстрад не рассиропили,
В супер их не тискают облаточный,
«Эрика» берет четыре копии,
Вот и все!
А этого достаточно!
Пусть пока всего четыре копии —
Этого достаточно!

Время сеет ветры, мечет молнии,
Создает советы и комиссии,
Что ни день — фанфарное безмолвие
Славит многодумное безмыслие.

Бродит Кривда с полосы на полосу,
Делится с соседской Кривдой опытом,
Но гремит напетое вполголоса,
Но гудит прочитанное шепотом.

Ни партера нет, ни лож, ни яруса,
Клака не безумствует припадочно,
Есть магнитофон системы «Яуза»,
Вот и все!
А этого достаточно!

Есть, стоит картина на подрамнике!
Есть, отстукано четыре копии!

Есть магнитофон системы «Яуза»!
И этого достаточно!

63

Прилетает по ночам ворон,
Он бессонницы моей кормчий,
Если даже я ору ором,
Не становится мой ор громче.

Он едва на пять шагов слышен,
Но и это, говорят, слишком.
Но и это, словно дар свыше, —
Быть на целых пять шагов слышным!

64. КРАСНЫЙ ТРЕУГОЛЬНИК

Ой, ну что ж тут говорить, что ж тут спрашивать,
Вот стою я перед вами, словно голенький,
Да, я с Нинулькою гулял, с тетипашиной,
И в «Пекин» ее водил, и в Сокольники.

Поясок ей подарил поролоновый,
И в палату с ней ходил Грановитую,
А жена моя, товарищ Парамонова,
В это время находилась за границею.

А вернулась, ей привет — анонимочка,
Фотоснимок, а на нем — я да Ниночка.
Просыпаюсь утром — нет моей кисочки,
Ни вещичек ее нет, ни записочки,

Нет как нет,
Ну прямо нет как нет!

Я к ней, в ВЦСПС, в ноги падаю,
Говорю, что все во мне переломано,
Не сердчай, что я гулял с этой падлою,
Ты прости меня, товарищ Парамонова!

А она как закричит, вся стала черная —
Я на слезы на твои — ноль внимания,
Ты мне лазаря не пой, я ученая,
Ты людям все Расскажи на собрании!

И кричит она, дрожит, голос слабенький,
А холуи уж тут как тут, каплют капельки,
И Тамарка Шестопап, и Ванька Дерганов,
И еще тот референт, что из «органов».

Тут как тут,
Ну прямо тут как тут!

В общем, ладно, прихожу на собрание,
А дело было, как сейчас помню, первого.
Я, конечно, бюллетень взял заранее
И бумажку из диспансера нервного.

А Парамонова, гляжу, в новом шарфике,
А как увидела меня, вся стала красная,
У них первый был вопрос — свободу Африке! —
А потом уж про меня — в части «разное».

Ну как про Гану — все в буфет за сардельками,
Я и сам бы взял кило, да плохо с деньгами.
А как вызвали меня, я свял от робости,
А из зала мне кричат — давай подробности! —

Все как есть,
Ну прямо все как есть!

Ой, ну что ж тут говорить, что ж тут спрашивать,
Вот стою я перед вами, словно голенький,
Да, я с племянницей гулял, с тетипашиной,
И в «Пекин» ее водил, и в Сокольники,

И в моральном, говорю, моем облике
Есть растленное влияние Запада,
Но живем ведь, говорю, не на облаке,
Это ж только, говорю, соль без запаха!

И на жалость я их брал и испытывал,
И бумажку, что я псих, им зачитывал,
Ну, поздравили меня с воскресением,
Залепили строгача с занесением!

Ой, ой, ой,
Ну прямо ой, ой, ой...

Взял я тут цветов букет покрасивее,
Стал к подъезду номер семь, для начальников,
А Парамонова: как вышла, стала синяя,
Села в «Волгу» без меня, и отчалила!

И тогда прямым путем в раздевалку я,
И тете Паше говорю, мол, буду вечером,
А она мне говорит — с аморалкою
Нам, товарищ дорогой, делать нечего.

И племянница моя, Нина Саввовна,
Она думает как раз то же самое,
Она всю свою морковь нынче продала
И домой, по месту жительства, отбыла.

Вот те на,
Ну прямо вот те на!

Я иду тогда в райком, шлю записочку,
Мол, прошу принять, по личному делу я,
А у Грошевой как раз моя кисочка,
Как увидела меня, вся стала белая!

И сидим мы у стола с нею рядышком,
И с улыбкой говорит товарищ Грошева —
Схлопотал он строгаща, ну и ладушки,
Помириться вы теперь по-хорошему.

И пошли мы с ней вдвоем, как по облаку,
И пришли мы с ней в «Пекин» рука об руку,
Она выпила «дюрсо», а я «перцовую»
За советскую семью образцовую!

Вот и все!

65. ВЕСЕЛЫЙ РАЗГОВОР

А ей мама, ну, во всем потакала,
Красной Шапочкой звала, пташкой вольной,
Ей какава по утрам два стакана,
А сама чайку попьет — и довольна.

А как маму схоронили в июле,
В доме денег — ни гроша, ни бумаги,
Но нашлись на свете добрые люди:
Обучили на кассиршу в продмаге.

И сидит она в этой кассе,
Как на месте публичной казни,

А касса щелкает, касса щелкает,
Скушал Шапочку Серый Волк!

И трясет она черной челкою,
А касса: щелк, щелк, щелк,

Ах, веселый разговор!

Начал Званцев ей, завмаг, делать пассы:
«Интересно бы узнать, что за птица?»
А она ему в ответ из-за кассы, —
Дожидаю, мол, прекрасного принца.

Всех отшила, одного не отшила,
Называла его милым Алешей,
Был он техником по счетным машинам,
Хоть и лысый, и еврей, но хороший,

А тут как раз война, а он в запасе,
Прокричала ночь и снова к кассе.

А касса щелкает, касса щелкает,
А под Щелковым — в щепки полк!
И трясет она пегой челкою,
А касса: щелк, щелк, щелк,

Ах, веселый разговор...

Как случилось — ей вчера ж было двадцать,
А уж доченьке девятый годочек,
И опять к ней подъезжать начал Званцев,
А она про то и слушать не хочет.

Ну, и стукнул он, со зла, не иначе,
Сам не рад, да не пойдешь на попятный,
Обнаружили ее в недостатке,
Привлекли ее по сто тридцать пятой.

На этап пошла по указу,
А там амнистия, и снова в кассу.

А касса щелкает, касса щелкает,
Засекается ваш крючок!
И трясет она рыжей челкою,
А касса: щелк, щелк, щелк,

Ах, веселый разговор!

Уж любила она дочку, растила,
Оглянуться не успела — той двадцать!
Ой, зачем она в продмаг зачастила,
Ой, зачем ей улыбается Званцев?!

А как свадебку сыграли в июле,
Было шумно на Песчаной, на нашей,
Говорят в парадных добрые люди,
Что зовет ее, мол, Званцев «мамашей».

И сидит она в своей кассе,
А у ней внучок — в первом классе.

А касса щелкает, касса щелкает,
Не копеечкам — жизни счет!
И трясет она белой челкою,
А касса: щелк, щелк, щелк,

Ах, веселый разговор...

66. ГОРОДСКОЙ РОМАНС

(Тонечка)

Она вещи собрала, сказала тоненько:
«А что ты Тоньку полюбил, так Бог с ней, с
Тонькою!

Тебя ж не Тонька завлекла губами мокрыми,
А что у папы у ее топтун под окнами,
А что у папы у ее дача в Павшине,
А что у папы холуи с секретаршами,
А что у папы у ее пайки цековские,
И по праздникам кино с Целиковскою!
А что Тонька-то твоя сильно страшная —
Ты не слушай меня, я вчерашняя!
И с доскою будешь спать со стиральной
За машину за его персональную...

Вот чего ты захотел, и знаешь сам,
Знаешь сам, да стесняешься,
Про любовь твердишь, про доверие,
Про высокие про материи...

А в глазах-то у тебя дача в Павшине,
Холуи да топтуны с секретаршами,
И как вы смотрите кино всей семейкою,
И как счастье на губах — карамелькою...»

Я живу теперь в доме — чаша полная,
Даже брюки у меня — и те на молнии,
А вина у нас в доме — как из кладезя,
А сортир у нас в доме — восемь на десять...
А папаша приезжает сам к полуночи,
Топтуны да холуи тут все по струночке!
Я папаше подношу двести граммчиков,
Сообщаю анекдот про абрамчиков!

А как спать ложусь в кровать с душой Тонькою,
Вспоминаю той, другой, голос тоненький,
Ух, характер у нее — прямо бешеный,
Я звоню ей, а она трубку вешает...

Отвези ж ты меня, шеф, в Останкино,
В Останкино, где «Титан» кино,
Там работает она билетершею,
На дверях стоит вся замерзшая,
Вся замерзшая, вся продрогшая,
Но любовь свою превозмогшая,
Вся иззябшая, вся простывшая,
Но не предавшая и не простившая!

67. ЛЕНОЧКА

Апрельской ночью Леночка
Стояла на посту.
Красоточка-шатеночка
Стояла на посту.
Прекрасная и гордая,
Заметна за версту,
У выезда из города
Стояла на посту.

Судьба милиционерская —
Ругайся цельный день,
Хоть скромная, хоть дерзкая —
Ругайся цельный день,

Гулять бы ей с подругами
И нюхать бы сирень!
А надо с шоферами
Ругаться целый день.

Итак, стояла Леночка,
Милиции сержант,
Останкинская девочка,
Милиции сержант.
Иной снимает пеночки,
Любому свой талант,
А Леночка, а Леночка —
Милиции сержант.

Как вдруг она заметила —
Огни летят, огни,
К Москве из Шереметьева
Огни летят, огни.
Ревут сирены зычные,
Прохожий — ни-ни-ни!
На Лену заграничные
Огни летят, огни!

Дает отмашку Леночка,
А ручка не дрожит,
Чуть-чуть дрожит коленочка,
А ручка не дрожит.
Машины, чай, не в шашечку,
Колеса — вжик да вжик!
Дает она отмашечку,
А ручка не дрожит.

Как вдруг машина главная
Свой замедляет ход,
Хоть и была исправная,
Но замедляет ход.
Вокруг охрана стеночкой
Из КГБ, но вот
Машина рядом с Леночкой
Свой замедляет ход.

А в той машине писанный
Красавец-эфиоп,
Глядит на Лену пристально
Красавец-эфиоп.

И встав с подушки кремовой,
Не промахнуться чтоб,
Бросает хризантему ей
Красавец эфиоп!

А утром мчится нарочный
ЦК КПСС
В мотоциклетке марочной
ЦК КПСС.
Он машет Лене шляпою,
Спешит наперерез —
Пожалте, Л. Потапова,
В ЦК КПСС!

А там на Старой площади,
Тот самый эфиоп,
Он принимает почести,
Тот самый эфиоп,
Он чинно благодарствует
И трет ладонью лоб,
Поскольку званья царского
Тот самый эфиоп!

Уж свита водки выпила,
А он глядит на дверь,
Сидит с моделью вымпела
И все глядит на дверь.
Все потчуют союзника,
А он сопит, как зверь,
Но тут раздалась музыка
И отворилась дверь:

Вся в тюле и в панбархате
В зал Леночка вошла,
Все прямо так и ахнули,
Когда она вошла.
И сам красавец царственный,
Ахмет Али-Паша
Воскликнул — вот так здравствуйте! —
Когда она вошла.

И вскоре нашу Леночку
Узнал весь белый свет,
Останкинскую девочку
Узнал весь белый свет —

Когда, покончив с папою,
Стал шахом принц Ахмет,
Шахиню Л. Потапову
Узнал весь белый свет!

68. КОМАНДИРОВОЧНАЯ ПАСТОРАЛЬ

То ли шлюха ты, то ли странница,
Вроде хочется, только колетса,
Что-то сбудетса, что-то станетса,
Чем душа твоя успокоитса?
А то и станетса, что подкинетса,
Будут волосы все распатланы,
Общежитие да гостиница —
Вот дворцы твои клеопатровы.
Сядь, не бойся, выпьем водочки,
Чай, живая, не покойница!
Коньячок? Четыре звездочки?
Коньячок — он тоже колетса...

Гитарист пошел тренди-брендями,
Саксофон хрипит, как удушенный,
Все, что думалось, стало бреднями,
Обманул «Христос» новоявленный!
Спой, гитара, нам про страдания,
Про глаза нам спой, и про пальцы,
Будто есть страна Пасторалия,
Будто мы с тобой пасторальцы.
Под столом нарежем сальца,
И плевать на всех на тутошних,
Балычок? Прости, кусается...
Никаких не хватает суточных.

Расскажи ж ты мне, белка белая,
Чем ты, глупая, озабочена,
Что ты делала, где ты бегала?
Отчего в глазах червоточина?
Туфли лодочкой на полу-то чьи?
Чья на креслице юбка черная?
Наш роман с тобой до полуночи,
Курва — здешняя коридорная!

Влипнешь в данной ситуации,
И пыли потом, как конница,
Мне — к семи, тебе — к двенадцати,
Очень рад был познакомиться!

До свиданья, до свиданья,
Будьте счастливы и так далее,
А хотелось нам, чтоб страдания,
А хотелось, чтоб Пасторалия!
Но, видно, здорово мы усталые,
От анкет у нас в кляксах пальцы!
Мы живем в стране Постоялии —
Называемся — постояльцы...

69. КОМПОЗИЦИЯ № 27, ИЛИ ТРОЛЛЕЙБУСНАЯ АБСТРАКЦИЯ

Посвящается И. Грековой

— Он не то чтобы достиг, — он подлез...
— А он ей в ЦУМе — пылесос и палас...
— А она ему: «Подлец ты, подлец!..»
— И как раз у них годичный баланс...

А на дворе — то дождь, то снег.
То дождь, то снег — то плач, то смех.
И чей забой — того казна...
А кто — в запой, а кто — в «козла».

«Пользуйтесь услугами Аэрофлота,
Экономьте время», и тра-ля-ля!

— В общежитии замок на двери...
— В нос шибает то пивком, то потком...
— Отвори, — она кричит, — отвори!...
— Тут его и цап-царап на партком!...

А на дворе — то дождь, то снег.
Сперва — чуть-чуть, а там — и сверх,
Кому — во Львов, кому — в Казань,
А кто — в любовь, а кто — в «козла»!

«Покупайте к завтраку рыбные палочки,
Вкусно и питательно», и тра-ля-ля!

— Говорят, уже не первый сигнал...
— А он им в чай и подмешай нембутал...
— А им к празднику давали сига...
— По-советски, а не как-нибудь там!..

А на дворе — то дождь, то снег.
И тот же смех, один на всех.
И, словно бой, гремит гроза.
А кто — в любовь, а кто — в «козла».

«Граждане, подписку на газеты и журналы
Оформляйте вовремя», и тра-ля-ля!

— В общем вышло у него так на так...
— А она опять: «Подлец ты, подлец!...»
— Подождите, не бросайте пятак!..
— Ну, поставили на вид и конец!..

А на дворе — то дождь, то снег,
Все тот же смех и тот же снег...
И не беда, что тот же смех,
А вот беда — все тот же век!

«Предъявляйте пропуск в развернутом виде
При входе и выходе», и тра-ля-ля!

70. ИСТОРИЯ ОДНОЙ ЛЮБВИ, ИЛИ КАК ЭТО ВСЕ БЫЛО НА САМОМ ДЕЛЕ

(Рассказ закройщика)

Ну, была она жуткою шельмою,
Одевалась в джерси и в мохер,
И звалась эта дамочка Шейлою,
На гнилой иностранный манер.

Отличалась упрямством отчаянным —
Что захочем, мол, то и возьмем...
Ее маму за связь с англичанином
Залопатили в сорок восьмом.

Было все — и приютская коечка,
Фотоснимочки в профиль и в фас,
А по ней и не скажешь нисколько,
Прямо дамочка — маде ин Франс!

Не стирала по знакомым пеленки,
А служила в ателье на приемке,
Оформляла исключительно шибко,
И очки еще носила для шика,

И оправа на очках роговая,
Словом, дамочка вполне роковая,
Роковая, говорю, роковая,
Роковая, прямо, как таковая!

Только сердце ей вроде как заперли,
На признанья смеялась — вранье!
Два закройщика с брючником запили
Исключительно через нее!

Не смеяться бы, надо молиться ей,
Жизнь ее и прижала за то,
Вот однажды сержант из милиции
Сдал в пошив ей букле на пальто.

И она, хоть прикинулась чинною,
Но бросала украдкой взгляд,
Был и впрямь он заметным мужчиною —
Рост четвертый, размер пятьдесят.

И начались тут у них трали-ва-м,
Совершенно, то есть, стыд потеряли,
Позабыли, что для нашей эпохи
Не годятся эти «ахи» и «охи».

Он трезвонит ей, от дел отвлекает,
Сообщите, мол, как жизнь протекает...
Протекает, говорит, протекает...
Мы-то знаем — на чего намекает!

Вот однажды сержант из милиции
У «Динамо» стоял на посту,
Натурально, при всей амуниции,
Со свистком мелодичным во рту.

Вот он видит — идет его Шейлочка
И, заметьте, идет не одна!
Он встряхнул головой хорошенечко —
Видит — это и вправду она.

И тогда, как алкаш на посудинку,
Невзирая на свист и гудки,
Он бросается к Шейлину спутнику
И хватает его за грудки!

Ой, сержант, вы пальцем в небо попали!
То ж не хахаль был, а Шейлин папаня!
Он приехал повидаться с дочуркой
И не ждал такой проделки нечуткой!

Он приехал из родимого Глазго,
А ему суют по рылу, как назло,
Прямо назло, говорю, прямо назло,
Прямо ихней пропаганде, как масло!

Ну, начались тут трения с Лондоном,
Взяли наших посольских в клещи!
Раз, мол, вы оскорбляете лорда нам,
Мы вам тоже напишем в щип!

А как приняли лорды решение
Выслать этих, и третьих и др. ... —
Наш сержант получил повышение,
Как борец за прогресс и за мир!

И никто и не вспомнил о Шейлочке,
Только брючник надрался — балда!
Ну, а Шейлочку в «раковой шеечке»
Увезли неизвестно куда!

Приходили два хмыря из Минздрава —
Чуть не сутки проторчали у зава.
Он нам после доложил на летучке,
Что у ней, мол, со здоровьем лучше.

Это ж с психа, говорит, ваша дружба
Не встречала в ней ответа, как нужно!
Так, как нужно, говорит, так, как нужно...
Ох, до чего ж все, братцы, тошно и скучно!

71. ПРО МАЛЯРОВ, ИСТОПНИКА И ТЕОРИЮ ОТНОСИТЕЛЬНОСТИ

Чувствуем с напарником — ну и ну,
Ноги прямо ватные, все в дыму,
Чувствуем — нуждаемся в отдыхе,
Чтой-то нехорошее в воздухе.

Взяли «жигулевского» и «дубняка»,
Третьим пригласили истопника,
Приняли, добавили еще раза,
Тут нам истопник и открыл глаза —

На ужасную историю
Про Москву и про Париж,
Как наши физики проспорили
Ихним физикам пари.

Все теперь на шарике вкривь и вкось,
Шиворот-навыворот, набекрень,
И что мы с вами думаем день — ночь,
А что мы с вами думаем ночь — день.

И рубают финики лопари,
А в Сахаре снегу — невпроворот,
Это гады-физики на пари
Раскрутили шарик наоборот.

И там, где полюс был, там тропики,
А где Нью-Йорк — Нахичевань,
А что мы люди, а не бобики,
Им на это начихать!

Рассказал нам все это истопник,
Вижу, мой напарник — ну прямо сник, —
Раз такое дело — гори огнем!
Больше мы малярничать не пойдем! —

Взяли в поликлинике бюллетень,
Нам башку работою не морочь!
И что ж тут за работа, если ночью день,
А потом обратно не день, а ночь!

И при всей квалификации
Тут возможен перекос,

Это ж все-таки радиация,
А не просто купорос!

Пятую неделю я не сплю с женой,
Пятую неделю я хожу больной,
Тоже и напарник мой плачется,
Дескать, он отравленный начисто.

И лечусь «столичною» лично я,
Чтобы мне с ума не стронуться,
Истопник сказал — «столичная» —
Очень хороша от стронция.

И то я верю, а то не верится,
Что минует та беда...
А шарик вертится и вертится,
И все время не туда!

72. Я ПРИНИМАЮ УЧАСТИЕ В НАУЧНОМ СПОРЕ

**...между доктором филологических наук,
проф. Б. А. Бяликом и действительным членом
Академии наук СССР С. А. Соболевым
по вопросу о том, может ли машина мыслить.**

Я не чикался на курсах, не зубрил сопромат,
Я вполне в научном мире личность лишняя.
Но вот чего я усек:
Газированной водой торговал автомат,
За копейку — без сиропа, за три — с вишнею.

И с такой торговал вольностью,
Что за час его весь выпили,
Стаканы наливал полностью,
А людям никакой прибыли,
А людям никакой выгоды,
Ни на зуб с дуплом компенсации,
Стали люди искать выхода
Из безвыходной ситуации.

Сели думать тут ребятки, кто в беде виноват,
Где в конструкции ошибка, в чем неправильность,

Разобрали тут ребята весь как есть автомат,
Разобрали, устранили в нем несправедность.

А теперь крути, а то выпорем,
Станешь, дура, тогда умною,
Приспособим тебя к выборам,
Будешь в елках стоять урною.
Ты кончай, автомат, школьничать,
Ты кончай, автомат, умничать!
Мы отучим тебя вольничать,
Мы научим тебя жульничать.

Он повкалывал недельку — с ним обратно беда —
Весь затрясся он, как заяц под стужею,
Не поймешь, чего он каплет — не сироп, не вода,
Может, краска, может, смазка, может, хужее.

И стоит, на всех шавкой злобится,
То он плачет, то матюкается.
Это люди — те приспособятся,
А машина — та засекается!
Так и стал автомат шизиком,
Всех пугает своим видиком,
Ничего не понять физикам,
Не понять ничего лирикам.

Так давайте ж друг у друга не воруйте идей,
Не валите друг на друга свои горести,
И вот чего я вам скажу:
Может станут автоматы не глупее людей,
Только очень это будет не вскорости!

73. ЖУТКОЕ СТОЛЕТИЕ

В понедельник, дело было к вечеру,
Голова болела, прямо адово,
Заявляюсь я в гараж, к диспетчеру,
Говорю, что мне уехать надобно.

Говорю, давай путевку выпиши,
Чтоб куда подале, да посевней,
Ты меня не нюхай, я не выпивши,
Это я с тоски такой рассеянный.

Я гулял на свадьбе в воскресенье,
Тыкал вилкой в винегрет, закусывал,
Только я не пил за счастье Ксенино,
И вообще не пил, а так... присутствовал.

Я ни шкалика, и ни полшкалика,
А сидел жевал горбушку черного,
Все глядел на Ксенькина очкарика,
Как он строил из себя ученого.

А я, может, сам из семинарии,
Может, шоферюга я по случаю,
Вижу, даже гости закемарили,
Даже Ксенька, вижу, туча тучею.
Ну, а он поет, как хор у всенощной,
Все про иксы, игреки да синусы,
А костюмчик — и взглянуть-то не на что —
Индпошив, фасончик — на-ка, выкуси!

И живет-то он не в Дубне атомной,
А в НИИ каком-то под Каширою,
Врет, что он там шеф над автоматною
Электронно-счетною машиною.

Дескать, он прикажет ей, помножь-ка мне
Двадцать пять на девять с одной сотой,
И сидит потом, болтает ножками,
Сам сачкует, а она работает.

А она работает без ропота,
Огоньки на пульте обтекаемом!
Ну, а нам-то, нам-то среди роботов,
Нам что делать, людям неприкаянным?!

В общем, слушал я как замороженный,
А потом меня как чтой-то подняло,
Встал, сказал — за счастье новорожденной!
Может, кто не понял, — Ксенька поняла!

И ушел я, не было двенадцати,
Хлопнул дверью — празднуйте, соколики!
И в какой-то, вроде бы, прострации
Я дошел до станции Сокольники.

В автомат пятак засунул молча я,
Будто бы в копилку на часовенку,
Ну, а он залязгал, сука волчая,
И порвал штаны мне снизу доверху.

Дальше я не помню, дальше — кончики!
Плакал я и бил его ботинкою,
Шухера свистели в колокольчики,
Граждане смеялись над картинкою...

Так, давай, папаша, будь союзником,
До суда поезжу дни последние,
Ах, обрыдла мне вся эта музыка,
Это автоматное столетие!

74. ФЕСТИВАЛЬ ПЕСНИ В СОПОТЕ В АВГУСТЕ 1969

Над черной пажитью разрухи,
Над миром, проклятым людьми,
Поют девчонки о разлуке,
Поют мальчишки о любви!

Они глядят на нас в тревоге
И не умеют скрыть испуг,
Но наши страхи, наши боги
Для них — пустой и жалкий звук.

И наши прошлые святыни —
Для них — пустые имена,
И правда та, что посредине,
И им и нам еще темна!

И слышит Прага, слышит Сопот,
Истошный шепот: «Тру-ля-ля!»
Но пробивается сквозь шепот
Кирзовый топот патруля!

Нас отпустили на поруки,
На год, на час, на пять минут,
Поют девчонки о разлуке,
Мальчишки о любви поют!

Они лады перебирают,
Как будто лезут на рожон,

Они слова перевирают,
То в соль-мажор, то в ре-мажор.

А я, крестом раскинув руки,
Как оступившийся минер —
Все о беде и о разрухе,
Все в ре-минор, да в ре-минор...

75. ОТРЫВОК ИЗ РАДИО-ТЕЛЕВИЗИОННОГО РЕПОРТА- ЖА О ФУТБОЛЬНОМ МАТЧЕ МЕЖДУ СБОРНЫМИ КОМАНДАМИ ВЕЛИКОБРИТАНИИ И СОВЕТСКОГО СОЮЗА

...Итак, судья Бидо, который, кстати, превосходно проводит сегодняшнюю встречу, просто превосходно, сделал внушение английскому игроку, — и матч продолжается. И снова, дорогие товарищи болельщики, дорогие наши телезрители, вы видите на ваших экранах, как вступают в единоборство центральный нападающий английской сборной, профессионал из клуба «Стар» Бобби Лейтон и наш замечательный мастер кожаного мяча, аспирант Московского педагогического института Владимир Лялин, Володя Лялин — капитан и любимец нашей сборной! В этом единоборстве (кстати, обратите внимание — интересный игровой момент), итак, в этом единоборстве соперники соревнуются не только в технике владения мячом, но в понимании, так сказать, самой природы игры, в умении предугадать и предупредить самые тончайшие стратегические и тактические замыслы соперника...

А он мне все по яйцам целится,
Этот Бобби, сука рыжая,
А он у них за то и ценится —
Мистер-шмистер, ставка высшая!

А я ему по-русски, рыжему, —
Как ни целься — выше, ниже ли,
Ты ударишь — я, бя, выживу,
Я ударю — ты, бя, выживи!

Ты, бя, думаешь, напал на дикаря,
А я сделаю культурно, втихаря,

Я, бля, врежу, как в парадном кирпичом —
Этот, с дудкой, не заметит нипочем!

В общем, все — сказал по-тихому,
Не ревел,
Он ответил мне по-ихнему —
«Вери вэл...»

...Судья Бидо фиксирует положение вне игры — великолепно проводит матч этот арбитр из Франции, великолепно, по-настоящему спортивно, строго, по-настоящему арбитр международной квалификации. Итак: свободный удар от наших ворот, мяч рикошетом попадает снова Бобби Лейтону, который в окружении остальных игроков по центру продвигается к нашей штрафной площадке. И снова перед ним вырастает Владимир Лялин. Володя! Володечка! Его не обманул финт англичанина — он преграждает ему дорогу к нашим воротам...

Ты давай из кучи выгляни,
Я припас гостинчик умнику,
Финты-шминты с фигли-миглями —
Это, рыжий, — всё на публику!

Не держи меня за мальчика,
Мы еще поспорим в опыте,
Что ж я, бля, не видел мячика?
Буду бегать где ни попадя?!

Я стою, а он как раз наоборот,
Он, бля, режет, вижу, угол у ворот,
Натурально, я на помощь вратарю —
Рыжий — с ног, а я с улыбкой говорю —

Думал вдарить, бля, по-близкому,
В дамки шел?!
А он с земли мне по-английскому —
«Данке шён!..»

...Да, странно, странно, просто непонятное решение — судья Бидо почему-то принимает обыкновенный силовой прием за нарушение правил и назначает одиннадцатиметровый удар в наши ворота. Это неприятно, это

неприятно, несправедливо и... а... вот здесь мне подсказывают — оказывается, этот судья Бидо просто прекрасно известен нашим журналистам как один из самых продажных политиканов от спорта, который в годы оккупации Франции сотрудничал с гитлеровской разведкой. Ну, итак, мяч устанавливается на одиннадцатиметровой отметке... Кто же будет бить?.. А, ну, все тот же самый Бобби Лейтон — он просто симулировал травму!.. Вот он разбегается... удар... Да, досадный и несправедливый гол, кстати, единственный гол за всю эту встречу, единственный гол за полминуты до окончания матча, единственный и несправедливый, несправедливый, досадный гол, забитый в наши ворота.

Да, игрушку мы просерили,
Протютюкали, прозяпали,
Хорошо б она на Севере,
А ведь это ж, бля, на Западе,

И пойдет теперь мурыжево —
Федерация, хренация,
Что ж ты, бля, не сделал рыжего —
Где ж твоя квалификация?!

Вас, засранцев, опекаешь и растишь,
А вы, суки, нам мараете престиж!
Ты ж советский, ты же чистый, как кристалл!
Начал делать, так уж делай, чтоб не встал!

Духу нашему спортивному
Цвести везде!
Я отвечу по-партийному —
Будет сде...!

76. ГОРЕСТНАЯ ОДА СЧАСТЛИВОМУ ЧЕЛОВЕКУ

Посвящается Петру Григорьевичу Григоренко

Когда хлестали молнии ковчег,
Воскликнул Ной, предупреждая страхи:
«Не бойтесь, я счастливый человек,
Я человек, родившийся в рубахе!»

Родившийся в рубахе человек!
Мудрейшие, почтеннейшие лица
С тех самых пор, уже который век,
Напрасно ищут этого счастливца.

Который век все нет его и нет,
Лишь горемыки прут без перебоя,
И горячат умы, и застят свет,
А Ной наврал, как видно, с перепоя!

И стал он утешеньем для калек,
И стал героем сказочных забавок, —
Родившийся в рубашке человек,
Мечта горластых повивальных бабок!

А я гляжу в окно на грязный снег,
На очередь к табачному киоску,
И вижу, как счастливый человек
Стоит и разминает папироску.

Он брал Берлин! Он, правда, брал Берлин,
И врал про это скучно и нелепо,
И вышибал со злости клином клин,
И шифер с базы угонял «налево».

Вот он выходит в стужу из кино,
И сам не зная про свою особость,
Мальчонке покупает «эскимо»,
И лезет в переполненный автобус.

Он водку пил и пил одеколон,
Он песни пел и женщин брал нахрапом!
А сколько он повкалывал кайлом!
А сколько он протопал по этапам!

И сух был хлеб его, и прост ночлег!
Но все народы перед ним — во прахе.
Вот он стоит — счастливый человек,
Родившийся в смиренной рубахе!

77. ПЕСНЯ ПРО СЧАСТЬЕ

Ты можешь найти на улице копейку
И купить коробок спичек,
Ты можешь найти две копейки
И позвонить кому-нибудь из автомата,
Ну, а если звонить тебе некому,
Так зачем тебе две копейки?
Не покупать же на две копейки
Два коробка спичек!

А можно вообще обойтись без спичек,
А просто прикурить у прохожего,
И заговорить с этим прохожим,
И познакомиться с этим прохожим
И он даст тебе номер своего телефона,
Чтоб ты позвонил ему из автомата...
Ну как же ты сможешь позвонить ему из автомата,
Если у тебя нет двух копеек?!

Так что лучше уж не прикуривать у прохожего,
Лучше просто купить коробок спичек,
Впрочем, и для этого сначала нужно
Найти на улице одну копейку...

78. ПЕСНЯ О ТБИЛИСИ

На холмах Грузии лежит ночная мгла...

А. Пушкин

Я не сумел понять Тебя в тот раз,
Когда, в туманы зимние оправлен,
Ты убегал от посторонних глаз,
Но все же был прекрасен без прикрас,
И это я был злобою отравлен.

И Ты меня провел, на том пиру,
Где до рассвета продолжалось бденье,
А захмелел — и головой в Куру,
И где уж тут заметить поутру
В глазах хозяйки скучное презренье!
Вокруг меня сомкнулся, как кольцо,
Твой вечный шум в отливах и прибоях.

Потягивая кислое винцо,
Я узнавал усатое лицо
В любом пятне на выцветших обоях.

И вновь зурна вступала в разговор,
И вновь с бокалом истово и пылко
Болтает вздор подонок и позер...
А мне почти был сладок Твой позор,
Твоя невиноватая ухмылка.

И в самолете, по пути домой,
Я наблюдал злорадно, как грузины,
В Москву, еще объятую зимой,
Везут мешки с оранжевой хурмой
И с первую мимозою корзины.

И я не понял, я понять не мог,
Какую Ты торжествовал победу,
Какой Ты дал мне гордости урок,
Когда кружил меня, сбивая с ног,
По ложному придуманному следу!

И это все — и Сталин, и хурма,
И дым застолья, и рассветный кочет, —
Все для того, чтоб не сойти с ума,
А суть Твоя является сама,
Но лишь, когда сама того захочет!

Тогда тускнеют лживые следы,
И начинают раны врачеваться,
И озаряет склоны Мтацминды
Надменный голос счастья и беды,
Нетленный голос Нины Чавчавадзе!

Прекрасная и гордая страна!
Ты отвечаешь шуткой на злословье.
Но криком вдруг срывается зурна,
И в каждой капле кислого вина
Есть неизменно сладкий привкус крови!

Когда дымки плывут из-за реки
И день дурной синоптики пророчат,
Я вижу, как горят черновики!

Я слышу, как гудят грузовики!
И сапоги охранников грохочут —

И топчут каблуками тишину,
И женщины не спят, и плачут дети,
Грохочут сапоги на всю страну!
А Ты приемлешь горе, как вино,
Как будто только Ты за всё в ответе!

Не остывает в кулаке зола,
Всё в мерзлый камень памятью одето,
Всё, как удар ножом из-за угла...
«На холмах Грузии лежит ночная мгла...»
И как еще далёко до рассвета!

79. ВЕК НЫНЕШНИЙ И ВЕК МИНУВШИЙ

Понимая, что нет в оправданиях смысла,
Что бесчестье кромешно и выхода нет,
Наши предки писали предсмертные письма,
А потом, помолившись: — Во веки и присно... —
Запирались на ключ — и к виску пистолет.

А нам и честь, и чох, и чёрт —
Неведомые области!
А нам признание и почет
За верность общей подлости!
А мы баюкаем внучат
И ходим на собрания,
И голоса у нас звучат
Все чище и сопраннее!..

80. ЗАПОЙ ПОД НОВЫЙ ГОД

По-осеннему деревья налегке,
Керосиновые пятна на реке,
Фиолетовые пятна на воде,
Ты сказала мне тихонько: «Быть беде».

Я позабыл твое лицо,
Я пъян был к полдню,
Я подарил твое кольцо, —
Кому, не помню...

Я подымал тебя на смех,
И врал про что-то,
И сам смеялся больше всех,
И пил без счета.

Из шутовства и хвастовства
В то — балаганье,
Я предал все твои слова
На поруганье,

Качалась пьяная мотня
Вокруг прибойно,
И ты спросила у меня:
«Тебе не больно?!

Не поймешь — не то январь, не то апрель,
Не поймешь — не то метель, не то капель,
На реке не ледостав, не ледоход,
Старый год, а ты сказала — Новый Год.

Их век выносит на-гора,
И — марш по свету,
Одно отличие — номера,
Другого нету!

О, этот серый частокол —
Двадцатый опус,
Где каждый день как протокол,
А ночь как обыск.

Где всё зазря и всё не то,
И всё непрочное,
Который час, и то никто
Не знает точно.

Лишь неизменен календарь
В приметах века —
Ночная улица. Фонарь.
Канал. Аптека...

В этот вечер, не сумевший стать зимой,
Мы дороги не нашли к себе домой,
Я спросил тебя: «А может, всё не зря?»
Ты ответила старинным: «Быть нельзя!»

81. НОВОГОДНЯЯ ФАНТАСМАГОРИЯ

В новогодний бедлам, как в обрыв на крутом вираже,
Все еще только входят, а свечи погасли уже,
И лежит в сельдерее, убитый злодейским ножом,
Поросенок с бумажною розой, покойник-пижон.

А полковник-пижон, что того поросенка принес,
Открывает «боржом» и целует хозяйку взасос,
Он совсем разнуздался, подлец, он отбился от рук,
И следят за полковником три кандидата наук.

А хозяйка мила, а хозяйка чертовски мила,
И уже за столом, как положено, куча мала —
Кто-то ест, кто-то пьет, кто-то ждет, что ему
подмигнут,
И полковник надрался, как маршал, за десять минут.

Над его головой произносят заздравную речь
И суют мне гитару, чтоб общество песней развлечь...
Ну, помилуйте, братцы: какие тут песни, пока
Не допили еще, не доели цыплят табака.

Вот полковник желает исполнить романс «Журавли»,
Но его кандидаты куда-то поспать увели,
И опять кто-то ест, кто-то пьет, кто-то плачет навзрыд,
Что за праздник без песни, — мне мрачный сосед
говорит, —
Я хотел бы, товарищ, от имени всех попросить,
Не могли б вы, товарищ, нам что-нибудь
изобразить. —

И тогда я улягусь на стол, на торжественный тот,
И бумажную розу засуну в оскаленный рот,
И под чей-то напутственный возглас, в дыму и в жаре,
Поплыву, потеку, потону в поросячем желе...

Это будет смешно, это вызовет хохот до слез,
И хозяйка лизнет меня в лоб, как признательный пес,
А полковник, проспавшись, возьмется опять за свое,
И отрезав мне ногу, протянет хозяйке ее...

...А за окнами снег, а за окнами белый мороз,
Там бредет чья-то белая тень мимо белых берез,

Мимо белых берез, и по белой дороге, и прочь —
Прямо в белую ночь, в петроградскую Белую Ночь...

В ночь, когда по скрипучему снегу, в трескучий мороз,
Не пришел, а ушел, мы потом это поняли, Белый
Христос,

И поземка, следы замата, мела, и мела...
А хозяйка мила, а хозяйка чертовски мила,

Зазвонил телефон, и хозяйка махнула рукой, —
Подождите, не ешьте, оставьте кусочек, другой, —
И уже в телефон, отгоняя ладошкой дым, —
Приезжайте скорей, а не то мы его доедим! —
И опять все смеются, смеются, смеются до слез...

...А за спинами снег, а за окнами белый мороз,
Там бредет моя белая тень мимо белых берез...

82. ПОСЛЕ ВЕЧЕРИНКИ

Под утро, когда устанут
Влюбленность, и грусть, и зависть,
И гости опохмелятся
И выпьют воды со льдом,
Скажет хозяйка — хотите
Послушать старую запись? —
И мой глуховатый голос
Войдет в незнакомый дом.

И кубики льда в стакане
Звякнут легко и ломко,
И странный узор на скатерти
Начнет рисовать рука,
И будет брнчать гитара,
И будет крутиться пленка,
И в дальний путь к Абакану
Отправятся облака...

И гость какой-нибудь скажет:
— От шуточек этих зябко,
И автор напрасно думает,
Что сам ему черт не брат!

—Ну, что вы, Иван Петрович, —
Ответит ему хозяйка, —
Бояться автору нечего,
Он умер лет сто назад...

83. СЧАСТЬЕ БЫЛО ТАК ВОЗМОЖНО

Когда собьет меня машина,
Сержант напишет протокол,
И представительный мужчина...
И представительный мужчина
Тот протокол положит в стол.

Другой мужчина — ниже чином,
Взяв у начальства протокол,
Прочтет его в молчанье чинном...
Прочтет его в молчанье чинном
И пододвинет дырокол!

И продырявив лист по краю,
Он скажет: «Счастья в мире нет —
Покойник пел, а я играю...
Покойник пел, а я играю, —
Могли б составить с ним дуэт!»

84. СМЕРТЬ ИВАНА ИЛЬИЧА

Врач сказал: «Будь здоров! Паралич!»
Помирает Иван Ильич...

Ходят дети с внуками на цыпочках,
И хотя разлука не приспела,
Но уже месткомовские скрипочки
Принялись разучивать Шопена.

Врач сказал: «Может, день, может, два,
Он и счас уже дышит едва».

Пахнет в доме горькими лекарствами,
Подгоревшим давешним обедом,
Пахнет в доме скорыми мытарствами
По различным загсам и собесам.

Врач сказал: «Ай-ай-ай, вот-те раз!
А больной-то, братцы, помер у нас».

Был он председателем правления,
Но такая вещь житье-бытье,
Не напишешь просьбу о продлении,
Некому рассматривать ее.

Врач сказал: «Извиняюсь, привет!»
Ждал врача подгоревший обед.

85. СЛАВА ГЕРОЯМ

У лошади была грудная жаба,
Но лошадь, как известно, не овца!
И лошадь на парады выезжала,
И маршалу про жабу ни словца.

А маршал, бедный, мучился от рака,
Но тоже на парады выезжал,
Он мучился от рака, но, однако,
Он лошади об этом не сказал,

Нам этот факт Великая Эпоха
Воспеть велела в песнях и в стихах,
Хоть лошадь та давным-давно издохла,
А маршала сгноили в Соловках.

86. БОЛЬНИЧНАЯ ЦЫГАНОЧКА

А начальник всё, спьяну, про Сталина,
Все хватает баранку рукой,
А потом нас, конечно, доставили
Санитары в приемный покой.
Сняли брюки с меня и кожаночку,
Все мое покидали в мешок,
И прислали Марусю-хожалочку,
Чтоб дала мне живой порошок.

А я твердил, что я здоров,
А если ж, печки-лавочки,

То в этом лучшем из миров
Мне все давно до лампочки,
Мне все равно, мне все давно
До лампочки!

Вот лежу я на койке, как чайничек,
Злая смерть надо мною кружит,
А начальничек мой, а начальничек,
Он в отдельной палате лежит.
Ему нянечка шторку повесила,
Создают персональный уют,
Водят к гаду еврея-профессора,
Передачи из дома дают!

А там икра, а там вино,
И сыр, и печки-лавочки!
А мне — больничное говно,
Хоть это и до лампочки,
Хоть все равно, мне все давно
До лампочки!

Я с обеда для сестрина мальчика
Граммов сто отолью киселю,
У меня ж ни кола, ни калачика,
Я с начальством харчи не делю!
Я возил его, падлу, на «чаечке»,
И к Маргошке возил, и в Фили,
Ой, вы добрые люди, начальнички!
Соль и гордость родимой земли!

Не то он зав, не то он зам,
Не то он печки-лавочки,
А что мне зам! Я сам с усам,
И мне чины до лампочки,
Мне все чины да ветчины
До лампочки!

Надеваю я утром пижамочку,
Выхожу покурить в туалет,
И встречаю Марусю-хожалочку, —
Сколько зим, говорю, сколько лет!
Доложи, говорю, обстановочку,
А она отвечает не в такт —

Твой начальничек дал упаковочку —
У него получился инфаркт! —

На всех больничных корпусах
И шум, и печки-лавочки,
А я стою — темно в глазах,
И как-то всё до лампочки,
И как-то вдруг мне всё вокруг
До лампочки...

Да, конечно, гражданка гражданочкой,
Но когда воевали, братва,
Мы ж с ним вместе под этой кожаночкой
Ночевали не раз и не два,
И тянули спиртягу из чайника,
Под обстрел загорали в пути...
Нет, ребята, такого начальника
Мне, наверно, уже не найти!

Не слезы это, а капель,
И всё, и печки-лавочки,
И мне теперь, мне всё теперь
Фактически до лампочки,
Мне всё теперь, мне всё теперь
До лампочки!

87. ПРАВО НА ОТДЫХ

Первача я взял ноль-восемь, взял халвы,
Пару «рижского» и керченскую сельдь,
И отправился я в Белые Столбы
На братана да на психов поглядеть.

Ах, у психов жизнь, так бы жил любой:
Хочешь — спать ложись, а хочешь — песни пой!
Предоставлено им вроде литера,
Кому от Сталина, кому от Гитлера!

А братан уже встречает в проходной,
Он меня за опоздание корит,
Говорит — давай скорей по одной,
Тихий час сейчас у психов, — говорит.

Шизофреники — вяжут веники,
А параноики — рисуют нолики,
А которые просто нервные,
Те спокойным сном спят, наверное.

А как приняли по первой первача,
Тут братана прямо бросило в тоску,
Говорит, что он зарежет главврача,
Что тот, сука, не пустил его в Москву!

А ему ж в Москву не за песнями,
Ему выправить надо пенсию,
У него в Москве есть законная,
И еще одна есть — знакомая.

Мы пивком переложили, съели сельдь,
Закусили это дело косхалвой,
Тут братан и говорит мне: «Сень, а Сень,
Ты побудь тут за меня денек-другой!

И по выходке, и по роже мы
Завсегда с тобой были схожими,
Тебе ж нет в Москве вдоха-продоха,
Поживи здесь, как в доме отдыха».

Тут братан снимает тапки и халат,
Он мне волосы легонько ворошит,
А халат на мне — ну, прямо в аккурат,
Прямо, вроде на меня халат пошит!

А братан — в пиджак, да и к поезду,
А я булавочкой — деньги к поясу,
И иду себе на виду у всех,
А и вправду мне — отдохнуть не грех!

Тишина на белом свете, тишина,
Я иду и размышляю, не спеша, —
То ли стать мне президентом США,
То ли взять да окончить ВПШ!

Ах, у психов жизнь, так бы жил любой:
Хочешь — спать ложись, а хочешь — песни пой!
Предоставлено н а м вроде литера,
Кому от Сталина, кому от Гитлера!..

88. РАССКАЗ, КОТОРЫЙ Я УСЛЫШАЛ В ПРИВОКЗАЛЬНОМ ШАЛМАНЕ

Нам сосиски и горчицу —
Остальное при себе,
В жизни может все случиться:
Может «А», а может «Б».

Можно жизнь прожить в покое,
Можно быть всегда в пути...
Но такое, но такое! —
Это ж Господи, прости!

Дядя Леша, бог рыбакий,
Выпей, скушай бутерброд,
Помяни мои удачи
В тот апрель о прошлый год.

В том апреле, как в купели,
Голубели невода,
А потом — отголубели,
Задубели в холода!

Но когда из той купели
Мы тянули невода,
Так в апреле преуспели,
Как, порою, за года!

Что нам Репина палитра,
Что нам Пушкина стихи:
Мы на брата — по два литра,
По три порции ухи!

И айда за той, фартовой,
Закусивши удила,
За той самой, за которой
Три деревни, два села!

Что ни вечер — «Кукарача»!
Что ни утро, то аврал!
Но случилась незадача —
Я документ потерял!

И пошел я к Львовой Клавке:
— Будем, Клавка, выручать,

Оформляй мне, Клавка, справки,
Шлепай круглую печать!

Значит, имя, год рожденья,
Звание, член КПСС.
Ну, а дальше — наваждение,
Вроде вдруг попутал бес.

В состоянии помятом
Говорю для шутки ей, —
— Ты, давай, мол, в пункте пятом
Напиши, что я еврей!

Посмеялись и забыли,
Крутим дальше колесо,
Нам все это вроде пыли,
Но совсем не вроде пыли
Дело это для ОСО!

Вот прошел законный отпуск,
Начинается мотня.
Первым делом, сразу «допуск»
Отбирают у меня,

И зовет меня Особый,
Начинает разговор, —
— Значит, вот какой особый,
Прямо скажем, хитрожопый!
Оказался ты, Егор!

Значит, все мы, кровь на рыле,
Топай к светлому концу!
Ты же будешь в Израиле
Жрать, подлец, свою мацу!

Мы стоим за дело мира,
Мы готовимся к войне!
Ты же хочешь, как Шапиро,
Прохлаждаться в стороне!

Вот зачем ты, вроде вора,
Что желает — вон из пут,
Звание русского майора
Променял на «пятый пункт».

Я ему, с тоской в желудке,
Отвечаю, еле жив, —
— Это ж я за ради шутки,
На хрена мне Тель-Авив!

Как он гаркнет: — Я не лапоть!
Поищи-ка дурачков!
Ты же явно хочешь драпать!
Это ж видно без очков!

Если ж кто того не видит,
Растолкуем в час-другой,
Нет, любезный, так не выйдет,
Так не будет, дорогой!

Мы тебя — не то что взгреем,
Мы тебя сотрем в утиль!
Нет, не зря ты стал евреем!
А затем ты стал евреем,
Чтобы смыться в Израиль!

И пошло тут, братцы-друзи,
Хоть ложись и в голос вой!..
Я теперь живу в Калуге,
Беспартийный, рядовой!

Мне теперь одна дорога,
Мне другого нет пути:
— Где тут, братцы, синагога?!
Подскажите, как пройти!

89. РЕКВИЕМ ПО НЕУБИТЫМ

Когда началась «шестидневная война», я жил за городом, у меня испортился транзистор, поэтому я двое суток пользовался только сообщениями радиоточки. Из этих сообщений я создал себе, естественно, совершенно превратное представление о том, что происходит, и на второй вечер написал стихи, которые совершенно не соответствуют действительности...

Шесть с половиной миллионов,
Шесть с половиной миллионов,
Шесть с половиной миллионов!

А надо бы ровно десять!
Любителей круглого счета
Должна порадовать весть,
Что жалкий этот остаток
Сжечь, расстрелять, повесить
Вовсе не так уж трудно,
И опыт, к тому же, есть!

Такая над миром темень,
Такая над миром темень,
Такая над миром темень!
Глаз ненароком выколешь!
Каждый случайный выстрел
Несметной грозит бедой,
Так что же тебе неймется,
Красавчик, фашистский выкормыш,
Увенчанный нашим орденом
И Золотой Звездой?!

Должно быть, тобой заслужено,
Должно быть, тобой заслужено,
Должно быть, тобой заслужено,
По совести и по чести!
На праведную награду
К чему набрасывать тень?!
Должно быть, с Павликом Коганом
Бежал ты в атаку вместе,
И рядом с тобой под Выборгом
Убит был Арон Копштейн!

Тоненькой струйкой дыма,
Тоненькой струйкой дыма,
Тоненькой струйкой дыма
В небо уходит Ева,
Падает на Аппельплатце
Забитый насмерть Адам!
И ты по ночам, должно быть,
Кричишь от тоски и гнева,
Носи же свою награду
За всех, что остались там!

Голос добра и чести,
Голос добра и чести,

Голос добра и чести
В разумный наш век бесплоден!
Но мы вознесем молитву
До самых седьмых небес!
Валяйте — детей и женщин!
Не трогайте гроб Господень!
Кровь не дороже нефти,
А нефть нужна позарез!

Во имя Отца и Сына...
Во имя Отца и Сына...
Во имя Отца и Сына!..
Мы к ночи помянем черта,
Идут по Синаю танки,
И в черной крови пески!
Три с половиной миллиона
Осталось до ровного счета!
Это не так уж много —
Сущие пустяки!

90. ЗА СЕМЬЮ ЗАБОРАМИ

Мы поехали за город,
А за городом дожди,
А за городом заборы,
За заборами — Вожди.

Там трава несмятая,
Дышится легко,
Там конфеты мятные
«Птичье молоко».

За семью заборами,
За семью запорами,
Там конфеты мятные
«Птичье молоко»!

Там и фауна, и флора,
Там и галки, и грачи,
Там глядят из-за забора
На прохожих стукачи,

Ходят вдоль да около,
Кверху воротник...

А сталинские соколы
Кушают шашлык!

За семью заборами,
За семью запорами,
Сталинские соколы
Кушают шашлык!

А ночами, а ночами
Для ответственных людей,
Для высокого начальства
Крутят фильмы про блядей!

И сопя уставится
На экран мурло...
Очень ему нравится
Мерилин Монро!

За семью заборами,
За семью запорами,
Очень ему нравится
Мерилин Монро!

Мы устали с непривычки,
Мы сказали:

— Боже мой!

Добрели до электрички
И поехали домой.

А в пути по радио
Целый час подряд
Нам про демократию
Делали доклад.

А за семью заборами,
За семью запорами,
Там доклад не слушают —
Там шашлык едят!

91. ПО ОБРАЗУ И ПОДОБИЮ,

или как было написано на воротах Бухенвальда:
Jedem das Seine — «Каждому — свое»

Начинается день и дневные дела,
Но треклятая месса уснуть не дала,
Ломит поясницу и ноет бок,
Бесконечной стиркою дом пропах...
— С добрым утром, Бах, — говорит Бог,
— С добрым утром, Бог, — говорит Бах.
С добрым утром!..

... А над нами с утра, а над нами с утра,
Как кричит воронье на пожарище,
Голосят рупора, голосят рупора —
С добрым утром, вставайте, товарищи!

А потом, досыпая, мы едем в метро,
В электричке, в трамвае, в автобусе,
И орут, выворачивая нутро,
Рупора о победах и доблести.

И спросонья бывает такая пора,
Что готов я в припадке отчаянья
Посшибать рупора, посбивать рупора,
И услышать прекрасность молчания...

Под попреки жены, исхитрись-ка, изволь
Сочинить переход из це-дура в ха-моль,
От семейных ссор, от долгов и склок,
Никуда не деться и дело — швах,
— Но не печалься, Бах, — говорит Бог,
— Да уж ладно, Бог, — говорит Бах.
Да уж ладно!..

...А у бабки инсульт, и хворает жена,
И того не хватает, и этого,
И лекарства нужны, и больница нужна,
Только место не светит покедова.

И меня в перерыв вызывают в местком,
Ходит зам по местному присядкою,

Раз уж дело такое, то мы подмогнем,
Безвозвратною ссудим десяткою.

И кассир мне деньгу отслюнит по рублю,
Ухмыльнется ухмылкой грабительской,
Я пол-литра куплю, валидолу куплю,
Двести сыра, и двести «любительской»...

А пронзительный ветер — предвестник зимы,
Дует в двери капеллы Святого Фомы,
И поет орган, что всему итог —
Это вечный сон, это тлен и прах!
— Но не кощунствуй, Бах, — говорит Бог,
— А ты дослушай, Бог, — говорит Бах.
Ты дослушай!..

А у суки-соседки гулянка в соку,
Воют девки, хихикают хахали,
Я пол-литра открою, нарежу сырку,
Дам жене валидолу на сахаре,

И по первой налью, и налью по второй,
И сырку, и колбаски покушаю,
И о том, что я самый геройский герой,
Передачу охотно послушаю.

И трофейную трубку свою запалю,
Посмеюсь над мычащею бабкою,
И еще раз налью, и еще раз налью,
И к соседке схожу за добавкою...

Он снимает камзол, он сдирает парик,
Дети шепчутся в детской — вернулся старик,
Что ж — ему за сорок, немалый срок,
Синева, как пыль — на его губах...
— Доброй ночи, Бах, — говорит Бог,
— Доброй ночи, Бог, — говорит Бах.
Доброй ночи!..

92. ФАРС-ГИНЬОЛЬ

Все засранцы, все нахлебники,
Жрут и пьют, и воду месят,
На одни, считай, учебники
Чуть не рупь уходит в месяц!
Люська-дура заневестила,
Никакого с нею слада!
А у папеньки-то шестеро,
Обо всех подумать надо —

Надо и того купить, и сего купить,
А на копеечки-то вовсе воду пить,
А сырку к чайку или ливерной —
Тут двугривенный, там двугривенный,
А где ж их взять?!

Люське-дурочке все хаханьки,
Все малина ей, калина,
А Никитушка-то махонький
Чуть не на крик от колита!
Подтянул папаня помочи,
И с улыбкой незавидной
Попросил папаня помощи
В кассе помощи взаимной,

Чтоб и того купить, и сего купить,
А на копеечки-то вовсе воду пить,
А сырку к чайку или ливерной —
Тут двугривенный, там двугривенный,
А где ж их взять!

Попросил папаня слезно и
Ждет решенья, нет покоя...
Совещанье шло серьезное
И решение такое —
Помогла б тебе касса, но
Каждый рупь — идет на стройку,
Посему тебе отказано,
Но сочувствуем, поскольку

Надо ж и того купить, и сего купить,
А на копеечки-то вовсе воду пить,

А сырку к чайку или ливерной —
Тут двугривенный, там двугривенный,
А где ж их взять!

Вот он запил, как залеченный,
Два раза бил морду Люське,
А в субботу поздно вечером
Он повесился на люстре...

Ой, не надо скорой помощи!
Нам бы медленную помощь!
Скорый врач обрезал помочи
И сказал, что помер в полночь...
Помер смертью незаметною,
Огорчения не вызвал,
Лишь записочку предсмертную
Положил на телевизор:

Что, мол, хотел он и того купить, и сего купить,
А на копеечки-то вовсе воду пить!
А сырку к чайку или ливерной —
Тут двугривенный, там двугривенный,
А где ж их взять?!

БАЛЛАДЫ

93. БАЛЛАДА О ЧИСТЫХ РУКАХ

Развеем по ветру подмоченный порох,
И мы привыкаем, как деды, точь в точь,
Гонять вечера в незатейливых спорах,
Побасенки слушать и воду толочь.
Когда-то шумели, теперь поутихли,
Под старость любезней — покой и почет,
А то, что опять Ярославна в Путивле
Горюет и плачет, так это не в счет.
Уж мы-то рукав не омочим в Каяле,
Не сунем в ладонь арестантскую хлеб.
Безгрешный холуй, запасайся камнями,
Разучивай загодя праведный гнев!
Недаром из школьной науки
Всего нам милей слова —
Я умываю руки, ты умываешь руки, он умывает
руки —

И хоть не расти трава!
Не высшая математика,
А просто, как дважды два!

Так здравствуй же вечно, премудрость холопья,
Премудрость мычать, и жевать, и внимать,
И помнить о том, что народные копыя
Народ никому не позволит ломать.
Над кругом гончарным поет о тачанке
Усердное время, бессмертный гончар.
А танки идут по Вацлавской брусчатке,
И наш бронепоезд стоит у Градчан!
А песня крепчает — «взвивайтесь кострами»!
И пепел с золою, куда ни ступи.
Взвиваются ночи кострами в Острове,
В мордовских лесах и в казахской степи.
На севере и на юге —

Над ржавой землею дым...
А я умываю руки!
А ты умываешь руки!
А он умывает руки,
Спасая свой жалкий Рим!
И нечего притворяться — мы ведаем, что творим!

94. БАЛЛАДА О ВЕЧНОМ ОГНЕ

Посвящается Льву Копелеву

...Мне рассказывали, что любимой мелодией
лагерного начальства в Освенциме, мелодией, под
которую отправляли на смерть очередную партию
заключенных, была песенка «Тум-балалайка»,
которую обычно исполнял оркестр заключенных.

...«Червоны маки на Монте-Кассино» — песня
польского Сопротивления.

...«Неизвестный», увенчанный славою брэнной!
Удалец-молодец или горе-провидец?!
И склоняют колени под гром барабанный
Перед этой загадкою Главы Правительства!
Над немymi могилами — воплем! — надгробья...
Но порою надгробья — не суть, а подобья,
Но порой вы не боль, а тщеславье храните —
Золоченные буквы на черном граните!..

Все ли про то спето?
Все ли навек — с болью?
Слышишь, труба в гетто
Мертвых зовет к бою!
Пой же, труба, пой же,
Пой о моей Польше,
Пой о моей маме —
Там, в выгребной яме!..

Тум-бала, тум-бала, тум-балалайка,
Тум-бала, тум-бала, тум-балалайка,
Тум-балалайка, шпил балалайка,
Рвется и плачет сердце мое!

А купцы приезжают в Познань,
Покупают меха и мыло...
Подождите, пока не поздно,
Не забудьте, как это было!
Как нас черным огнем косило
В той последней слепой атаке...
«Маки, маки на Монте-Кассино»,
Как мы падали в эти маки,
А на ярмарке — все красиво,
И шуршат то рубли, то марки...
«Маки, маки на Монте-Кассино»,
Ах, как вы почернели, маки!

Но зовет труба в рукопашный,
И приказывает — воюйте!
Пой же, пой нам о самой страшной,
Самой твердой в мире валюте!..
Тум-бала, тум-бала, тум-балалайка,
Тум-бала, тум-бала, тум-балалайка,
Тум-балалайка, шпил балалайка,
Рвется и плачет сердце мое!
Помнишь, как шел ошалелый паяц
Перед шеренгой на Аппельплац,
Тум-балалайка, шпил балалайка,
В газовой камере — мертвые в пляс...

А вот еще:
В мазурочке
То шагом, то ползком,
Отправились два «урочки»!
В поход за «языком»!
В мазурочке, в мазурочке
Нафабрены усы,
Затикали в подсумочке
Трофейные часы!
Мы пьем, гуляем в Познани
Три ночи и три дня...
Ушел он неопознанный,
Засек патруль меня!
Ой, зори бирюзовые,
Закаты — анилины!
Пошли мои кирзовые
На город на Берлин!

Грома гремят басовые
На линии огня,
Идут мои кирзовые,
Да только без меня!..
Там у речной излучины
Зеленая кровать,
Где спит солдат обученный,
Обстрелянный, обученный
Стрелять и убивать!
Среди пути прохожего —
Последний мой постой,
Лишь нету, как положено,
Дощечки со звездой.

Ты не печалься, мама родная,
Ты спи спокойно, почивай,
Прости-прощай разведка ротная,
Товарищ Сталин, прощевай!
Ты не кручинься, мама родная,
Как говорят, судьба слепа,
И может статься, что народная
Не зарастет ко мне тропа...

А еще:
Где бродили по зоне КаЭры,
Где под снегом искали гнилые корни,
Перед этой землей — никакие Премьеры,
Подтянувши штаны, не преклонят колени!
Над сибирской тайгою, над Камой, над Обью,
Ни венков, ни знамен не положат к надгробью!
Лишь, как вечный огонь, как нетленная слава —
Штабеля! Штабеля! Штабеля лесосплава!

Позже, друзья, позже,
Кончим навек с болью,
Пой же, труба, пой же!
Пой, и зови к бою!
Медною всей плотью
Пой про мою Потьму!
Пой о моем брате —
Там в Ледяной Пади!..

Ах, как зовет эта горькая медь
Встать, чтобы драться, встать, чтобы сметь!

Тум-балалайка, шпил балалайка,
Песня, с которой шли мы на смерть!
Тум-бала, тум-бала, тум-балалайка,
Тум-бала, тум-бала, тум-балалайка,
Тум-балалайка, шпил балалайка,
Рвется и плачет сердце мое!

*Дубна
31 декабря 1968*

95. БАЛЛАДА О ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ

...Призрак бродит по Европе, призрак коммунизма...

Я научность марксистскую пестовал,
Даже точками в строчке не брезговал.
Запаятым по пятам, а не дуриком,
Изучал «Капитал» с «Анти-Дюрингом».
Не стесняясь мужским своим признаком,
Наряжался на праздники призраком,
И повсюду, где устно, где письменно,
Утверждал я, что все это истинно.

От сих до сих, от сих до сих, от сих до сих,
И пусть я псих, а кто не псих? А вы не псих?

Но недавно случилась история —
Я купил радиолу «Эстония»,
И в свободный часок на полчаса
Я прилег позабавиться классикой.
Ну, гремела та самая опера,
Где Кармен своєю бросила опера,
А когда открычал Эскамилио,
Вдруг свое я услышал фамилиё.

Ну черт-те что, ну черт-те что, ну черт-те что!
Кому смешно, мне не смешно. А вам смешно?

Гражданин, мол, такой-то и далее —
Померла у вас тетка в Фингалии,
И по делу той тети Калерии
Ожидают вас в Инюрколлегии.

Ох и вскинулся я прямо на дыбы,
Ох, не надо бы вслух, ох, не надо бы!
Больно тема какая-то склизкая,
Не марксистская, ох, не марксистская!

Ну прямо срам, ну прямо срам, ну стыд и срам!
А я-то сам почти что зам! А вы не зам?

Ну, промаялся ночь, как в холере, я,
Подвела меня, падла, Калерия!
Ну, жена тоже плачет, печалится —
Культ — не культ, а чего не случается?!
Ну, бельишко в портфель, щетку, мыльницу,
Если сразу возьмут, чтоб не мыкаться,
Ну, являюсь, дрожу аж по потрохи,
А они меня чуть что не под руки.

И смех и шум, и смех и шум, и смех и шум!
А я стою — и ни бум-бум. А вы — бум-бум?

Первым делом у нас — совещание,
Зачитали мне вслух завещание —
Мол, такая-то, имя и отчество,
В трезвой памяти, все честью по чести,
Завещаю, мол, землю и фабрику
Не супругу, засранцу и бабнику,
А родной мой племянник Володечка
Пусть владеет всем тем на здоровычко!

Вот это да, вот это да, вот это да!
Выходит так, что мне туда! А вам куда?

Ну, являюсь на службу я в пятницу,
Посылаю начальство я в задницу,
Мол, привет, по добру, по спокойненьку,
Ваши сто мне, как насморк — покойнику!
Пью субботу я, пью воскресенье,
Чуть посплю — и опять в окосение.
Пью за родину, и за не родину,
И за вечную память за тетину,

Ну, пью и пью, а после счет, а после счет,
А мне б не счет, а мне б еще?! И вам еще.

В общем, я за усопшую тетеньку
Пропил с книжки последнюю сотенку
А как встал, так друзья мои, бражки,
Прямо все, как один, за бумажники:
— Дорогой ты наш, бархатный, саржевый,
Ты не брезговай, Вова, одалживай!
Мол, сочтемся когда-нибудь дружбою,
Мол, пришлешь нам, что будет ненужное, —

Ну, если так, то гран-мерси, то гран-мерси,
А я за это вам — джерси. И вам — джерси.

Наодалживал, в общем, до тыщи я,
Я ж отдам, слава Богу, не нищий я,
А уж с тыщи-то рад расстараться я —
И пошла ходуном ресторация....
С контрабаса на галстук — басовую!
Не «столичную» пьем, а «особую».
И какие-то две с перманентиком
Все назвать норовят меня Эдиком.

Гуляем день, гуляем, ночь, и снова ночь,
А я не прочь, и вы не прочь, и все не прочь.

С воскресенья и до воскресения
Шло у нас вот такое веселие,
А очухался чуть к понедельнику,
Сел глядеть передачу по телику.
Сообщает мне дикторша новости
Про успехи в космической области,

А потом: «Передаем сообщения из-за границы.
Революция в Фингалии! Первый декрет народной власти
о национализации земель, фабрик, заводов и всех прочих
промышленных предприятий. Народы Советского Союза
приветствуют и поздравляют братский народ Фингалии
со славной победой!»

Я гляжу на экран, как на рвотное:
То есть, как это так, все народное?!
Это ж наше, кричу, с тетей Калею,
Я ж за этим собрался в Фингалию!
Негодяи, кричу, лоботрясы вы!

Это все, я кричу, штучки марксовы!
Ох, нет на свете печальнее повести,
Чем об этой прибавочной стоимости!

А я ж ее — от сих до сих, от сих до сих!
И вот теперь я полный псих! А кто не псих?!

96. БАЛЛАДА

о том, как едва не сошел с ума
директор антикварного магазина № 22 Копылов Н. А.,
рассказанная им самим доктору Беленькому Я. И.

...Допекла меня все же Тонечка,
Гарнитур купил ей ореховый!
Я ж не брал сперва — ни вот столечка!
А уж как начал, так поехало!
Как пошла молоть прорва адова —
Где по сотенке, где по камушку,
Намолола мне дачку в Кратове,
Намолола мне «Волгу»-матушку!
Деньги-денежки, деньги-катыши,
Вы и слуги нам, и начальники...
А у нас товар деликатнейший —
Не стандарт какой — чашки-чайники!

Чашки-чайники, фрукты-овощи!
Там кто хошь возьмет, хоть беспомощный!
Хоть беспомощный!

А у нас товар — на любителя,
Павлы разные да Людовики,
А любителю — чем побитее,
Самый смак ему, что не новенький!
И ни-ни, чтоб по недомыслию
Спутать Францию или Швецию...
А недавно к нам на комиссию
Принесло одну старушенцию.
И в руках у ней — не хрусталина,
Не фарфоровые бомбончики,
А пластиночки с речью Сталина,
Ровно десять штук — и все в альбомчике.

А я стреляный, а я с опытом!
А я враз понял — пропал пропадом!
Пропал пропадом!

Тем речам цена — ровно тридцать «ре»!
(И принес же черт сучку-пташечку!)
Ну, какой мне смысл на такой муре
Наблюдать посла небо в шашечку!?
Вот и вникните в данный факт, друзья,
(На добре ж сижу, не на ветоши!)
Мне и взять нельзя и не взять нельзя —
То ли гений он, а то ли нет еще?!
Тут и в прессе есть расхождения,
И, вообще, идут толки разные...
Вот и вникните в положение
Исключительно безобразное!

Они спорят там, они ссорятся!
Ну, а я решай, а мне — бессонница!
Мне бессонница!

Я матком в душе, а сам с улыбочкой,
Выбираю слова приличные,
За альбомчик, мол, вам — спасибочко!
Мол, беру его — за наличные!
И даю я ей свои кровные,
Продавцы вокруг удивляются.
Они, может быть, деньги скромные,
Но ведь тоже зря не валяются!
И верчусь весь день, как на вертеле,
Ой, туманится небо светлое,
И хоть верьте мне, хоть не верьте мне,
А началось тут несусветное! —

А я стреляный! А я с опытом!
А я враз понял — пропал пропадом!
Пропал пропадом!

Или бабуку ту сам засек народ,
Или стукнулась со знакомыми, —
Но с утра ко мне в три хвоста черед —
Все с пластинками, все с альбомами!
И растет, растет гора целая,
И наличность моя в угасании!

Указание б чье-то ценное!
Так ведь нет его, указания!
В пух и прах пошла дачка в Кратове!
«Волга»-матушка — мое детище!
И гвоздит мне мозг многократное —
То ли гений он, а то ли нет еще?!

«Я маленькая девочка — танцую и пою,
Я Сталина не видела, но я его люблю!»

А я стреляный, а я с опытом!
А я враз понял — пропал пропадом!
Пропал пропадом!

...но доктор Беленький Я. И. не признал Копылова Н. А.
душевнобольным и не дал ему направления в психиат-
рическую клинику...

97. КОРОЛЕВА МАТЕРИКА

(Лагерная баллада, написанная в бреду)

Когда затихает к утру пурга,
И тайга сопит, как сурок,
И еще до подъема часа полтора,
А это немалый срок,
И спят зэка, как в последний раз —
Натянул бушлат — и пока,
И вохровцы спят, как в последний раз —
Научились спать у зэка.
И начальнички спят, брови спят,
И лысины, и усы,
И спят сапоги, и собаки спят,
Уткнувши в лапы носы.
И тачки спят, и лопаты спят,
И сосны пятятся в тень,
И еще не пора, не пора, не пора
Начинать им доблестный день.
И один лишь «попка» на вышке торчит,
Но ему не до спящих масс,
Он занят любовью — по младости лет
Свистит и дробит на Марс.

И вот в этот-то час, как глухая дрожь,
Проплывает во мгле тоска,
И тогда просыпается Белая Вошь,
Повелительница зэка,
А мы ее называли все —
Королева Материка!
Откуда всевластье ее взялось,
Пойди, расспроси иных,
Но пришла она первой в эти края,
И последней оставит их...
Когда сложат из тачек и нар костер,
И волчий забыв раздор,
Станут рядом вохровцы и зэка,
И напишут в тот костер.
Сперва за себя, а потом за тех,
Кто пьет теперь Божий морс,
Кого шлепнули влет, кто ушел под лед,
Кто в дохлую землю вмерз,
Кого Колыма от аза до аза
Вгоняла в горячий пот.
О, как они ссали б, закрыв глаза,
Как горлица воду пьет!
А потом пропоет неслышно труба,
И расступится рвань и голь,
И Ее Величество Белая Вошь
Подойдет и войдет в огонь,
И взметнутся в небо тысячи искр,
Но не просто, не как-нибудь —
Навсегда крестом над Млечным Путем
Протянется Вшивый Путь!

Говорят, что когда-то, в тридцать седьмом,
В том самом лихом году,
Когда покойников в штабеля
Укладывали на льду,
Когда покрывала тайга
От доблестного труда,
В тот год к Королеве пришла любовь,
Однажды и навсегда.
Он сам напросился служить в конвой,
Он сам пожелал в Дальлаг,
И ему с Королевой крутить любовь,
Ну, просто нельзя никак,
Он в нагрудном мешочке носил чеснок,

И деньги, и партбилет,
А она — Королева, а ей плевать —
Хочет он, или нет!
И когда его ночью столкнули в клеть,
Зачлись подлецу дела,
Она до утра на рыжем снегу
Слезы над ним лила,
А утром пришли, чтоб его зарыть,
Смотрят, а тела нет,
И куда он исчез — не узнал никто,
И это — Ее секрет!
А еще говорят, что какой-то хмырь,
Начальничек из Москвы,
Решил объявить Королеве войну,
Пошел, так сказать, «на вы».
Он гонял на прожарку и в зоне и за,
Он вопил и орал: «Даешь!»
А был бы начальничек чуть поумней,
Он пошел бы с ней на дележ, —
Чтобы пайку им пополам рубить,
И в трубу пополам трубить,
Но начальник умным не может быть,
Потому что — не может быть.
Он надменно верил, что он не он,
А еще миллион и он,
И каждое слово его — миллион,
И каждый шаг миллион.
Но когда ты один, и ночь за окном
От черной пурги хмельна,
Тогда ты один, и тогда беги!
Ибо дело твое — хана!
Тогда тебя не спасет миллион,
Не отобьет конвой!
И всю ночь, говорят, над зоною плыл
Тоскливый и страшный вой...
Его нашли в одном сапоге,
От страха — рот до ушей,
И на вздувшейся шее тугой петлей
Удавка из белых вшей...
И никто с тех пор не вопит «Даешь!»
И смеется исподтишка
Ее Величество Белая Вошь,
Повелительница зэка.

Вот тогда-то Ее и прозвали все —
Королева Материка.

Когда-нибудь все, кто придет назад,
И кто не придет назад,
Мы в честь Ее устроим парад,
И это будет парад!
По всей Вселенной (валяй, круши!)
Свой доблестный славя труд,
Ее Величества Белой Вши
Подданные пройдут,
Ее Величества Белой Вши
Данники всех времен.
А это сумеет любой дурак —
По заду втянуть ремнем,
А это сумеет любой дурак —
Палить в безоружных всласть!
Но мы-то знаем, какая власть
Была и взаправду власть!
И пускай нам другие дают срока,
Ты нам вечный покой даешь,
Ты, Повелительница эка,
Ваше Величество Белая Вошь!
Наше Величество Белая Вошь!
Королева Материка!

98. БАЛЛАДА О СОЗНАТЕЛЬНОСТИ

Егор Петрович Мальцев
Хворает, и всерьез:
Уходит жизнь из пальцев,
Уходит из желёз,

Из прочих членов тоже
Уходит жизнь его,
И вскорости, похоже,
Не будет ничего.

Когда нагрянет свора
Савёловских родных,
То что же от Егора
Останется для них?

Останется пальтишко,
Подушка, чтобы спать,
И книжка, и сберкнижка
На девять двадцать пять.

И таз, и две кастрюли,
И рваный подписной,
Просроченный в июле
Единый проездной.

И всё. И нет Егора!
Был человек, и нет!
И мы об этом скоро
Узнаем из газет.

Пьют газировку дети
И пончики едят,
Ему ж при диабете —
Всё это чистый яд!

Вот спит Егор в постели,
Почти что невесом,
И дышит еле-еле,
И смотрит дивный сон —

В большом красивом зале,
Резону вопреки,
Лежит Егор, а сзади
Знамена и венки,

И алым светом залит
Большой его портрет,
Но сам Егор не знает,
Живой он или нет.

Он смаргивает мошек,
Как смаргивал живой,
Но он вращать не может
При этом головой.

И дух по залу спертый,
Как в общей душевой,
И он скорее мертвый,
Чем все-таки живой.

Но хором над Егором —
Краснознаменный хор,
Краснознаменным хором
Поет — вставай Егор!

Вставай, Егор Петрович,
Во всю свою длину,
Давай, Егор Петрович,
Не подводи страну!

Центральная газета
Оповестила свет,
Что больше диабета
В стране советской нет!

Пойми, что с этим, кореш,
Нельзя озорничать,
Пойми, что ты позоришь
Родимую печать.

И сел товарищ Мальцев,
Услышав эту речь,
И жизнь его из пальцев
Не стала больше течь.

Егор трусы стирает,
Он койку застелил,
И тает, тает, тает
В крови холестерина...

По площади по Трубной
Идет он, милый друг,
И все ему доступно,
Что видит он вокруг!

Доступно кушать сласти
И газировку пить,
Лишь при советской власти
Такое может быть!

99. БАЛЛАДА О СТАРИКАХ И СТАРУХАХ,

с которыми я вместе жил и лечился в санатории
областного совета профсоюзов в 110 км от Москвы

Все завидовали мне: «Эко денег!»
Был загадкой я для старцев и стариц.
Говорили про меня: «Академик!»
Говорили: «Генерал-иностранец!»

О, бессонниц и снотворных отрав! —
Может статься, это вы виноваты,
Что привиделась мне вздорная слава
В полумраке санаторной палаты?

А недуг со мной хитрил поминутно:
То терзал, то отпускал на поруки.
И все было мне так странно и трудно,
А труднее всего — были звуки.

Доминошники стучали в запале,
Привалившись к покарябанной пальме,
Старцы в чесанках с галошами спали
Прямо в холле, как в общественной спальне.

Я неслышно проходил: «Англичанин!»
Я козла не забивал: «Академик!»
И звонки мои в Москву обличали:
«Эко денег у него, эко денег!»

И казалось мне, что вздор этот вечен,
Неподвижен, словно солнце в зените...
И когда я говорил: «Добрый вечер!»,
Отвечали старики: «Извините».

И кивали, как глухие глухому,
Улыбались не губами, а краем:
«Мы, мол, вовсе не хотим по-плохому,
Но как надо, извините, не знаем...»

Я твердил им в их мохнатые уши,
В перекурах за сортирную дверь:
«Я такой же, как и вы, только хуже!»
И поддакивали старцы, не веря.

И в кино я не ходил: «Ясно, немец!»
И на танцах не бывал: «Академик!»
И в палатке я купил чай и перец:
«Эко денег у него, эко денег!»

Ну, и ладно, и не надо о славе...
Смерть подарит нам бубенчики славы!
А живем мы в этом мире послами
Не имеющей названья державы...

100. БАЛЛАДА

**о том, как одна принцесса раз в два месяца приходила
ужинать в ресторан «Динамо»**

...И медленно, пройдя меж пьяными,
Всегда без спутников, одна...

А. Блок

Кивал с эстрады ей трубач,
Сипел трубой, как в насморке,
Он и прозвал ее, трепач,
Принцессой с Нижней Масловки.
Он подтянул, трепач, штаны,
И выдал румбу с перчиком,
А ей, принцессе, хоть бы хны,
Едва качнула плечиком —
Мол, только пальцем поманю,
Слетятся сотни соколов,
И села, и прочла меню,
И выбрала бефстроганов.

И все бухие пролетарии,
Все тунеядцы и жулье,
Как на комету в планетарии,
Глядели, суки, на нее...

Бабье вокруг, издавши стон,
Пошло махать платочками,
Она ж, как леди Гамильтон,
Пила ситро глоточками.
Бабье вокруг, — сплошной собес! —
Воздев, как пики, вилочки,
Рубают водку под супец,
Шампанское под килечки.

И, сталь коронок заголя,
Расправой бредят скорою,
Ах, эту дочку короля
Шарахнуть бы «Авророю»!

И все бухие пролетарии,
Смирив идейные сердца,
Готовы к праведной баталии
И к штурму Зимнего дворца!

Душнеет в зале, как в метро,
От пергидрольных локонов,
Принцесса выпила сидро
И съела свой бефстроганов.
И вновь таращится бабье
На стать ее картинную,
На узком пальце у нее
Кольцо за два с полтиною.
А время подлое течет,
И зал пройдя, как пасеку,
«Шестерка» ей приносит счет,
И всё, и крышка празднику!

А между тем, пила и кушала,
Вложив всю душу в сей процесс,
Благополучнейшая шушера,
Не признающая принцесс.

...Держись, держись, держись, держись,
Крепись и чисти перышки,
Такая жизнь — плохая жизнь —
У современной Золушки!
Не ждет на улице ее
С каретой фея крестная...
Жует бабье, сопит бабье,
Придумывает грозное!
А ей — не царство на веку —
Посулы да побасенки,
А там — вались по холодку!
«Принцесса» с Нижней Масловки!

И вот она идет меж столиков
В своем костюмчике джерси,
Ах, ей далеко до Сокольников,
Ах, ей не хватит на такси!

101. ПОЭМА О СТАЛИНЕ

Впереди Иисус Христос

А. Блок

Глава 1

РОЖДЕСТВО

Все шло по плану, но немножко наспех.
Спускался вечер, спал младенец в яслях,
Статисты робко заняли места,
И Матерь Божья наблюдала немо,
Как в каменное небо Вифлеема
Всходила Благовещенья звезда.
Но тут в вертеп ворвались два подпаска
И крикнули, что вышла неувязка,
Что праздник отменяется, увы,
Что римляне не понимают шуток.
И загремели на пятнадцать суток
Поддавшие не вовремя волхвы.

Стало тихо, тихо, тихо,
В крике замерли уста,
Зашипела, как шутиха,
И погасла та звезда.
Стало зябко, зябко, зябко,
И в предчувствии конца
Закудахтала козявка,
Волк заблеял, как овца.
Все завыли, захрипели,
Но, не внемля той возне,
Спал младенец в колыбели
И причмокивал во сне.

Уже светало, розовело небо,
Но тут раздались гулко у вертепа

Намеренно тяжелые шаги,
И мать Божья замерла в тревоге,
Когда открылась дверь и на пороге
Кавказские явились сапоги.
И, разом потерявшие значение,
Столетия, лихолетья и мгновенья
Сомкнулись в безначальное кольцо,
А он вошел и поклонился еле,
И обратился неспешно к колыбели
Забрызганное оспою лицо.

«Значит, вот он — этот самый
Жалкий пасынок земной,
Что и кровью, и осанной
Потягается со мной...
Неужели, неужели
Столько лет и столько дней
Ты, сопящий в колыбели,
Будешь мукою моей?!
И меня с тобою, пешка,
Время бросит на весы?»
И недобрая усмешка
Чуть приподняла усы.

А три волхва томились в карантине.
Их в карантине быстро укротили,
Лупили и под вздох и по челу,
И римский опер, жаждая награды,
Им говорил: «Сперва колитесь, гады!
А после разберемся — что к чему».
И понимая, чем грозит опала,
Пошли волхвы молотъ, что ни попало,
Припоминали даты, имена,
И полетели головы. И это
Была вполне весомая примета,
Что новые настали времена.

Глава 2

КЛЯТВА ВОЖДЯ

«Потные, мордастые евреи,
Шайка проходимцев и ворья,

Всякие Иоанны и Матфеи,
Наплетут с три короба вранья.
Сколько их посыплют раны солью,
Лишь бы им взобраться на Синай.
Ладно, ладно, я не прекословлю, —
Ты был первый, Ты и начинай.
Встань — и в путь по городам и весям,
Чудеса и мудрости твори.
Отчего ж Ты, Господи, невесел?
Где они, соратники Твои?
Бражничали, ели, гостевали,
А пришла беда — и след простыл.
Нет, не зря Ты ночью в Гефсимани
Струсил и пощады запросил.
Где Твоих приспешников орава
В смертный Твой, в последний час земной?
И смеется над тобой Варрава —
Он бы посмеялся *надо мной!*
Был Ты просто-напросто предтечей,
Не творцом, а жертвою стихий,
Ты не Божий сын, а человеческий,
Если смог воскликнуть: «Не убий!»
Душ ловец, Ты вышел на рассвете
С бедной сетью из расхожих слов,
На исходе двух тысячелетий
Покажи, богат ли Твой улов?
Слаб душою и умом не шибок,
Верил Ты и Богу и царю,
Я не повторю Твоих ошибок,
Ни одной из них не повторю!
В мире не найдется святотатца,
Чтобы поднял *на меня* копье,
Если ж я умру, — что может статься, —
Вечным будет царствие мое!»

Глава 3

ПОДМОСКОВНАЯ НОЧЬ

Он один, а ему неможется,
И уходит окно во мглу,
Он считает шаги, и множится
Счет шагов от угла к углу.

От угла до угла потерянно
Он шагает, как заводной,
Сто постелей ему постелено,
Не уснуть ему ни в одной.
По паркетному полу голому —
Шаг и отдых, и снова шаг,
Ломит голову, ломит голову,
И противно гудит в ушах,
Будто кто-то струну басовую
Тронул пальцем и канул прочь,
Что же делать ему в бессонную,
В одинокую эту ночь?

Вином упиться? Позвать врача?
Но врач — убийца, вино — моча...
На целом свете лишь сон и смех,
А он в ответе один за всех!

И, как будто стирая оспины,
Вытирает он пот со лба,
Почему, почему, о Господи,
Так жестока к нему судьба?
То предательством, то потерей
Оглушают всю жизнь его.
«Что стоишь ты там, за портьерою?
Ты не бойся меня, Серго!
Эту комнату неказистую
Пусть твое озарит лицо,
Ты напой мне, Серго, грузинскую,
Ту, любимую мной, кацо,
Ту, что деды певали исстари,
Отправляясь в последний путь,
Спой, Серго, и забудь о выстреле,
Хоть на десять минут забудь!

Но полно, полно, молчи, не пей!
Ты предал подло — и пес с тобой!
И пес со всеми — повзводно в тлен!
И все их семьи до ста колен!»
Повсюду злоба, везде враги,
Ледком озноба — шаги, шаги...

Над столицами поседевшими
Ночь и темень, хоть глаз коли,

Президенты спят с президентшами,
Спят министры и короли.
Мир, во славу гремевший маршами,
Спит в снегу с головы до пят,
Спят министры его и маршалы...
Он не знал, что они не спят,
Что, притихшие, сводки утренней
В страхе ждут и с надеждой ждут,
А ему все хуже, все муторней,
Сапоги почему-то жмут...
Не приказанный, не положенный
За окном колокольный звон.
И, упав на колени: «Боже мой!» —
Произносит бессвязно он, —

Молю, Всевышний, Тебя, Творца,
На помощь вышли скорей гонца!
О, дай мне, дай же — не кровь, вино...
Забыл, как дальше... Но все равно
Не ставь отточий
Конца пути,
Прости мне, Отче,
Спаси... прости...»

Глава 4

НОЧНОЙ РАЗГОВОР В ВАГОНЕ-РЕСТОРАНЕ

Вечер, поезд, огоньки,
Дальняя дорога...
Дай-ка, братец, мне трески
И водочки немного.
Бассан-бассан-бассана,
Бассаната-бассаната...
Что с вином, что без вина —
Мне на сердце косовато.
Я седой не по годам,
И с ногою высохшей.
Ты слышал про Магадан?!
Не слышал?! Так выслушай.

А случилось дело так:
Как-то ночью странною

Заявился к нам в барак
«Кум» со всей охраною.
Я подумал, что конец,
Распрощался матерно...
Малосольный огурец
Кум жевал внимательно.
Скажет слово и поест,
Морда вся в апатии...
«Был, — сказал он, — главный съезд
Славной нашей партии.
Про Китай и про Лаос
Говорились прения,
Но особо встал вопрос
Про Отца и Гения».
Кум докушал огурец
И закончил с мукою:
«Оказался наш Отец
Не отцом, а сукою...»
Полный, братцы, ататуй!
Панихида с танцами!
И приказано статуй
За ночь снять на станции.

...Ты представь — метет метель,
Темень, стужа адская,
А на нем одна шинель
Грубая, солдатская,
И стоит он напролом,
И летит, как конница,
Я сапог его кайлом,
А сапог не колетя.

Помню, глуп я был и мал,
Слышал от родителя,
Как родитель мой ломал
Храм Христа Спасителя.
Бассан-бассан-бассана,
Черт гуляет с опером,
Храм — и мне бы — ни хрена,
Опиум как опиум,
А это ж Гений всех времен,
Лучший друг навеки!
Все стоим ревмя ревом,
И вохровцы, и зэки,

Но тут шарахнули запал,
Применили санкции, —
Я упал, и Он упал,
Завалил полстанции...
Ну, скостили нам срока,
Приписали в органы,
Я живой еще пока,
Но, как видишь дерганный...
Бассан-бассан-бассана,
Бассаната-бассаната!
Лезут в поезд из окна
Бесенята, бесенята...
Отвяжитесь, мертвяки!
К черту, ради Бога...
Вечер, поезд, огоньки,
Дальняя дорога...

Глава 5

ГЛАВА, НАПИСАННАЯ В СИЛЬНОМ ПОДПИТИИ И ЯВЛЯЮЩАЯСЯ АВТОРСКИМ ОТСТУПЛЕНИЕМ

То-то радости пустомелям,
Темноты своей не стыжусь,
Не могу я быть Птолемеем,
Даже в Энгельсы не гожусь.
Но от вечного бегства в мыле,
Неустройством земным томим,
Вижу — что-то неладно в мире,
Хорошо бы заняться им,
Только век меня держит цепко,
С ходу гасит любой порыв,
И от горестей нет рецепта,
Все, что были, — сданы в архив.

И все-таки я, рискуя прослыть
Шутом, дураком, паяцем,
И ночью и днем твержу об одном:
Не надо, люди, бояться!
Не бойтесь тюрьмы, не бойтесь суммы,
Не бойтесь мора и глада,
А бойтесь единственно только того,
Кто скажет: «Я знаю, как надо!»

Кто скажет: «Идите, люди, за мной,
Я вас научу, как надо!»

И рассыпавшись мелким бесом,
И поклявшись вам всем в любви,
Он пройдет по земле железом
И затопит ее в крови.
И наврет он такие враки,
И такой наплетет рассказ,
Что не раз тот рассказ в бараке
Вы помянете в горький час.
Слезы крови не солонее,
Даровой товар, даровой!
Прет история-Саломея
С Иоанновой головой.

Земля — зола и вода — смола,
И некуда, вроде, податься,
Неисповедимы дороги зла,
Но не надо, люди, бояться!
Не бойтесь золы, не бойтесь хулы,
Не бойтесь пекла и ада,
А бойтесь единственно только того,
Кто скажет: «Я знаю, как надо!»
Кто скажет: «Тому, кто пойдет за мной,
Рай на земле — награда».

Потолкавшись в отделе винном,
Подойду к друзьям-алкашам,
При участии половинном
Побеседуем по душам.
Алкаши наблюдают строго,
Чтоб ни капли не пролилось.
«Не встречали — смеются — Бога?»
«Ей же Богу, не привелось».
Пусть пивнуха не лучший случай
Толковать о добре и зле,
Но видали мы этот «лучший»
В белых тапочках, на столе.

Кому «сучок», а кому коньячок,
К начальству — на кой паяться?!
А я все твержу им, ну, как дурачок:
Да не надо, братцы, бояться!

И это бред, что проезда нет,
И нельзя входить без доклада,
А бояться-то надо только того,
Кто скажет: «Я знаю, как надо!»
Гоните его! Не верьте ему!
Он врет! Он *не знает* — как надо!

Глава 6

АВЕ МАРИЯ

Дело явно липовое — все, как на ладони,
Но пятую неделю долбят допрос,
Следователь-хмурик с утра на валидоле,
Как пророк, подследственный бородой оброс...

А Мадонна шла по Иудее
В платице, застиранном до сини,
Шла Она с котомкой за плечами,
С каждым шагом становясь красивей,
С каждым вздохом делаясь печальней.
Шла, платок на голову набросив —
Всех земных страданий средоточье,
И уныло брел за Ней Иосиф,
Убежавший славы Божий отчим...
Аве Мария...

Упекли пророка в республику Коми,
А он и перекинься башкою в лебеду,
А следователь-хмурик получил в месткоме
Льготную путевку на месяц в Теберду...

А Мадонна шла по Иудее,
Оскользаясь на размокшей глине,
Обдирая платье о терновник,
Шла она и думала о Сыне,
И о смертных горестях сыновних.
Ах, как ныли ноги у Мадонны,
Как хотелось всхлипнуть по-ребячьи,
А вослед Ей ражие долдоны
Отпускали шутки жеребьячьи...
Аве Мария...

Грянули впоследствии всякие хренации,
Следователь-хмурик на пенсии в Москве,
А справочку с печатью о реабилитации
Выслали в Калинин пророковой вдове...

А Мадонна шла по Иудее!
И все легче, тоньше, все худее
С каждым шагом становилось тело...
А вокруг шумела Иудея
И о мертвых помнить не хотела.
Но ложились тени на суглинок,
И таились тени в каждой пяди,
Тени всех бутырок и треблинок,
Всех измен, предательств и распятий...
Аве Мария!..

102. КАДИШ¹

Эта поэма посвящена памяти великого польского писателя, врача и педагога Якова Гольдшмидта (Януша Корчака), погибшего вместе со своими воспитанниками из школы-интерната «Дом сирот» в Варшаве в лагере уничтожения Треблинка.

Как я устал повторять бесконечно все то же и то же,
Падать и вновь на своя возвращаться круги.
Я не умею молиться, прости меня, Господи Боже,
Я не умею молиться, прости меня и помоги...

А по вечерам все так же, как ни в чем не бывало,
играет музыка:

Сэн-Луи блюз — ты во мне как боль, как ожог,
Сэн-Луи блюз — захлебывается рожок!
А вы сидите и слушаете,
И с меня не сводите глаз,
Вы платите деньги и слушаете,
И с меня не сводите глаз,
Вы жрете, пьете и слушаете,
И с меня не сводите глаз,
И поет мой рожок про дерево,
На котором я вздерну вас! Да-с, да-с...

«Я никому не желаю зла, не умею, просто не знаю, как это делается». (Януш Корчак. Дневник)

Уходят из Варшавы поезда,
И все пустее гетто, все темней,
Глядит в окно чердачное звезда,
Гудят всю ночь, прощаясь, поезда
И я прощаюсь с памятью своей...

Цыган был вор, цыган был врун,
Но тем милей вдвойне,

¹ Кадиш — это еврейская поминальная молитва, которую произносит сын в память о покойном отце.

Он трогал семь певучих струн
И улыбался мне,
И говорил: «Учи, сынок,
Учи цыганский счет —
Семь дней недели создал Бог,
Семь струн гитары — черт,
И он ведется неспроста,
Тот хитрый счет, пойми.
Ведь даже радуга, и та,
Из тех же из семи
Цветов...»

Осенней медью город опален,
А я — хранитель всех его чудес,
Я неразменным одарен рублем,
Мне ровно дважды семь, и я влюблен
Во всех дурнушек и во всех принцесс!

Осени меня своим крылом,
Город детства с тайнами неназванными,
Счастливы я, что и в беде, и в праздновании
Был слугой твоим и королем.
Я старался сделать все, что мог,
Не просил судьбу ни разу: высвободи!
И скажу на самой смертной исповеди,
Если есть на свете детский Бог:
Все я, Боже, получил сполна,
Где, в которой расписаться ведомости?
Об одном прошу, спаси от ненависти,
Мне не причитается она.

И вот я врач, и вот военный год,
Мне семью пять, а веку семью два,
В обозе госпитальном кровь и пот,
И кто-то, помню, бредит и поет
Печальные и странные слова:

«Гори, гори, моя звезда,
Звезда любви, звезда приветная,
Ты у меня одна заветная,
Другой не будет...»

Ах, какая в тот день приключилась беда,
По дороге затопленной, по лесу,

Чтоб проститься со мною, с чужим, навсегда,
Ты прошла пограничную полосу.
И могли ль мы понять в том году роковом,
Что беда эта станет пощадою,
Полинявшее знамя пустым рукавом
Над платформой качалось дощатою.
Наступила внезапно чужая зима,
И чужая, и все-таки близкая,
Шла французская фильма в дрянном «синема»,
Бабахло торговали австрийское,
Понукали извозчики дохлых коняг,
И в кафе, заколоченном наглухо,
Мы с тобою сидели и пили коньяк,
И жевали засохшее яблоко.
И в молчанье мы знали про нашу беду,
И надеждой не тешились гиблою,
И в молчанье мы пили за эту звезду,
Что печально горит над могилою:
«Умру ли я, ты над могилою
Гори, сияй, моя звезда...»

Уходят из Варшавы поезда,
И скоро наш черед, как ни крути,
Ну, что ж, гори, гори, моя звезда,
Моя шестиконечная звезда,
Гори на рукаве и на груди!

Окликнет эхо давним прозвищем,
И ляжет снег покровом пряничным,
Когда я снова стану маленьким,
А мир опять большим и праздничным,
Когда я снова стану облаком,
Когда я снова стану зябликом,
Когда я снова стану маленьким,
И снег опять запахнет яблоком,
Меня снесут с крылечка, сонного,
И я проснусь от скрипа санного,
Когда я снова стану маленьким,
И мир чудес открою заново.

...Звезда в окне и на груди звезда,
И не поймешь, которая ясней,
А я устал, и, верно, неспроста

Гудят всю ночь, прощаясь, поезда,
И я прощаюсь с памятью моей...

А еще жила в «Доме сирот» девочка Натя. После тяжелой болезни она не могла ходить, но зато хорошо рисовала и сочиняла песенки — вот одна из них —

**ПЕСЕНКА ДЕВОЧКИ НАТИ
ПРО КОРАБЛИК**

Я кораблик клеила
Из цветной бумаги,
Из коры и клевера,
С клевером на флаге.
Он зеленый, розовый,
Он в смолистых каплях,
Клеверный, березовый,
Славный мой кораблик, славный мой кораблик.
А когда забулькают ручейки весенние,
Дальнею дорогою, синевой морской,
Поплывет кораблик мой к острову Спасения,
Где ни войн, ни выстрелов, — солнце и покой.
Я кораблик ладила,
Пела, словно зяблик,
Зря я время тратила:
Сгинул мой кораблик.
Не в грозном отблеске,
В буре, урагане —
Просту при обыске
Смяли сапогами...
Но когда забулькают ручейки весенние,
В облаках приветственно протрубит журавль,
К солнечному берегу, к острову Спасения
Чей-то обязательно доплывет корабль!

Когда-нибудь, когда вы будете вспоминать имена героев, не забудьте, пожалуйста, я очень прошу вас, не забудьте Петра Залевского, бывшего гренадера, инвалида войны, служившего сторожем у нас в «Доме сирот» и убитого польскими полицией во дворе осенью 1942 года.

Он убирал наш бедный двор,
Когда они пришли,

И странен был их разговор,
Как на краю земли,
Как разговор у той черты,
Где только «нет» и «да» —
Они ему сказали: «Ты,
А ну, иди сюда!»
Они спросили: «Ты поляк?»
И он сказал: «Поляк».
Они спросили: «Как же так?»
И он сказал: «Вот так».
«Но ты ж, культяпый, хочешь жить,
Зачем же, черт возьми,
Ты в гетто нянчишься, как жид,
С жидовскими детьми?!
К чему — сказали — трам-там-там,
К чему такая спесь?!
Пойми — сказали — Польша там!»
А он ответил: «Здесь!
И здесь она, и там она,
Она везде одна —
Моя несчастная страна,
Прекрасная страна».
И вновь спросили: «Ты поляк?»
И он сказал: «Поляк».
«Ну что ж, — сказали, — Значит так?»
И он ответил: «Так».
«Ну что ж, — сказали, — Кончен бал!»
Скомандовали: «Пли!»
И прежде, чем он сам упал,
Упали костыли,
И прежде, чем пришли покой,
И сон, и тишина,
Он помахать успел рукой
Глядевшим из окна.
...О дай мне Бог конец такой,
Всю боль испив до дна,
В свой смертный миг махнуть рукой
Глядящим из окна!

А потом наступил такой день, когда «Дому сирот»,
детям и воспитателям приказано было явиться с вещами
на Умшлягплац (так называлась при немцах площадь у
Гданьского вокзала).

Эшелон уходит ровно в полночь,
Паровоз-балбес пыхтит — Шалом!
Вдоль перрона строем стала сволочь,
Сволочь провожает эшелон
Эшелон уходит ровно в полночь,
Эшелон уходит прямо в рай,
Как мечтает поскорее сволочь
Донести, что Польша «юдэнфрай».
«Юдэнфрай» Варшава, Познань, Краков,
Весь протекторат из края в край
В черной чертовне паучьих знаков,
Ныне и вовеки — «юдэнфрай»!
А на Умшлягплаце у вокзала
Гетто ждет устало — чей черед,
И гремит последняя осанна
Лаем полиция — «Дом сирот»!
Шевелит губами переводчик,
Глотка пересохла, грудь в тисках,
Но уже поднялся старый Корчак
С девочкою Натей на руках.
Знаменосец, козырек заломом,
Чубчик вьется, словно завитой,
И горит на знамени зеленом
Клевер, клевер, клевер золотой.
Два горниста поднимают трубы,
Знаменосец выпрямил древко,
Детские обветренные губы
Запевают гордо и легко:

«Наш славный поход начинается просто,
От Старого Мяста до Гданьского моста,
И дальше, и с песней, построясь по росту,
К варшавским предместьям, по Гданьскому мосту!
По Гданьскому мосту!
По улицам Гданьска, по улицам Гданьска
Шагают девчонки, Марыся и Даська,
А маленький Боля, а рыженький Боля
Застыл, потрясенный, у края приборя, у края приборя...»

Пахнет морем, теплым и соленым,
Вечным морем и людской тщетой,
И горит на знамени зеленом
Клевер, клевер, клевер золотой!

Мы идем по четверо, рядами,
Сквозь кордон эсэсовских ворон...
Дальше начинается преданье,
Дальше мы выходим на перрон.
И бежит за мною переводчик,
Робко прикасается к плечу, —
«Вам разрешено остаться, Корчак», —
Если верить сказке, я молчу,
К поезду, к чугунному парому,
Я веду детей, как на урок,
Надо вдоль вагонов по перрону,
Вдоль, а мы шагаем поперек.
Рванными ботинками бряцая,
Мы идем не вдоль, а поперек,
И берут, смешавшись, полицаи
Кожаной рукой под козырек.
И стихает плач в аду вагонном,
И над всей прощальной маятой —
Пламенем на знамени зеленом
Клевер, клевер, клевер золотой.
Может, в жизни было по-другому,
Только эта сказка вам не врет,
К своему последнему вагону,
К своему чистилищу-вагону,
К пахнущему хлоркою вагону
С песнею подходит «Дом сирот»:

«По улицам Лодзи, по улицам Лодзи,
Шагают ужасно почтенные гости,
Шагают мальчишки, шагают девчонки,
И дуют в дуделки, и крутят трещотки...
И крутят трещотки!
Ведут нас дороги, и шляхи, и тракты,
В снега Закопане, где синие Татры,
На белой вершине — зеленое знамя,
И вся наша медная Польша под нами,
Вся Польша...»

...и тут кто-то, не выдержав, дал сигнал к отправлению — и эшелон Варшава—Треблинка задолго до назначенного часа, случай совершенно невероятный, тронулся в путь...

Вот и кончена песня.
Вот и смолкли трещотки,
Вот и скорчено небо
В переплете решетки.
И державе своей
Под вагонную тряску
Сочиняет король
Угломонную сказку...

Итак, начнем, благословясь...
Лет сто тому назад
В своем дворце неряха-князь
Развел везде такую грязь,
Что был и сам не рад.
И, как-то, очень рассердясь,
Призвал он маляра.
«А не пора ли, — молвил князь, —
Закрасить краской эту грязь?»
Маляр сказал: «Пора,
Давно пора, вельможный князь,
Давным-давно пора».
И стала грязно-белой грязь,
И стала грязно-синей грязь,
И стала грязно-желтой грязь
Под кистью маляра.
А потому что грязь есть грязь,
В какой ты цвет ее ни крась.

Нет, некстати была эта сказка, некстати,
И молчит моя милая чудо-держава,
А потом неожиданно голосом Нати
Невпопад говорит: «До свиданья, Варшава!»
И тогда, как стучат колотушкой о шпалу,
Застучали сердца колотушкой о шпалу,
Загудели сердца: «Мы вернемся в Варшаву!
Мы вернемся, вернемся, вернемся в Варшаву!»
По вагонам, подобно лесному пожару,
Из вагона в вагон, от состава к составу,
Как присяга гремит: «Мы вернемся в Варшаву!
Мы вернемся, вернемся, вернемся в Варшаву!
Пусть мы дымом растаем над адовым пеклом,
Пусть тела превратятся в горючую лаву,
Но водой, но травой, но ветром, но пеплом,
Мы вернемся, вернемся, вернемся в Варшаву!»

А мне-то, а мне что делать?
И так мое сердце — в клочьях!
Я в том же трясусь вагоне,
И в том же горю пожаре,
Но из года семидесятого
Я вам кричу: «Пан Корчак!
Не возвращайтесь!
Вам стыдно будет в *этой* Варшаве!
Землю отмыли добела,
Нету ни рвов, ни кочек,
Гранитные обелиски
Твердят о бессмертной славе,
Но слезы и кровь забыты,
Поймите это, пан Корчак,
И не возвращайтесь,
Вам страшно будет в *этой* Варшаве!
Дали зрелищ и хлеба,
Взяли Вислу и Татры,
Землю, море и небо,
Все, мол, наше, а так ли?!

Дня осеннего пряжа
С вещим зовом кукушки
Ваша? Врете, не ваша!
Это осень Костюшки!
Небо в пепле и саже
От фабричного дыма
Ваше? Врете, не ваше!
Это небо Тувима!
Сосны — гордые стражи
Там, над Балтикой пенной,
Ваши? Врете, не ваши!
Это сосны Шопена!
Беды плодятся весело,
Радость в слезах и корчах,
И много ль мы видели радости
На маленьком нашем шаре?!
Не возвращайтесь в Варшаву,
Я очень прошу Вас, пан Корчак,
Не возвращайтесь,
Вам нечего делать в *этой* Варшаве!
Паясничают гомулкусы,
Геройские рожи корчат,

Рвется к нечистой власти
Орава речистой швали...
Не возвращайтесь в Варшаву,
Я очень прошу Вас, пан Корчак!
Вы будете чужеземцем
В Вашей родной Варшаве!

А по вечерам все так же играет музыка. Музыка,
музыка, как ни в чем не бывало:

Сэн-Луи блюз — ты во мне как боль, как ожог,
Сэн-Луи блюз — захлебывается рожок!
На пластинках моно и стерео,
Горячей признания в любви,
Поет мой рожок про дерево
Там, на родине, в Сан-Луи.
Над землей моей отчей выстрелы
Пыльной ночью, всё бах да бах!
Но гоните монету, мистеры,
И за выпивку, и за баб!
А еще, ну прямо комедия,
А еще за вами должок —
Выкладывайте последнее
За то, что поет рожок!
А вы сидите и слушаете,
И с меня не сводите глаз,
Вы платите деньги, и слушаете,
И с меня не сводите глаз.
Вы жрете, пьете и слушаете,
И с меня не сводите глаз,
И поет мой рожок про дерево,
На котором я вздерну вас!
Да-с! Да-с! Да-с!

«Я никому не желаю зла, не умею, просто не знаю,
как это делается».

Как я устал повторять бесконечно все то же и то же,
Падать, и вновь на своя возвращаться круги.
Я не умею молиться, прости меня, Господи Боже,
Я не умею молиться, прости меня и помоги!..

КОГДА Я ВЕРНУСЬ

...Когда умирают травы — сохнут,
Когда умирают звезды — гаснут,
Когда умирают кони — они дышат,
А когда умирают люди — поют песни!

Велимир Хлебников

...Когда я уезжал из России, я не взял с собой никаких бумаг. Ни черновиков, ни записных книжек, ничего решительно. Я не был уверен, что бумаги мои пропустят, и понадеялся на свою память. Память меня не подвела! Но, тем не менее, сегодня, сейчас, три года спустя, я с великим трудом заставляю себя закончить работу над составлением этого сборника. Многие стихи-песни, помещенные здесь, были сочинены еще в России, это последние стихи, которые подписаны словами — Москва, Жуковка, Серебряный бор, Переделкино.

И мне очень трудно расстаться с этими стихами! Мне всё время кажется, что было что-то еще, и еще, и еще, что я, все-таки, многое растерял, забыл... Может быть, я и вправду что-то забыл!

Александр Галич

Когда я вернусь...
 Ты не смейся, когда я вернусь,
 Когда пробегу, не касаясь земли, по февральскому
 снегу,
 По еле заметному следу — к теплу и ночлегу —
 И вздрогнув от счастья, на птичий твой зов
 оглянусь —

Когда я вернусь.
 О, когда я вернусь!..

Послушай, послушай, не смейся,
 Когда я вернусь
 И прямо с вокзала, разделившись круто с таможенной,
 И прямо с вокзала — в крошечный, ничтожный,
 раёшный —
 Ворвусь в этот город, которым казнюсь и клянусь,
 Когда я вернусь.
 О, когда я вернусь!..

Когда я вернусь,
 Я пойду в тот единственный дом,
 Где с куполом синим не властно соперничать небо,
 И ладана запах, как запах приютского хлеба,
 Ударит в меня и заплещется в сердце моем —
 Когда я вернусь.
 О, когда я вернусь!

Когда я вернусь,
 Засвистят в феврале соловьи —
 Тот старый мотив — тот давнишний, забытый, запетый.
 И я упаду,
 Победенный своею победой,
 И ткнусь головою, как в пристань, в колени твои!
 Когда я вернусь.

А когда я вернусь?!..

СЕРЕБРЯНЫЙ БОР

104. СВЯЩЕННАЯ ВЕСНА

Собирались вечерами зимними,
Говорили то же, что вчера...
И порой почти невыносимыми
Мне казались эти вечера.

Обсуждали все приметы искуса,
Превращали в сложность простоту,
И моя Беда смотрела искоса
На меня — и мимо, в пустоту.

Этим странным взглядом озадаченный,
Темным взглядом, как хмельной водой,
Столько раз обманутый удачами,
Обручился я с моей Бедой!

А зима все длилась, все не таяла,
И пытаюсь одолеть тоску —
Я домой, в Москву, спешил из Таллина,
Из Москвы — куда-то под Москву.

Было небо вымазано суриком,
Белую поземку гнал апрель...
Только вдруг, — прислушиваясь к сумеркам,
Услыхал я первую капель.

И весна, священного священнее,
Вывалась внезапно из оков!
И простую тайну причащения
Угадал я в таянье снегов.

А когда в тумане, будто в мантии,
Поднялась над берегом вода, —
Образок Казанской Божьей Матери
Подарила мне моя Беда!

...Было тихо в доме. Пахло солодом.
Чуть скрипела за окном сосна.
И почти осенним звонким золотом
Та была пронизана весна!

Та весна — Прощенья и Прощания,
Та, моя осенняя весна,
Что дразнила мукой обещания
И томила. И лишала сна.

Словно перед дальнею дорогою,
Словно — в темень — угадав зарю,
Дар священный твой ладонью трогаю
И почти неслышно говорю:

— В лихолетье нового рассеянья,
Ныне и вовеки, навсегда,
Принимаю с гордостью Спасение
Я — из рук Твоих — моя Беда!

105. ПИСЬМО В СЕМНАДЦАТЫЙ ВЕК

...По вечерам, написав свои обязательные десять страниц (я писал в Серебряном Боре «Генеральную репетицию»), я отправлялся гулять. Со мною неизменно увязывался дворовый беспородный пес, по кличке Герцог. С берега Москвы-реки мы сворачивали в лесную аллею, доходили до троллейбусной остановки, огибали круглую площадь и тем же путем возвращались к реке. Я садился на скамейку, закуривал, «Герцог» устраивался у моих ног. Мы смотрели на бегущую воду, на противоположный берег. Справа стояла церковь — Лыков-ская Троица, — превращенная в дровяной склад, а слева расстилались уголья государственной дачи номер пять. Там жил, еще член Политбюро в ту пору, Д. Полянский. Именно его вельможному гневу я был обязан, как выразились бы старинные канцеляристы, «лишением всех прав состояния».

Вертеть головой, то направо, то налево — было чрезвычайно интересно.

Уж так ли безумно намеренье —
Увидеться в жизни земной?!

Читает красotka с картины Вермеера
Письмо, что написано мной.

Она — словно сыграна скрипкою —
Прелестна, нежна и тонка,
Следит, с удивленной улыбкою,
Как в рифму впадает строка.

А впрочем, мучение адово
Читать эти строчки вразброд!

Как долго из века двадцатого
В семнадцатый почта идет!

Я к ней написал погалантнее,
Чем в наши пишу времена...

Смеркается рано в Голландии,
Не падает свет из окна.

Госпожа моя! Триста лет,
Триста лет вас все нет как нет.
На чепце расплелась тесьма,
Почтальон не несет письма,
Триста долгих-предолгих лет
Вы все пишете мне ответ.
Госпожа моя, госпожа,
Просто — режете без ножа!

До кого-то доходят вести,
До меня — только сизый дым.
Мы с дворовой собакой вместе
Над бегучей водой сидим.
Пес не чистой породы, помесь,
Но премудрый и славный пес...
Как он тащится, этот поезд,
Триста лет на один откос!
И такой он ужасно гордый,
Что ему и гудеть-то лень...

Пес мне ткнулся в колени мордой,
По воде пробежала тень.

Мы задремлем. Но нас разбудит
За рекой громыхнувший джаз...

Скоро, скоро в Москву прибудет
Из Голландии дилижанс!

Вы устали, моя судьба,
От столба пылить до столба?
А у нас теперь на Руси
И троллейбусы, и такси.
Я с надеждой смотрю — а вдруг
Дилижанс ваш придет на круг?
Дилижанс стоит на кругу...

Дилижанс стоит на кругу —
Я найти его не могу!

Он скоро, скоро, скоро тронется!

Я над водой сижусь опять.
Направо — Лыковская Троица,
Налево — дача номер пять.
На этой даче государственной
Живет светило из светил,
Кому молебен благодарственный
Я б так охотно посвятил!
За все его вниманье крайнее,
За тот отеческий звонок,
За то, что муками раскаянья
Его потешить я не мог!
Что славен кличкой подзаборною,
Что наглых не отвел очей,
Когда он шествовал в уборную
В сопровожденье стукачей!

А поезд все никак не тронется!
Какой-то вздор, какой-то бред...

В вечерний дым уходит Троица,
На даче кушают обед.

Меню государственного обеда:

Бламанже.
Суп гороховый с грудинкой и гренками.
Бламанже!
Котлеты свиные отбивные с зеленым горошком.

Бламанже!!
Мусс клубничный со взбитыми сливками.
Бламанже!!!

— Вы хотите
Бля-ман-же?
— Извините,
Я уже!

У них бламанже сторожат сторожа,
Ключами звеня.
Простите меня, о — моя госпожа,
Простите меня!
Я снова стучусь в ваш семнадцатый век
Из этого дня.
Простите меня, дорогой человек,
Простите меня!

Я славлю упавшее в землю зерно
И мудрость огня.
За все, что мне скрыть от людей не дано —
Простите меня!

Ах, только бы шаг — за черту рубежа
По зыбкому льду...
Но вы подождите меня, госпожа,
Теперь я решился, моя госпожа,
Теперь уже скоро, моя госпожа,
Теперь я приду!..

Я к Вам написал погалантнее,
Чем в наши пишу времена.

Смеркается рано в Голландии,
Но падает свет из окна.

106. НОМЕРА

И. Б.

Вьюга листья на крыльцо намела,
Глупый ворон прилетел под окно

И выкаркивает мне номера
Телефонов, что умолкли давно.

Словно сдвинулись во мгле полюса,
Словно сшиблись над огнем топоры —
Оживают в тишине голоса
Телефонов довоенной поры.

И внезапно обретая черты,
Шепелявит озорной шепоток:
— Пять-тринадцать-сорок три, это ты?
Ровно в восемь приходи на каток!

Пляшут галочки следы на снегу,
Ветер ставнею стучит на бегу,
Ровно в восемь я прийти не могу...
Да и в девять я прийти не могу!

Ты напрасно в телефон не дыши,
На заброшенном катке ни души,
И давно уже свои «бегаши»
Я старьевщику отдал за гроши.

И совсем я говорю не с тобой,
А с надменной телефонной судьбой.
Я приказываю:
— Дайте отбой!
Умоляю:
— Поскорее отбой!

Но печально из ночной темноты,
Как надежда,
И упрек,
И итог:
— Пять-тринадцать-сорок три, это ты?
Ровно в восемь приходи на каток!

107. ПРИЗНАНИЕ В ЛЮБВИ

Люди, я любил вас — будьте бдительны!

Юлиус Фучик

(Любимая цитата советских пропагандистов)

Я люблю вас — глаза ваши, губы и волосы,
Вас, усталых, что стали, до времени, старыми,

Вас, убогих, которых газетные полосы
Что ни день — то бесстыдными славят фанфарами!
Сколько раз вас морочили, мяли, ворочали,
Сколько раз соблазняли соблазнами тщетными...
И как черти вы злы, и как ветер отходчивы,
И — скупцы! — до чего ж вы бываете щедрыми!

Она стоит — печальница
Всех сущих на земле,
Стоит, висит, качается
В автобусной петле.

А может, это поручни...
Да, впрочем, все равно!
И спать ложилась к полночи,
И поднялась — темно.

Всю жизнь жила — не охала,
Не крыла белый свет.
Два сына было — сокола,
Обоих — нет как нет!

Один убит под Вислою,
Другого хворь взяла!
Она лишь зубы стиснула —
И снова за дела.

А мужа в Потьме льдиною
Распутица смела.
Она лишь брови сдвинула —
И снова за дела.

А дочь в больнице с язвою,
А сдуру запил зять...
И, думая про разное, —
Билет забыла взять.

И тут один с авоською
И в шляпе, паразит! —
С ухмылкою со свойскою
Геройски ей грозит!

Он палец указательный
Ей чуть не в нос сует:
— Какой, мол, несознательный,
Еще, мол, есть народ!

Она хотела высказать:
— Задумалась, прости!

А он, как глянул искоса,
Как сумку сжал в горсти
И — на одном дыхании
Сто тысяч слов подряд!

(«Чем в шляпе — тем нахальнее!»
Недаром говорят!)

Он с рожею канальскою
Гремит на весь вагон,
Что с кликой, мол, китайскою
Стакнулся Пентагон!

Мы во главе истории,
Нам лупят в лоб шторма,
А есть еще, которые
Все хотят задарма!

Без нас — конец истории,
Без нас бы мир ослаб!
А есть еще, которые
Все хотят цап-царап!

Ты, мать, пойми: неважно нам,
Что дурость — твой обман.
Но — фигурально — каждому
Залезла ты в карман!

Пятак — монетка малая,
Ей вся цена — пятак.
Но с неба каша манная
Не падает за так!

Она любому лакома,
На кашу *кажный* лих!..

И тут она заплакала,
И весь вагон затих.

Стоит она — печальница
Всех сущих на земле,
Стоит, висит, качается
В автобусной петле.

Бегут слезинки скорые,
Стирает их кулак...
И вот вам — вся история,
И ей цена — пятак!

Я люблю вас — глаза ваши, губы и волосы,
Вас, усталых, что стали до времени старыми,
Вас, убогих, которых газетные полосы
Что ни день — то бесстыдными славят
фанфарами!

И пускай это время в нас ввинчено штопором,
Пусть мы сами почти до предела заверчены,
Но оставьте, пожалуйста, бдительность
«операм»!

Я люблю вас, люди!
Будьте доверчивы!

108

В Серебряном Боре, у въезда в Дом отдыха артистов Большого театра, стоит, врытый в землю, неуклюже-отесанный, деревянный столб. Малярной кистью, небрежно и грубо, на столбе нанесены деления с цифрами — от единицы до семерки. К верху столба, прилажено колесико, через которое пропущена довольно толстая проволока. С одной стороны столба проволока уходит в землю, а с другой — к ней подвешена тяжелая гиля.

Сторож дома отдыха объяснил мне: — А это, Александр Аркадьевич, говномер... Проволока, она, стало быть, подведена к яме ассенизационной! Уровень, значит, повышается — гиля понижается... Пока она на двойке-тройке качается — ничего... А как до пятерки шестерки дойдет — тогда беда, тогда, значит, надо из города золотариков вызывать...

Мне показалось это творение русского умельца не только полезным, но и весьма поучительным. И я посвятил ему философский этюд, который назвал эпически скромно:

ПЕЙЗАЖ

Все было пасмурно и серо,
И лес стоял, как неживой,

И только гиря говномера
Слегка качала головой.

Не все напрасно в этом мире,
(Хотя и грош ему цена),
Покуда существуют гири
И виден уровень говна!

109. ПРОЩАНИЕ

За высокими соснами виден забор
И калитка в заборе.
Вот и время прощаться, Серебряный Бор,
Нам — в Серебряном Боре!

Выходила калитка в бескрайний простор,
Словно в звездное море.
Я грущу по тебе, мой Серебряный Бор,
Здесь — в Серебряном Боре.
Мы с тобою вели нескончаемый спор,
Только дело не в споре.
Я прощаюсь с тобой, мой Серебряный Бор,
Здесь — в Серебряном Боре.

Понимаешь ли — боль подошла под упор,
Словно пуля в затворе.
Я с тобой расстаюсь, мой Серебряный Бор,
Здесь — в Серебряном Боре.
Ну не станет меня — для тебя это вздор,
Невеликое горе!
Что ж, спасибо тебе, мой Серебряный Бор,
Я прощаюсь с тобой, мой Серебряный Бор,
И грущу по тебе, мой Серебряный Бор,
Здесь — в Серебряном Боре!

ОТЧИЙ ДОМ

...Еще позволь желание одно
Мне произнестъ:
Молюся я судьбине.
Чтоб для тебя я стал хотя б отныне
Чем для меня ты стал уже давно!

Е. Баратынский

110—112. УПРАЖНЕНИЯ ДЛЯ ПРАВОЙ И ЛЕВОЙ РУКИ

1. ДЛЯ ПРАВОЙ РУКИ

Allegro moderato

Весь год — не валко и не шатко,
И всё, как прежде, в январе.
Но каждый день горела шапка,
Горела шапка на воре.
А вор белье тащил с забора,
Снимал с прохожего пальто,
И так вопил:
— Держите вора!
Что даже верил кое-кто!

2. ДЛЯ ЛЕВОЙ РУКИ

Maestozo

Ты прокашляйся, февраль, прометелься,
Грянь морозом на ходу, с поворотца!
Промотали мы свое прометейство,
Проворонили свое первородство!
Что ж, утешимся больничной палатой,
Тем, что можно ни на что не решаться...

Как объелись чечевичной баландой —
Так не в силах до сих пор отдышаться!

3. ДЛЯ ОБЕИХ РУК

Vivace

Кто безгласных разводит рыбок,
Кто — скупец — бережет копейку,
А я поеду на птичий рынок
И куплю себе канарейку.

Все полста отвалю, не гривну,
Привезу ее, кроху, на дом,
Обучу канарейку гимну,
Благо слов ей учить не надо!
Соловей, соловей, пташечка,
Канареечка жалобно свистит:
— Союз нерушимый республик свободных...

113. ПЕСНЯ ОБ ОТЧЕМ ДОМЕ

Ты не часто мне снишься, мой Отчий Дом,
Золотой мой, недолгий век.
Но все то, что случится со мной потом, —
Все отсюда берет разбег!

Здесь однажды очнулся я, сын земной,
И в глазах моих свет возник.
Здесь мой первый гром говорил со мной
И я понял его язык.

Как же странно мне было, мой Отчий Дом,
Когда Некто с пустым лицом
Мне сказал, усмехнувшись, что в доме том
Я не сыном был, а жильцом.

Угловым жильцом, что копит деньги —
Расплатиться за хлеб и кров.
Он копит деньги, и всегда в долгу,
И не вырвется из долгов!

— А в сыновней верности в мире сем
Клялись многие — и не раз! —
Так сказал мне Некто с пустым лицом
И прищурил свинцовый глаз.

И добавил:

— А впрочем, слухавь, солги —
Может, вымолишь тишь да гладь!..
Но уж если я должен платить долги,
То зачем же при этом лгать?!

И пускай я гроши наскребу с трудом,
И пускай велика цена —
Кредитор мой суровый, мой Отчий Дом,
Я с тобой расплачусь сполна!

Но когда под грохот чужих подков
Грянет свет роковой зари —
Я уйду, свободный от всех долгов,
И назад меня не зови.

Не зови вызволять тебя из огня,
Не зови разделить беду.
Не зови меня!
Не зови меня...
Не зови —
Я и так приду!

114. РУССКИЕ ПЛАЧИ

На лесные урочища,
На степные берлоги
Шли Олеговы полчища
По дремучей дороге.
И на марш этот глядячи,
В окаянном бессилье,
В голос плакали вятичи,
Что не стало России!
Ах, Россия, Рассея —
Ни конца, ни спасенья!

...И живые, и мертвые,
Все молчат, как немые,

Мы, Иваны Четвертые —
Место лобное в мыле!
Лишь босой да уродливый,
Рот беззубый разиня,
Плакал в церкви юродивый,
Что пропала Россия!
Ах, Рассея, Россия —
Все пророки босые!

Горькой горестью мечены
Наши тихие плачи —
От Петровской неметчины
До нагайки казачьей!
Птица вещая — троечка,
Тряска вечная, чертова!
Не смущаясь ни столечка,
Объявилась ты, троечка,
Чрезвычайкой в Лефортово!
Ах, Россия, Рассея —
Чем набат не веселье!?

Что ни год — лихолетье,
Что ни враль, то Мессия!
Плачет тысячелетие
По России — Россия!
Выкликает проклятия...

А попробуй, спроси —
Да была ль она, братие,
Эта Русь на Руси?

Эта — с щедрыми нивами,
Эта в пене сирени,
Где рождаются счастливыми
И отходят в смирение.
Где как лебеди — девицы,
Где под ласковым небом
Каждый с каждым поделится
Божьим словом и хлебом.

...Листья капают с деревца
В безмятежные воды,
И звенят, как метелица,
Над землей хороводы,

А за прялкой беседы,
На крыльце полосатом,
Старики-домоседы,
Знай, дымят самосадам.
Осень в золото набрана,
Как икона в оклад...

Значит все это наврано,
Лишь бы в рифму да в лад?!

Чтоб, как птицы на дереве,
Затихали в грозу,
Чтоб не знали, но верили
И роняли слезу,
Чтоб начальничкам кланялись,
За дареную пядь,
Чтоб грешили, и каялись,
И грешили опять?..

То ли сын, то ли пасынок,
То ли вор, то ли князь —
Разомлев от побасенок,
Тычешь каждого в грязь!
Переполнена скверною
От покрышки до дна...

Но ведь где-то, наверное,
Существует — Она?!
Та — с привольными нивами,
Та — в кипенье сирени,
Где родятся счастливыми
И отходят в смирение...

Птица вещая, троечка,
Буйный свист под крылом!
Птица, искорка, точечка
В бездорожье глухом.
Я молю тебя:
— Выдюжи!
Будь и в тленье живой,
Чтоб хоть в сердце, как в Китеже,
Слышать благовест твой!..

115. КУМАЧОВЫЙ ВАЛЬС

Ну, давай, убежим в мелколесье
Подмосковной условной глуши,
Где в колодце воды — хоть залейся
И порою, весь день, ни души!

Там отлипнет язык от гортани,
И не страшно, а просто смешно,
Что калитка, по-птичьей картавая,
Дребезжать заставляет окно.

Там не страшно, что хрустнула ветка
Поутру под чужим каблуком.
Что с того?!
Это ж просто соседка
Принесла вам кувшин с молоком.

Но, увы — но и здесь — над платформой,
Над антеннами сгорбленных дач,
Над березовой рощей покорной
Торжествует все тот же кумач!

Он таращит метровые буквы,
Он вопит и качает права...
Только буквы, расчертовы куклы,
Не хотят сочетаться в слова.
— Миру — мир!
— Мыру — мыр!
— Муре — мура!
— Мира — миг, мира — миф, в мире — мер...
И вникает в бессмыслицу хмуро
Участковый милиционер.

Удостоенный важной задачей,
Он — и ночью, и утром, и днем —
Наблюдает за некою дачей,
За калиткой, крыльцом и окном.
Может, там куролятся с достатка,
Может, контра и полный блядеж?!..

Кумачевый блюститель порядка,
Для кого ж ты порядок блюдешь?!

И себя выдавая за знамя,
Но древко наклонив, как копьё,
Маскировочной сетью над нами
Кумачевое реет тряпье!

Так неужто и с берега Леты
Мы увидим, как в звездный простор
Поплывут кумачовые ленты:
— Мира — миф!
— Мира — миг!
— Миру — мор!

116. ПРИТЧА

По замоскворецкой Галилее
Шел он, как по выжженной земле —
Мимо светлых окон «Бакалей»,
Мимо темных окон «Ателье»,

Мимо, мимо — «Булочных», «Молочных»,
Потерявших веру в чудеса.
И гудели в трубах водосточных
Всех ночных печалей голоса.

Всех тревог, сомнений, всех печалей —
Старческие вздохи, детский плач.
И осенний ветер за плечами
Поднимал, как крылья, легкий плащ.

Мелкий дождик падал с небосвода,
Светом фар внезапных озарен...

Но уже он видел, как с Восхода,
Через Юго-Западный район,
Мимо — «Показательной Аптеки»,
Мимо — «Гастронома» на углу —
Потекут к нему людские реки,
Понесут признание и хвалу!
И не ветошь века, не обноски,
Он им даст Начало всех Начал!

И стоял слепой на перекрестке,
Осторожно палочкой стучал.
И не зная, что пророку мнилось,
Что кипело у него в груди,
Он сказал негромко:
— Сделай милость,
Удружи, браток, переведи!..

Пролетали фары — снова, снова,
А в груди Пророка все ясней
Билось то несказанное слово
В несказанной прелести своей!
Много ль их на свете, этих истин,
Что способны потрясти сердца?!

И прошел Пророк по мертвым листьям,
Не услышав голоса слепца.

И сбылось — отныне и вовеки! —
Свет зари прорезал ночи мглу,
Потекли к нему людские реки,
Понесли признание и хвалу.
Над вселенской суетней мышиною
Засияли истины лучи!..

А слепого, сбитого машиной,
Не сумели выходить врачи.

117. ПСАЛОМ

Я вышел на поиски Бога.
В предгорье уже рассвело.
А нужно мне было немного —
Две пригоршни глины всего.

И с гор я спустился в долину,
Развел над рекою костер,
И красную вязкую глину
В ладонях размял и растер.

Что знал я в ту пору о Боге
На тихой заре бытия?

Я вылепил руки и ноги,
И голову вылепил я.

И, полон предчувствием смутным,
Мечтал я, при свете огня,
Что будет Он добрым и мудрым,
Что Он пожалеет меня!

Когда ж он померк, этот длинный
День страхов, надежд и скорбей —
Мой бог, сотворенный из глины,
Сказал мне:
— Иди и убей!..

И канули годы. И снова —
Все так же, но только грубей,
Мой бог, сотворенный из слова,
Твердил мне:
— Иди и убей!

И шел я дорогою праха,
Мне в платье впивался репей,
И бог, сотворенный из страха,
Шептал мне:
— Иди и убей!

Но вновь я печально и строго
С утра выхожу за порог —
На поиски доброго Бога
И — ах, да поможет мне Бог!

118. ЗАНЯЛИСЬ ПОЖАРЫ

...Пахнет гарью. Четыре недели
Торф сухой по болотам горит.
Даже птицы сегодня не пели
И осина уже не дрожит.

Анна Ахматова. «Июль 1914»

Отравленный ветер гудит и дурит,
Которые сутки подряд.
А мы утешаем своих Маргарит,
Что рукописи не горят!

А мы утешаем своих Маргарит,
Что — просто — земля под ногами горит,
Горят и дымятся болота —
И это не наша забота!

Такое уж время — весна не красна,
И право же, просто смешно,
Как «опер» в саду забивает «козла»
И смотрит на наше окно,
Где даже и утром темно.
А «опер» усердно играет в «козла»,
Он вовсе не держит за пазухой зла,
Ему нам вредить неохота,
А просто — такая работа.

А наше окно на втором этаже,
А наша судьба на виду...

И все это было когда-то уже,
В таком же крошечном году!
Вот так же, за чаем, сидела семья,
Вот так же дымилась и тлела земля,
И гость, опьяненный пожаром,
Пророчил, что это не даром!

Пророчу и я, что земля неспроста
Кряхтит, словно взорванный лед,
И в небе серебряной тенью креста
Недвижно висит самолет.
А наше окно на втором этаже,
А наша судьба на крутом рубеже,
И даже для этой эпохи —
Дела наши здорово плохи!

А что до пожаров — гаси не гаси,
Кляни окаянное лето —
Уж если пошло полыхать на Руси,
То даром не кончится это!

Усни, Маргарита, за прялкой своей,
А я — отдохнуть бы и рад,
Но стелется дым, и дурит суховей,
И рукописи горят.

И опер, смешав на столе домино,
Глядит на часы и на наше окно.
Он, брови нахмутив густые,
Партнеров зовет в понятые.

И черные кости лежат на столе,
И кошка крадется по черной земле
На вежливых сумрачных лапах.
И мне уже дверь не успеть запереть,
Чтоб книги попрятать и воду согреть,
И смыть керосиновый запах!

119. ЗАКЛИНАНИЕ ДОБРА И ЗЛА

Здесь в окне, по утрам, просыпается свет,
Здесь мне все, как слепому, на ощупь знакомо...
Уезжаю из дома!
Уезжаю из дома!
Уезжаю из дома, которого нет.

Это дом и не дом. Это дым без огня.
Это пыльный мираж или Фата-Моргана.
Здесь Добро в сапогах рукояткой нагана
В дверь стучало мою, надзирая меня.

А со мной кочевало беспечное Зло.
Отражало вторженья любые попытки,
И кофейник с кастрюлькой на газовой плитке
Не дурили и знали свое ремесло...

Все смешалось — Добро, Равнодушие, Зло.
Пел сверчок деревенский в московской квартире.
Целый год благодати в безрадостном мире —
Кто из смертных не скажет, что мне повезло?!

И пою, что хочу, и кричу, что хочу,
И хожу в благодати, как нищий в обновке.
Пусть движенья мои в этом платье неловки —
Я себе его сам выбирал по плечу!

Но Добро, как известно, на то и Добро,
Чтоб уметь притвориться — и добрым, и смелым,

И назначить, при случае, — черное — белым,
И веселую ртуть превращать в серебро.

Все причастно Добру.
Все подвластно Добру.
Только с этим Добрынею взятки не гладки.
И готов я бежать от него без оглядки
И забиться, зарыться в любую нору!..

Первым сдался кофейник:
Его разнесло,
Заливая конфорки и воздух поганя...
И Добро прокричало, гремя сапогами,
Что во всем виновато беспечное Зло!

Представитель Добра к нам пришел поутру,
В милицейской (почудилось мне!) плащ-палатке...
От такого, попробуй — сбеги без оглядки,
От такого, поди-ка, заройся в нору!

И сказал Представитель, почтительно-строг,
Что дела выездные решают в ОВИРе,
Но что Зло не прописано в нашей квартире,
И что сутки на сборы — достаточный срок!

Что ж, прощай, мое Зло!
Мое доброе Зло!
Ярым воском закапаны строчки в псалтыри.
Целый год благодати в безрадостном мире —
Кто из смертных не скажет, что мне повезло!

Что ж, прощай и — прости!

Набухает зерно.
Корабельщики ладят смоленые доски.
И страницы псалтыри — в слезах, а не в воске,
И прощальное в кружках гуляет вино!

Я растил эту ниву две тысячи лет —
Не пора ль поспешить к своему урожаю?!
Не грусти!
Я всего лишь навек уезжаю
От Добра и из дома —
Которого нет!

ОПЫТЫ

...Не так ли я, сосуд скудельный,
Дерзаю на запретный путь.
Стихии чуждой, запредельной,
Стремясь хоть каплю зачерпнуть?

А. Фет

120—122. УПРАЖНЕНИЯ ДЛЯ ПРАВОЙ И ЛЕВОЙ РУКИ

1. ДЛЯ ПРАВОЙ РУКИ

Largo

...Хоть иногда подумай о других!
Для всех, равно, должно явиться слово.
Пристало ль — одному — средь всеблагих,
Не в хоре петь, а заливаться соло?!

И не спеши,
Еще так долгодуть.
Не в силах стать оружием — стань орудьем.
Но докричись хоть до чего-нибудь,
Хоть что-нибудь оставь на память людям!

2. ДЛЯ ЛЕВОЙ РУКИ

Moderato

Как могу я не верить в дурные пророчества:
Не ушел от кнута, хоть и сбросил поводья.
И средь белого дня немота одиночества
Обступила меня, как вода в половодье.

И средь белого дня вдруг затеялись сумерки,
Пыльный ветер ворвался в разбитые окна,

И закатное небо — то в охре, то в сурике,
Ни луны и ни звезд — только сурик и охра.

Ах, забыть бы и вправду дурные пророчества,
Истребить бы в себе восхищенье холопье
Перед хитрой наукой чиновного зодчества:
Написал,
Подписал —
И готово надгробье!

3. ДЛЯ ОБЕИХ РУК

Lento

Я запер дверь (ищи-свищи!),
Сижу, молю неистово:
— Поговори! Поклевещи —
Родной ты мой, транзисторный!
По глобусу, как школьник,
Ищу в эфире путь:
— Товарищ-мистер Гольдберг,
Скажи хоть что-нибудь!..

Поклевещи! Поговори!
Молю, ладони потные,
Но от зари и до зари
Одни глушилки подлые!
Молчит товарищ Гольдберг,
Не слышно Би-Би-Си,
И только песня Сольвейг
Гремит по всей Руси!
Я отпер дверь, открыл окно,
Я проклял небо с сушею —
И до рассвета, все равно,
Сижу — глушилки слушаю!

123. ОСТРОВА

...Ах, где те острова,
Где растёт трын-трава,
Братцы?!

К. Рылеев

Говорят, что где-то есть острова:
Где растёт на берегу трын-трава,
Ты пей, как чай её,
Без спешки-скорости,
Пройдёт отчаянье,
Минуют хворости.
Вот какие есть на свете острова!..

Говорят, что где-то есть острова,
Где не тратят понапрасну слова,
Где виноградные
На стенах лозаньки,
И даже в праздники
Не клеят лозунги.
Вот какие есть на свете острова!..

Говорят, что где-то есть острова,
Где четыре — как закон — дважды два.
Кто б ни указывал
Иное — гражданам,
Четыре — дважды два
Для всех и каждого.
Вот какие есть на свете острова!..

Говорят, что где-то есть острова,
Где неправда не бывает права,
Где совесть — надобность,
А не солдатчина,
Где правда нажита,
А не назначена!..

Вот какие я придумал острова!..

124. ОПЫТ НОСТАЛЬГИИ

...Когда переезжали через Неву, Пушкин
шутливо спросил:

— Уж не в крепость ли ты меня везешь?

— Нет, — ответил Данзас, — просто через
крепость на Черную речку самая близкая
дорога!

*Записано В. А. Жуковским со слов секунданта
Пушкина — Данзаса*

...То было в прошлом феврале
И то и дело
Свеча горела на столе...

Б. Пастернак

...Мурка, не ходи, там сыч,
На подушке вышит!

А. Ахматова

Не жалею ничуть, ни о чем, ни о чем не жалею,
Ни границы над сердцем моим не вольны,
Ни года!
Так зачем же я вдруг, при одной только мысли шалею,
Что уже никогда, никогда...
Боже мой, никогда!..

Погоди, успокойся, подумай —
А что — никогда?!
Широт заполярных метели,
Тарханы, Владимир, Ирпень —
Как много мы не доглядели,
Не поздно ль казнить теперь?!

Мы с каждым мгновеньем бессильней,
Хоть наша вина не вина,
Над блочно-панельной Россией,
Как лагерный номер — луна.

Обкомы, горкомы, райкомы,
В подтеках снегов и дождей.
В их окнах, как бельма трахомы
(Давно никому не знакомы),
Безликие лики вождей.

В их залах прокуренных — волки
Пинают людей, как собак.
А после те самые волки
Усядутся в черные «Волги»,
Закурят вирджинский табак.

И дач государственных охра
Укроет посадских светил,
И будет мордастая ВОХРа
Следить, чтоб никто не следил.

И в баньке, протопленной жарко,
Запляшет косматая чудь....

Ужель тебе этого жалко?
Ни капли не жалко, ничуть!

Я не вспомню, клянусь, я и в первые годы не
вспомню,
Севастопольский берег,
Почти небывалая быль.
И таинственный спуск в Херсонесскую каменоломню,
И на детской матроске —
Элады певучая пыль.

Я не вспомню, клянусь!
Ну, а что же я вспомню?

А что же я вспомню?
Усмешку
На гадком чиновном лице,
Мою неуклюжую спешку
И жалкую ярость в конце.

Я в грусть по березкам не верю,
Разлуку слезами не мерь.
И надо ли эту потерю
Приписывать к счету потерь?

Как каменный лес, онемело,
Стоим мы на том рубеже,
Где тело — как будто не тело,
Где слово — не только не дело,
Но даже не слово уже.

Идут мимо нас поколенья,
Проходят и машут рукой.
Презренье, презренье, презренье,
Дано нам, как новое зренье
И пропуск в грядущий покой!

А кони?
Крылатые кони,
Что рвутся с гранитных торцов,
Разбойничий посвист погони,
Игрушечный звон бубенцов?!

А святки?
А прядь полушалка,
Что жарко спадает на грудь?
Ужель тебе этого жалко?
Не очень...
А впрочем — чуть-чуть!

Но тает февральская свечка,
Но спят на подушке сычи,
Но есть еще Черная речка,
Но есть еще Черная речка,
Но — есть — еще — Черная речка...

Об этом не надо!
Молчи!

125. СЛУШАЯ БАХА

М. Ростроповичу

На стене прозвенела гитара,
Зацвели на обоях цветы.
Одиночество Божьего дара —
Как прекрасно
И горестно ты!

Есть ли в мире волшебней,
Чем это
(Всей доуке земной вопреки) —
Одиночество звука и цвета,
И паденья последней строки?

Отправляется небыль в дорогу
И становится былью потом.
Кто же смеет указывать Богу
И заведовать Божьим путем?!

Но к словам, ограненным строкою,
Но к холсту, превращенному в дым, —
Так легко прикоснуться рукою,
И соблазн этот так нестерпим!

И не знают вельможные каты,
Что не всякая близость близка,
И что в храм ре-минорной токкаты
Недействительны их пропуска!

126. ВОСПОМИНАНИЕ ОБ ОДЕССЕ

...Когда бы не Елена,
Что Троя вам одна, ахейские мужи?!

О. Мандельштам

Научили пилить на скрипочке,
Что ж — пили!
Опер Сема кричит:
— Спасибочки! —
Словно:
— Пли!

Опер Сема гуляет с дамою,
Весел, пьян.
Что мы скажем про даму данную?
Не фонтан!

Синий бантик на рыжем хвостике —
Высший шик!
Впрочем, я при Давиде Ойстрахе
Тоже — пшик.

Но под Ойстраха — непростительно
Пить портвейн.
Так что в мире все относительно,
Прав Эйнштейн!

Все накручено в нашей участи —
Радость, боль.
Ля-диез, это ж тоже, в сущности,
Си-бемоль!

Сколько выдано-перевыдано,
Через край!
Сколько видано-перевидано,
Ад и рай!..

Так давайте ж, Любовь Давыдовна,
Начинайте, Любовь Давыдовна,
Ваше слово, Любовь Давыдовна,
Раз — цвай — драй!..

Над шалманом тоска и запахи,
Сгинь, душа!
Хорошо, хоть не как на Западе,
В полночь — ша!
В полночь можно хватить по маленькой,
Боже ж мой!
Снять штиблеты, напялить валенки
И — домой!..

...Я иду домой. Я очень устал и хочу
спать. Говорят, что когда людям по ночам
снится, что они летают — это значит,
что они растут. Мне много лет, но
едва ли не каждую ночь мне снится, что
я летаю.

...Мои стрекозиные крылья
Под ветром трепещут едва.
И сосен зеленые клинья
Шумят подо мной, как трава.

А дальше —
Таласса, Таласса! —
Вселенной волшебная статья!
Я мальчик из третьего класса,
Но как я умею летать!

Смотрите —
Лечу: словно в сказке,

Лечу, сквозь предутренний дым,
Над лодками в пестрой оснастке,
Над городом вечно-седым,
Над пылью автобусных станций —
И в край приснопамятный тот,
Где снова ахейские старцы
Лады снаряжают в поход.

Чужое и глупое горе
Велит им на Троию грести.
А мне —
За Эгейское море,
А мне еще дальше расти!

Я вырасту смелым, и сильным
И мир, как подарок, приму.
И девочка
С бантиком синим
Прижмется к плечу моему.

И снова в разрушенной Трое
— Елена! —
Труба возвестит.
И снова...

...На углу Садовой какие-то трое остановили
меня. Они сбили с меня шапку, засмеялись и
спросили:
— Ты еще не в Израиле, старый хрен?!
— Ну, что вы, что вы?! Я дома. Я — пока —
дома. Я еще летаю во сне.
Я еще расту!..

127. ВАЛЬС ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА, ИЛИ РАЗМЫШЛЕНИЕ О ТОМ, КАК ПИТЬ НА ТРОИХ

Песня написана до нового повышения цен на
алкогольные напитки

Не квасом земля полита.
В каких не пытай краях:
Пол-литра — всегда пол-литра,

И стоят везде
Трояк!

Поменьше иль чуть побольше —
Копейки, какой рожон?!
А вот разделить по-Божьи —
Тут очень расчет нужен!

Один — размечает тонко.
Другой — на глазок берет.
И ежели кто без толка,
Всегда норовит —
Вперед!

Оплаченный процент отпит
И —
Вася, гуляй, беда!
Но тот, кто имеет опыт,
Тот крайним стоит всегда.

Он — зная свою отметку —
Не пялит зазря лицо.
И выпьет он под конфетку,
А чаще — под сукнецо.

Но выпьет зато со вкусом,
Издаст подходящий стон,
И даже покажет знаком,
Что выпил со вкусом он!

И — первому — по затылку,
Он двинет, шутя, пинка.
А после
Он сдаст бутылку
И примет еще пивка.
И где-нибудь среди досок,
Блаженный, приляжет он.
Поскольку —
Культурный досуг
Включает здоровый сон.

Он спит.
А над ним планеты —
Немеркнувший звездный тир.

Он спит.
А его полпреды
Варганят войну и мир.

По всем уголкам планеты,
По миру, что сном объят,
Развозят Его газеты,
Где славу Ему трубят!

И грозную славу эту
Признали со всех сторон!
Он всех призовет к ответу,
Как только проспится Он!

Куется Ему награда.
Готовит харчи Нарпит.
Не трожьте его!
Не надо!
Пускай человек поспит!..

128. ОПЫТ ПРОЩАНИЯ

Сане Авербуху

Корабль готовится в отплытие.
Но плыть на нем —
Сойти с ума!
Его оснастку, как наитие,
Разрушат первые шторма.
И равнодушно ветры жаркие,
Не оценив его дебют,
Когда-нибудь останки жалкие
К чужому берегу прибьют!

Но вновь гуляют кружки пенные,
И храбро пьют:
За край земли!
И корабельщики степенные
В дорогу ладят корабли.

...Вот он стоит,
Красавец писанный!

Готовый вновь нести свой крест.
Уже и названный.
И признанный.
Внесенный в Ллойдовский реестр.

И я — с причала — полон нежности,
Машу рукою кораблю.
Позорным страхом безнадёжности
Я путь его не оскорблю.

Пусть он услышит громы вечные,
Пусть он узнает
Счастье — быть.
И всё шепчу я строки вещие:
— Плыдем...
Плыдем!
Куда ж нам плыть?!..

129. ОПЫТ ОТЧАЯНЬЯ

Мы ждем и ждем гостей неожиданных,
И в ожиданье
Ни гу-гу!
И все сидим на чемоданах,
Как на последнем берегу.

И что нам малые утраты
На этом горьком рубеже,
Когда обрублены канаты
И сходни убраны уже?

И нас чужие дни рожденья
Кропят соленою росой,
У этой —
Зоны отчужденья,
Над этой —
Взлетной полосой!

Прими нас, Господи, незваных,
И силой духа укрепи!
Но мы сидим на чемоданах,
Как пес дворовый на цепи!

И нет ни мрака, ни прозренья,
И ты не жив и не убит.
И только рад, что есть — презренье,
Надежный лекарь всех обид.

130. БЕЗ НАЗВАНИЯ

...И благодарного народа
Он слышит голос: «Мы пришли
Сказать: где Сталин, там свобода,
Мир и величие земли!»

А. Ахматова. «Слава миру», 1950 г.

Ей страшно. И душно. И хочется лечь.
Ей с каждой секундой ясней,
Что это не совесть, а русская речь
Сегодня глумится над Ней!

И все-таки надо писать эпилог,
Хоть ломит от боли висок,
Хоть каждая строчка, и слово, и слог
Скрипит на зубах, как песок.

...Скрипели слова, как песок на зубах,
И вдруг — расплывались в пятно.
Белели слова, как предсмертных рубаш
Белеет во мгле полотно.

...По белому снегу вели на расстрел
Над берегом белой реки,
И сын Ее вслед уходившим смотрел
И ждал — этой самой строки!

Торчала строка, как сухое жнивье,
Шуршала опавшей листвою.
Но Ангел стоял за плечом у Нее
И скорбно кивал головой.

ДИКИЙ ЗАПАД

...Странник идет, опираясь на посох,
Мне непременно вспомнишься ты!

В. Хогасевич

131—133. УПРАЖНЕНИЯ ДЛЯ ПРАВОЙ И ЛЕВОЙ РУКИ

1. ДЛЯ ПРАВОЙ РУКИ

Moderato

В этом мире Великого Множества
Рождество зажигает звезду.
Только мне, почему-то, неможется,
Всё мне колетса что-то и ежитса,
И никак я себя не найду.
И немея от вздорного бешенства,
Я гляжу на чужое житье,
И полосками паспорта беженца
Перекрещено сердце мое!..

2. ДЛЯ ЛЕВОЙ РУКИ

Triste

Подевались куда-то сны,
Лишь всплывает в ночную лень
Тень
От той золотой сосны,
Что припас я про черный день!

3. СКЕРЦО ДЛЯ ОБЕИХ РУК

Какие нас ветры сюда занесли,
Какая попутала бестия?!
Шел крымский татарин
По рю Риволи,
Читая газету «Известия»!

134. СТАРАЯ ПЕСНЯ

В. Максимова

...Там спина к спине, у грота,
Отражаем мы врага!

Джек Лондон

Бились стрелки часов на слепой стене,
Рвался — к сумеркам — белый свет.
Но, как в старой песне:
Спина к спине
Мы стояли — и ваших нет!

Мы доподлинно знали —
В какие дни
Нам — напасти, а им — почет,
Ибо мы были — мы,
А они — они,
А другие — так те не в счет!

И когда нам на головы шквал атак
(То с похмелья, а то спьяна),
Мы опять-таки знали:
За что и как,
И прикрыта была спина.

Ну, а здесь,
Среди пламенной этой тьмы,
Где и тени живут в тени,
Мы порою теряемся:
Где же мы?
И с какой стороны — они?

И кому подслащенной пилюли срам,
А кому — поминальный звон?

И стоим мы,
Открытые всем ветрам
С четырех, так сказать, сторон!

135. МАРШ МАРОДЕРОВ

Упали в сон победители.
И выставили дозоры.
Но спать и дозорным хочется, а прочее — трын-трава!
И тогда в покоренный город вступаем мы —
мародеры,

И мы диктуем условия
И предъявляем права!

Слушайте марш мародеров!
(Скрип сапогов по гравию!)
Славьте нас, мародеров,
И веселую нашу армию,
Слава! Слава! Слава нам!

Спешат уцелевшие жители, как мыши, забиться в
норы.

Девки рядятся старухами
И ждут благодатной тьмы.
Но нас они не обманут,
Потому что мы — мародеры,
И куда спят победители — хозяева в городе мы!

Слушайте марш мародеров!..

Двери срывайте с петель,
Тащите ковры и шторы,
Все пригодится — и денежки, и выпивка, и жратва!
Ах, до чего же весело гуляем мы, мародеры,
Ах, до чего же веские придумываем слова!

Слушайте марш мародеров!..

Сладко спят победители.

Им снятся золотые горы,
Им снится знамя Победы, рябое от рваных дыр.
А нам и поспать-то некогда,
Потому что мы — мародеры.
Но спятив с ума от страха,
Нам — рукоплещет мир!

Слушайте марш мародеров!..

И это еще не главное.
Главного вы не видели.
Будет утро и солнце в праздничных облаках.
Горнист протрубит побудку.
Сон стряхнут победители
И увидят, что знамя Победы не у них, а у нас в руках!

Слушайте марш... Марш...

И тут уж нечего спорить.
Пустая забава — споры.
Когда улягутся страсти и развеется бранный дым,
Историки разберутся — кто из нас мародеры,
А мы-то уж им подсказем!
А уж мы-то их просветим!

Слушайте марш победителей!

Играют оркестры марши над пропастью плац-парада.
Девки машут цветами.
Строй нерушим и прям.
И стало быть — все в порядке!
И стало быть, все, как надо —
Вам, мародерам, пуля!
А девки и марши — нам!

Слушайте марш победителей!
(Скрип сапогов по гравию)
Славьте нас, победителей,
И великую нашу армию!
Слава! Слава! Слава нам!..

136. ПЕСЕНКА ПРО КРАСНОГО ПЕТУХА

Мы дождемся, чтоб скучный закат потух,
И при свете рябой луны
Пусть Красный петух и Черный петух
Нам покажут —
На что годны!

У Черного дьявола стать неплоха,
И в бою он будет хорош,
Но я на Красного петуха
Истратил последний грош!

И вот мы до трех сосчитаем вслух,
И — прыгнув из потных рук,
Красный петух и Черный петух
Выйдут в заветный круг.

Теперь —
Гляди, затаивши дух!
(Пусть куры вопят:
— Разбой!)
Красный петух и Черный петух
Вступают в смертельный бой!

Ах, я говорил, что Черный петух
Всем сущим чертям — родня...
Но Красный петух дерется за двух:
За себя и — за меня!

Смелее же, брат мой, Красный петух,
Я верю в тебя, мой брат!
А в небе — тучи — кровавый пух
И грозно гудит набат.

И в этой земной юдоли греха
Позвольте вам дать совет:
Ставьте на Красного петуха —
Надежнее ставки нет!..

137. ОЛИМПИЙСКАЯ СКАЗКА

...А бабушка внученьке сказку плела
Про то, как царевна в деревне жила,
Жила-поживала, не знала беды,
Придумывать песенки — много ль заботы?!
Но как-то в деревню, отстав от охоты,
Зашел королевич — напиться воды.
Пришел он пешком в предрассветную рань,
Увидел в окне золотую герань,
И — нежным сияньем — над чашей цветка
С фарфоровой лейкою
Чья-то рука.

С тех пор королевич не ест и не пьет,
И странный озноб королевича бьет,
И спит он тревожно,
И видит во сне —
Герань на своем королевском берете,
И вроде бы он, как тогда на рассвете,
Въезжает в деревню на белом коне.

Деревья разбужены звоном копыт,
Из окон глядят удивленные лица...

Старушка плетет и плетет небылицы,
А девочка — спит!..

Ей и во сне покоя нет,
И сон похож на бред,
Как будто ей не десять лет!
А десять тысяч лет!

И не по утренней росе
К реке бежит она —
А словно белка в колесе,
С утра и дотемна!

Цветов не рвет, венков не вьет,
Любимой куклы нет,
А всё — плывет, плывет, плывет,
Все десять тысяч лет!

И голос скучный, как песок,
Как черствый каравай,
Ей все твердит:
— Еще разок!
Давай, давай, давай!

Ей не до школы, не до книг,
Когда ж подходит срок —
«Пятерки» ставит ей в дневник
Послушный педагог.

И где ей взять ребячью прыть,
Когда баклуши бить?!

Ей надо — плыть. И плыть.
И плыть.
И плыть.
И первой быть!..

...А бабушка внученьке сказку плела...

Какой же сукин сын и враль
Придумал действо —
Чтоб олимпийскую медаль
В обмен — на детство?!..

Какая дьявольская власть
Нашла забаву —
При всем честном народе красть
Чужую славу?!

Чтоб только им, а не другим!
О, однолюбы.
И вновь их бессловесный гимн
Горланят трубы!..

...А бабушка сказку прядет и прядет,
Как свадебный праздник в столицу придет,
Герольд королевский на башне трубит,
Пиликают скрипки,
Играют волынки...

А девочка спит.
И в лице — ни кровинки!

А девочка...
Тш-ш-ш, спит!..

138. ВЕЧНЫЙ ТРАНЗИТ

Посошок напоследок,
Все равно, что вода.
То ли — так,
То ли — этак,
Мы уйдем в никуда.
Закружим суховеем
На распутице шпал.
Оглянуться не смеем,
Оглянулся — пропал!

И все мы себя подгоняем — скорее!
Все путаем Ветхий и Новый Завет.
А может быть, хватит мотаться, евреи,
И так уж мотались две тысячи лет?!

Мы теперь иностранцы.
Нас бессмертьем казнит
Пересадочных станций
Бесконечный транзит.
И как воинский рапорт —
Предотъездный свисток...
Кое-кто — на Восток,
Остальные — на Запад!

Под небом Австралий, Италий, Германий,
Одно не забудь
(И сегодня, и впредь!),
Что тысячу тысяч пустых оправданий —
Бумаге — и той — надоело терпеть!

Паровозные встречи —
Наша боль про запас.
Те, кто стали далече, —
Вспоминают ли нас?
Ты взгляни — как тоскует
Колесо на весу...
А кукушка кукует
В подмосковном лесу!

Ну, что ж, волоки чемодан, не вздыхая,
И плакать не смей, как солдат на посту.
И всласть обнимай своего вертухая
Под вопли сирен на Бруклинском мосту.

Вот и канули в Лету
Оскорбления и вой.
Мы гуляем по свету,
Словно нам не впервой!
Друг на друга похожи,
Мимо нас — города...
Но Венеция дождей —
Это, все-таки, да!

В каналах вода зелена нестерпимо,
И ветер с лагуны пронзительно сер.
— Вы, братец, из Рима?
— Из Рима, вестимо!
— А я из-под Орши! — сказал гондольер.

О, душевные травмы,
Горечь горьких минут!
Мы-то думали:
Там вы.
Оказались — и тут.
И живем мы, не смея
Оценить благодать:
До холмов Иудеи
Как рукою подать!

А может, и впрямь мы, как те лицедеи,
Что с ролью своей навсегда не в ладах?!
И были нам ближе холмы Иудеи —
На Старом Арбате, на Чистых прудах!

Мы, как мудрые совы,
Зорко смотрим во тьму.
Даже сдаться готовы —
Да не знаем кому!
С горя вывесим за борт
Перемирья платок,
Скажем:
Запад есть Запад,
А Восток есть Восток!

И все мы себя подгоняем:
— Скорее!
Все ищем такой очевидный ответ.
А может быть, хватит мотаться, евреи,
И так уж мотались две тысячи лет!

139. БИРЮЛЬКИ

(Авангардный этюд)

Исидор пришел на седер,
Принес он мацу и сидр.
Но был у хозяйки сеттер —
И его боялся Исидор.

Хозяйка пропела:
— Иси-и-и-дор!
А сеттер понял:
— Иси!
Пропала маца и сидр,
А Исидор сказал:
— Мерси!

А сидр вылакал сеттер,
И, узнав по запаху сидр,
Сказала хозяйка:
— На седер
Не приносят сидр, Исидор!

140. ПЕСОК ИЗРАИЛЯ

Видишь —
На этих дюнах, под этим небом,
Наша — давным-давно — началась судьба.
С пылью дорог изгнания и с горьким хлебом,
Впрочем за это тоже:
— Тода раба!

Только
Ногой ты ступишь на дюны эти,

Болью — как будто пулей — прошьет висок,
Словно из всех песочных часов на свете
Кто-то сюда — веками — свозил песок!

Видишь —
Уже светает над краем моря,
Ветер — далекий благовест — к нам донес,
Волны подходят к дюнам, смывая горе,
Сколько — уже намыто — утрат и слез?!

Сколько
Утрат, пожаров и лихолетий?
Скоро ль сумеем им подвести итог?!
Помни —
Из всех песочных часов на свете
Кто-то сюда — веками — свозил песок!

**141. ПЕСЕНКА О ДИКОМ ЗАПАДЕ,
или ПИСЬМЕЦО В МОСКВУ,
ПЕРЕПРАВЛЕННОЕ С ОКАЗИЕЙ**

Вы на письма слез не капайте,
И без них — душа враздрызг!
Мы живем на Диком Западе,
Что, и впрямь, изрядно дик!

Но не дикостью ковбойскою.
Здесь иную ткут игру:
Пьют, со смыслом, водку польскую
Под московскую икру.

Здесь, на Западе,
Распроданном
И распятом на пари,
По Парижам и по Лондонам,
Словно бесы, —
Дикари!

Околдованные стартами
Небывалых скоростей,
Оболваненные Сартрами
Всех размеров и мастей!

От безделья, от бессилия,
Им всего любезней — шум!
И чтоб вновь была Бастилия,
И чтоб им идти на штурм!

Убеждать их глупо —
Тени же!
Разве что, спросить тайком:
— А не били ль вас, почтеннейший,
По причинным — каблуком?!

Так что вы уж слез не капайте,
И без них —
Душа враздрызг!
Мы живем на Диком Западе,
Что — и впрямь — изрядно дик!

КОЛОМИЙЦЕВ В ПОЛНЫЙ РОСТ

Истории из жизни Клим Петровича Коломийцева —
мастера цеха, кавалера многих орденов, члена бюро
Парткома и депутата Горсовета

142—143. ИЗБРАННЫЕ ОТРЫВКИ ИЗ ВЫСТУПЛЕНИЙ КЛИМА ПЕТРОВИЧА

1. ИЗ РЕЧИ НА ВСТРЕЧЕ С ИНТЕЛЛИГЕНЦИЕЙ

...Попробуйте в цехе найти чувака,
Который бы мыслил не то!
Мы мыслим, как наше родное ЦК,
И лично...
Вы знаете — кто!

...И пусть кой-чего не хватает пока,
Мы с Лениным в сердце зато!
И мыслим, как наше родное ЦК,
И лично...
Вы знаете — кто!

...Чтоб нашей победы приблизить срока,
Давайте ж трудиться на то!
Давайте же мыслить, как наше ЦК,
И лично...
Вы знаете — кто!..

2. ИЗ БЕСЕДЫ С ТУРИСТАМИ ИЗ ЗАПАДНОЙ ГЕРМАНИИ

...А уж пыль-то вы пускать мастера!
Мастера вы!
Да не те времена!
Мы на проценты сравним, мистера,
Так и нет у вас, пардон, ни хрена!..
Потому что всё — у вас —
Напоказ.
А народ для вас — ничто и никто.

А у нас — природный газ,
Это раз.
И еще — природный газ...
И опять — природный газ...
И по процентам, как раз,
Отстаєте вы от нас
Лет на сто!

144. О ТОМ, КАК КЛИМ ПЕТРОВИЧ ВЫСТУПАЛ НА МИТИНГЕ В ЗАЩИТУ МИРА

У жене моей спросите, у Даши,
У сестре ее спросите, у Клавки,
Ну, ни капельки я не был поддавши,
Разве только что — маленько — с поправки!

Я культурно проводил воскресенье,
Я помылся и попарился в баньке,
А к обеду, как сошлась моя семья,
Начались у нас подначки да байки!

Только принял я грамм сто, для почина
(Ну, не более, чем сто, чтоб я помер!),
Вижу — к дому подъезжает машина,
И гляжу — на ней обкомовский номер!

Ну, я на крылечко — мол, что за гость,
Кого привезли, не чеха ли?!

А там — порученец, чернильный гвоздь,
«Сидай, — говорит, — поехали!»

Ну, ежели зовут меня,
То — майна-вира!
В ДК идет заутреня
В защиту мира!
И Первый там, и прочие — из области.

Ну, сажусь я порученцу на ноги,
Он — листок мне,
Я и тут не перечу.
«Ознакомься, — говорит, — по дороге
Со своею выдающейся речью!»

Ладно, — мыслю, — набивай себе цену,
Я ж в зачтениях мастак, слава Богу!
Приезжаем, прохожу я на сцену,
И сажусь со всей культурностью сбоку.

Вот моргает мне, гляжу, председатель:
Мол, скажи свое рабочее слово!
Выхожу я,
И не дробно, как дятел,
А неспешно говорю и сурово:

«Израильская, — говорю, — военщина
Известна всему свету!
Как мать, — говорю, — и как женщина
Требую их к ответу!

Который год я вдовая,
Всё счастье — мимо,
Но я стоять готовая
За дело мира!
Как мать вам заявляю и как женщина!..»

Тут отвисла у меня, прямо, челюсть,
Ведь бывают же такие промашки! —
Это сучий сын, пижон-порученец
Перепутал в суматохе бумажки!

И не знаю — продолжать или кончить,
В зале, вроде, ни смешочков, ни вою...
Первый тоже, вижу, рожи не корчит,
А кивает мне своей головою!

Ну, и дал я тут галопом — по фразам,
(Слава Богу, завсегда всё и то же!)
А как кончил —
Все захлопали разом,
Первый тоже — лично — сдвинул ладоши.

Опосля зазвал в свою вотчину
И сказал при всем окружении:
«Хорошо, брат, ты им дал, по-рабочему!
Очень верно осветил положение!»

Такая вот история!

**145. О ТОМ, КАК КЛИМ ПЕТРОВИЧ
СОЧИНИЛ НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКУЮ
КОЛЫБЕЛЬНУЮ,
УКАЧИВАЯ СВОЕГО ПЛЕМЯННИКА — СЕМЕНА,
КЛАВКИНОГО СЫНА**

Спи, Семен, спи,
Спи, понимаешь, спи!
Спи, а то придет Кащей,
Растудыть его в качель!
Мент приедет на «козе»,
Зафуячит в КПЗ!
Вот, какие, брат, дела —
Мышка кошку родила.
Спи, Семен, спи,
Спи, понимаешь, спи!

В две тысячи семьдесят пятом году
Я вечером, Сеня, в пивную зайду,
И пива спрошу, и услышу в ответ,
Что рижского нет, и московского нет,
Но есть жигулевское пиво —
И я просияю счастливо!

И робот топтун, молчалив и мордаст,
Мне пиво с горошком зеленым подаст.
И выскажусь я, так сказать, говоря:
— Не зря ж мы страдали,
И гибли не зря!
Не зря ж мы, глаза завидующие,
Мечтали увидеть грядущее!

Спи, Семен, спи,
Спи, понимаешь, спи.
Спи, а то придет Кащей,
Растудыть его в качель!
Мент приедет на «козе»,
Зафуячит в КПЗ!
Вот, какие, брат, дела —
Мышка кошку родила.
Спи, Семен, спи,
Спи, понимаешь, спи,
Спи!..

**146. О ТОМ, КАК КЛИМ ПЕТРОВИЧ ДОБИВАЛСЯ,
ЧТОБЫ ЕГО ЦЕХУ ПРИСВОИЛИ ЗВАНИЕ
«ЦЕХА КОММУНИСТИЧЕСКОГО ТРУДА»,
И НЕ ДОБИВШИСЬ ЭТОГО — ЗАПИЛ**

...Все смеются на бюро:
«Ты ж как витязь —
И жилплощадь, и получка по царски!»
Ну, а я им:
«Извините, подвиньтесь!
Я ж за правду хлопочу, не за цацки!
Как хотите — на доске ль, на бумаге ль,
Цельным цехом отмечайте, не лично.
Мы ж работаем на весь наш соцлагерь,
Мы ж продукцию даем на отлично!
И совсем мне, — говорю, — не до смеху,
Это чье же, — говорю, — указанье,
Чтоб такому выдающему цеху
Не присваивать почетное званье?!»

А мне говорят
(Все друзья говорят —
И Фрол, и Пахомов с Тонькою):
«Никак, — говорят, — нельзя, — говорят. —
Уж больно тут дело тонкое!»

А я говорю (матком говорю!):
«Пойду, — говорю, — в обком, — говорю!»

А в обкоме мне все то же:
— Не суйся!
Не долдонь, как пономарь, поминанье.
Ты ж партийный человек, а не зюзя,
Должен, все ж таки, иметь пониманье!

Мало, что ли, пресса ихняя треплет
Всё, что делается в нашенском доме?
Скажешь — дремлет Пентагон?
Нет не дремлет!
Он не дремлет, мать его, он на стреме!

Как завелся я тут с пол-оборота:
— Так и будем сачковать?!
Так и будем?!

Мы же в счет восьмидесятого года
Выдаем свою продукцию людям!

А мне говорят:

— Ты чего, — говорят, —
Орешь, как пастух на выпасе?!
Давай, — говорят, — молчи, — говорят,
Сиди, — говорят, — не рыпайся!

А я говорю, в тоске говорю:

— Продолжим наш спор в Москве, — говорю!

...Проживаюсь я в Москве, как собака.

Отсылает референт к референту:

— Ты и прав, — мне говорят, — но, однако,
Не подходит это дело к моменту.

Ну, а вздумается вашему цеху,

Скажем, — встать на юбилейную вахту?

Представляешь сам, какую оценку
Би-Би-Си дадут подобному факту?!

Ну, потом — про ордена, про жилплощадь,

А прощаясь, говорят на прощанье:

— Было б в мире положение попроще,
Мы б охотно вам присвоили званье.

А так, — говорят, — ну, ты прав, — говорят, —
И продукция ваша лучшая!

Но все ж, — говорят, — не *gran*, — говорят, —
А проволока колючая!..

— Ну, что ж, — говорю,

— Отбой! — говорю.

— Пойду, — говорю, —

В запой, — говорю!

Взял — и запил!

147. ПЛАЧ ДАРЬИ КОЛОМИЙЦЕВОЙ
ПО ПОВОДУ ЗАПОЯ ЕЕ СУПРУГА КЛИМА ПЕТРОВИЧА

...Ой, доля моя жалкая,
Родиться бы слепой!
Такая лета жаркая —
А он пошел в запой.

Вернусь я из магазина,
А он уже, блажной,
Поет про Стеньку Разина
С персидскою княжной.

А жар — ну, прямо, доменный,
Ну, прямо, градом пот.
А он, дурак не доенный,
Сидит и водку пьет.

Ну, думаю я, думаю,
Болит от мыслей грудь:
— Не будь ты, Дарья, дуροю —
Придумай что-нибудь!

То охаю, то ахаю —
Спокоя нет как нет!
И вот —
Пошла я к знахарю,
И знахарь дал совет.

И в день воскресный, в утречко,
Я тот совет творю:
Вплываю, словно уточка,
И Климу говорю:

— Вставай, любезный-суженый,
Уважь свой родный дом,
Вставай — давай, поужинай,
Поправься перед сном!

А что ему до времени?
Ему б нутро мочить!
Он белый свет от темени
Не может отличить!

А я его, как милочка,
Под ручки — под уздцы,
А на столе:
Бутылочка,
Грибочки, огурцы.

Ой, яблочки моченые
С обкомовской икрой,
Стаканчики граненые
С хрустальной игрой,

И ножечки, и вилочки —
Гуляйте, караси!
Но только в той бутылочке —
Не водка:
Ка-ра-син!

Ну, вынула я пробочку —
Поправься, атаман!
Себе — для вида — стопочку,
Ему — большой стакан.

— Давай, поправься, солнышко,
Давай, залей костер!..

Он выпил все, до донышка,
И только нос утер.
Грибочек — пальцем — выловил,
Завел туманно взгляд,
Сжевал грибок
И вымолвил:
— Нет, не люблю маслят!

148. О ТОМ, КАК КЛИМ ПЕТРОВИЧ ВОССТАЛ ПРОТИВ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ СЛАБОРАЗВИТЫМ СТРАНАМ

История эта очень печальная, Клим Петрович рассказывает ее в состоянии крайнего раздражения и позволяет себе, поэтому, некоторые, не вполне парламентские, выражения.

...Прямо, думал я одно — быть бы живу,
Прямо, думал — до нутра просолюся!
А мотались мы тогда по Алжиру
С делегацией ЦК профсоюза.

Речи-встречи, то да се, кроем НАТО,
Но вконец оголодал я, катаясь.
Мне ж лягушек ихних на дух не надо,
Я им, сукиным детям, не китаец!

Тут и Мао, сам-рассам, окосел бы!
Быть бы живу, говорю, не до жира!
И одно мое спасенье —
Консервы,
Что мне Дарья в чемодан положила.

Но случилось, что она, с переляку,
Положила мне одну лишь салаку.
Я в отеле их засратом, в «Паласе»,
Запираюсь, как вернемся, в палате,
Помолюсь, как говорится, Аллаху
И рубаю в маринаде салаку.

А наутро я от жажды мычу,
И хоть воду мне давай, хоть мочу!
Ну, извелся я!
И как-то под вечер
Не стерпел и очутился в продмаге...

Я ж не лысый, мать их так! —
Я ж не вечен,
Я ж могу и помереть с той салаки!

Вот стою я, прямо злой, как Малюта,
То мне зябко в пинжаке, то мне жарко.

Хоть дерьмовая, а все же — валюта,
Все же тратить исключительно жалко!

И беру я чтой-то вроде закуски,
Захудаленькую баночку, с краю.
Но написано на ей не по-русски,
А по-ихнему я плохо читаю.

Подхожу я тут к одной синьорите:
— Извините, мол, ком бьен,
Битте-дритте,
Подскажите, мол, не с мясом ли банка?..
А она в ответ кивает, засранка!

И пошел я, как в беспамятстве, к кассе,
И очнулся лишь в палате, в «Паласе» —
Вот на койке я сижу нагишом
И орудую консервным ножом!

И до самого рассветного часа
Матерился я в ту ночь, как собака.
Оказалось в этой банке не мясо,
Оказалась в этой банке салака!

И не где-нибудь в Бразилии «маде»,
А написано ж внизу, на наклейке,
Что, мол, «маде» в СССР,
В маринаде,
В Ленинграде,
Рупь четыре копейки!

...Нет уж, братцы, надо ездить поближе,
Не на край, расперемать его, света!
Мы ж им — гадам — помогаем,
И мы же
Пропадаем, как клопы, через это!

Я то думал — как-никак заграница,
Думал, память, как-никак, сохранится.
Оказалось, что они, голодранцы,
Понимают так, что мы — иностранцы!

И вся жизнь их заграничная — лажа!
Даже хуже — извините — чем наша!

149. ВЕЧЕРНИЕ ПРОГУЛКИ

(Маленькая поэма)

Владимиру Максимову

1

Бывали ль вы у Спаса-на-крови?
Там рядом сад с дорожками.
И кущи.
Не прогуляться ль нам, на сон грядущий,
И поболтать о странностях любви?

Смеркается.
Раздолье для котов.
Плывут косые тени по гардине,
И я вам каюсь, шепотом, в гордыне,
Я черт-те в чем покаяться готов!

Пора сменить — уставших — на кресте,
Пора одеть на свитер эполеты,
И хоть под старость выбиться в поэты,
Чтоб ни словечка больше в простоте!

Допустим этак:
— Медленней, чем снег,
Плывет усталость — каменная птица.
Как сладко всем в такую полночь спится,
Не спит — в часах — песочный человек.

О, этот вечно-тающий песок,
Немолчный шелест времени и страха.
О, Парка, Парка, сумрачная пряжа,
Повремени, помедли хоть часок!..

А ловко получается, шарман!
О, как же эти «О!» подобны эху...
Но, черт возьми, еще открыт шалман!
Вы видите, еще открыт шалман!
Давайте, милый друг,
Зайдем в шалман!
Бессмертье подождет, ему не к спеху!..

Ах, шалман, гуляй, душа,
 Прочь, унынье черное!
 Два ученых алкаша
 Спорят про ученое:
 — Взять, к примеру, мю-мезон,
 Вычисляй и радуйся!
 Но велик ли в нем резон
 В рассужденье градуса?!..

Ух, шалман!
 Пари, душа!
 Лопайтесь, подтяжки!
 Работяга, не спеша,
 Пьет портвейн из чашки.
 — Все грешны на свой фасон,
 Душу всем изранили!
 Но уж если ты мезон,
 То живи в Израиле!..

Ну, шалман!
 Ликуй душа!
 Света, Света, Светочка!
 До чего же хороша,
 Как в бутылке веточка!

Света пиво подает
 И смеется тоненько.
 Три — пустые — достает
 Света из под столика.

— Это, Света, на расчет,
 И вперед — в начало!..

Работяга, старый черт,
 Машет ручкой:
 — Чао!..

Вот он встал, кудлатый черт,
 Пальцами шаманя.
 Уважение и почет
 Здесь ему в шалмане!

Он, подлец, мудрец и стоик,
 Он прекрасен во хмелю!
 Вот он сел за крайний столик
 К одинокому хмырю.
 — Вы, прошу простить, партийный?
 Подтвердите головой!..

Хмырь кивает.
 Работяга улыбается.

— Так и знал, что вы партийный.
 Но заходите в питейный
 И по линии идейной
 Получаетесь как свой!

Эй, начальство!
 Света брызни!
 Дай поярче колорит!..

— Наблюдение из жизни! —
 Работяга говорит.

И, окинув взглядом тесный
 Зал на сто семнадцать душ,
 Он, уже почти что трезвый,
 Вдруг понес такую чушь!

— На троллейбусной остановке
 Все толпятся у самой бровки.
 И невесело, как в столовке,
 На троллейбусной остановке.
 Хоть и улица — а накурено
 И похожи все на Никулина...
 Ну, того, что из цирка — клоуна...
 Так же держатся люди скованно,
 Но попробуй у них спроси:
 — Где тут очередь на такси?!

А где очередь на такси,
 Там одни

«Пардон» и «мерси».
Там грузины стоят с корзинками
И евреи стоят с грузинками.
И глядят они вслед хитро
Тем, кто ехать решил в метро.

И вдогонку шипят:
— Ай-вай!.. —
Тем, кто топает на трамвай.

А трамвайная остановка —
Там особая обстановка.
Эй, ты — в брючках, пшено, дешевка,
Ты отчаливай, не форси.
Тут трамвайная остановка,
А не очередь на такси!..

И платком, вместо флага,
Сложный выразив сюжет,
Наш прелестный работяга
Вдруг такой пропел куплет:

— А по шоссе, на Калуги и Луги,
В дачные царства, в казенный уют,
Мчатся в машинах народные слуги,
Мчатся — и грязью народ обдают!..

5

У хмыря — лицо, как тесто,
И трясется голова.

Но приятный гром оркестра
Заглушил его слова.
Был оркестр из настоящих
Трех евреев, первый сорт!

А теперь упрятан в ящик
Под названием «Аккорд».
И ведет хозяйство это
Ослепительная Света.

И пускает, в цвет моменту,
Отобрав из сотни лент,

Соответственную ленту
В соответственный момент.

Вот сперва завыли трубы:
Все, мол, в жизни трын-трава!..

У хмыря трясутся губы
И трясется голова.

Вот — поддал ударник жару,
Показал, бродяга, класс!
А уж после, под гитару
Произнес нахальный бас:

— Доля, доля, злая доля,
Протрубила б ты отбой!
Сверху небо, снизу поле,
Посередке — мы с тобой.
Мы с тобою посередке,
Ты — невеста,
Я — жених.
Нам на личность по селедке
И пол-литра на двоих.

Мы культурно свет не застим,
Взять судьбу не можем в толк.
И поет нам:
— С новым счастьем! —
Наш парторг — тамбовский волк.
Он поет — один в гордыне,
Как свидетель на суде:
С новым счастьем, молодые,
И с успехами в труде!..
И чтоб первенец загукал,
Как положено в семье,
Вам партком отводит угол
В обще...

...Тут, увы, заело ленту —
Отслужила, видно, срок.
Но опять же, в цвет моменту,
Грянул бойкий тенорок:

— Чтобы очи мои повылазили,
Чтоб не видеть мне белого дня,
Напридумали Лазари лазеры
И стараются кончить меня!..

И шалман зашелся смехом,
Загудел, завыл шалман.
И, частушке вторя эхом,
Об стакан гремит стакан.

6

Света, Света, добрый друг,
Что же ты примолкла вдруг?
Где твой Лазарь, где твой милый,
Завбуфетом? В цвете лет
Он убит — и взят могилой,
Как сказал один поэт.

Брал он скромно, брал по праву,
Брал не с верхом, а в очко.

Было — заму,
Было — заву,
Было всем на молочко!

Уносите, дети, ноги,
Не ходите, дети, в лес!
В том лесу живет в берлоге
Лютый зверь — Обехаэс!..

Всем влепили мелочишку,
Все равно как за прогул.
Только Лазарь принял «вышку»,
Даже глазом не моргнул...

Точно так же, как когда-то,
Не моргнул и глазом он,
Когда гнал его, солдата,
Дезертир из школы вон!
Мол, не так он учит деток,
Подозрительный еврей,

Мол, не славит пятилеток,
А долдонит про царей.

Заседание педсовета
Подвело всему итог...

С ним ушла тогда и Света —
Физкультурный педагог.

Что ты, что ты, что ты, что ты,
Что ты видишь сквозь туман?
Как мотались без работы?
Как устроились в шалман?
Как, без голоса, кричала
В кислом зале горсуда?..

Эй, не надо все с начала,
Было — сплыло навсегда
Было — сплыло...

Тут линяет гром оркестра —
Мал в шалмане габарит.

И опять, оркестра вместо,
Работяга говорит.
(А в руке гуляет кружка,
И смеется левый глаз!)
— Это все была петрушка,
А теперь пойдет рассказ!

7

Мы гибли на фронте,
Мы хрипли в «комбеде».
А вы нас вели
От победы к победе!

Нам бабы кричали:
— Водицы попейте!
Умойтесь, поешьте, поспите хоть ночку!
А вы нас вели от победы к победе,
И пуля свинцовая ставила точку!
Мы землю долбили,

Мы грызли железо,
Мы грудь подставляли под дуло обреза.
А вы, проезжая в машине «Победа»,
В окно нам кричали:
— Достройте!.. Добейте!..

И мы забывали
О сне и обеде,
И вы нас вели
От победы к победе!

А вы:
«Победы» меняли на «Волги»,
А после:
«Волги» меняли на «ЗИМы»,
А после:
«ЗИМы» меняли на «Чайки»,
А после:
«Чайки» меняли на «ЗИЛы»...

А мы надрывались,
Долбили, грузили!

И вот уже руки
Повисли, как плети,
И ноги не ходят,
И волосы седы,

А вы нас вели от победы
К победе.
И тосты кричали
Во славу победы:
— Ну, пусть не сегодня,
Так — завтра, так — в среду!
Достройте!.. Добейте!..
Дождем!.. Приурочим!..

А мы, между прочим,
А мы, между прочим,
Давно — положили — на вашу победу!..

Хмырь зажал рукою печень,
 Хмырь смертельно побледнел.
 Даже хмырь — и тот не вечен,
 Есть для каждого предел.

Работяга (в кружке пена),
 Что ж ты, дьявол, совершил?
 Ты ж действительного члена
 Нашу партию лишил!
 И пленительная Света,
 Сандалетами стуча,
 Срочно стала из буфета
 Вызывать в шалман врача!..

Какая ночь! Как улицы тихи!
 Двенадцать на часах Аэрофлота.
 И кажется — дойдешь до поворота,
 И потекут бессмертные стихи!

Осло
26 апреля 1975

Вот и всё!

Большинство стихов и песен, помещенных в этом сборнике, было, в разное время, напечатано журналами «Посев», «Грани», «Континент», «Время и мы» — за что я их сердечно благодарю.

Сергей Эйзенштейн говорил своим ученикам: «Каждый кадр вашего фильма вы должны снимать так, словно это — самый последний кадр, который вы снимаете в жизни!» Не знаю, насколько справедлив этот завет для искусства кино, для поэзии — это закон.

Каждое стихотворение, каждая строчка, а уж, тем более, книжка — последние. И, стало быть, это моя последняя книжка. Впрочем, в глубине души, я все-таки надеюсь, что мне удастся написать еще кое-что.

*Александр Галич
Париж, 10 апреля 1977 года.*

***СТИХОТВОРЕНИЯ,
НЕ ВОШЕДШИЕ
В ПРИЖИЗНЕННЫЕ
СБОРНИКИ***

ПЕСНИ ИЗ СПЕКТАКЛЕЙ И КИНОФИЛЬМОВ

150. КОМСОМОЛЬСКАЯ ПЕСНЯ

Протрубили трубачи тревогу!
Всем по форме к бою снаряжен,
Собирался в дальнюю дорогу
Комсомольский сводный батальон.

Припев:

До свиданья, мама, не горюй,
На прощанье сына поцелуй;
До свиданья, мама, не горюй, не грусти,
Пожелай нам доброго пути!
Прощай, края родные,
Звезда победы, нам свети!
До свиданья, мама, не горюй, не грусти,
Пожелай нам доброго пути!

Все, что с детства любим и храним,
Никогда врагу не отдадим.
Лучше сложим голову в бою,
Защищая Родину свою.

Припев.

1947

151. СЕРДЦЕ, МОЛЧИ...

Сердце, молчи:
В снежной ночи
В поиск опасный
Уходит разведка,
С песней в поход
Легче идти,
Только разведка
В пути не поет,
Ты уж прости.

Где-то сквозь снег —
Песни и смех...
Здесь лишь гудит
Новогодняя вьюга...
В дальнем краю,
Тех, кто в бою
Вспомни и тихо
Пропой про себя
Песню свою.

Из кинофильма «Бегущая по волнам»

152. БАЛЛАДА О ФРЕЗИ ГРАНТ

Шел корабль из далекой Австралии,
Из Австралии, из Австралии.
Он в Коломбо шел и так далее,
И так далее, и так далее.
И корабль этот вел из Австралии
Капитан Александр Грант.
И была у него дочь-красавица,
Дочь-красавица, дочь-красавица.
Даже песня тут заикается,
Даже песня тут заикается, —
Эта самая Фрези Грант...

Как бы там ни было, корабль плыл, плыл и был в пути полтора месяца, когда вахта на рассвете заметила огромную волну, метров сто высотой, идущую с юго-востока. Все испугались и приняли меры достойно утонуть. Однако ничего не случилось: корабль поднялся, опустился, и все увидели остров необычайной красоты. Фрези Грант стала просить отца пристать к острову, но капитан Грант естественно и с полным основанием ответил, что острова эти всего-навсего пригрезились.

Острова эти нам пригрезились,
Нам пригрезились, нам пригрезились,
Нам пригрезились эти отмели,
Эти пальмы на берегу,
А к мечте, дорогая Фрези,
Я пристать никак не могу.

Что ж, вы правы, сказала Фрези,
Что ж, прощайте, сказала Фрези,
Что ж, прощай, мой отец любимый,
Не сердись понапрасну ты!
Пусть корабль к мечте не причаливает —
Я смогу добежать до мечты.

И с этими словами Фрези прыгнула за борт. «Это не трудно, как я и думала», — сказала она, побежала к острову и скрылась, как говорится, в тумане.

И бежит по волнам, чуть касаясь воды,
И на зыбкой воде остаются следы,
И бежит сквозь ненастье и мрак до конца,
Всё бежит и надежду приносит в сердца.
Фрези Грант, Фрези Грант, Фрези Грант!

153

Всё наладится, образуется,
Так что незачем зря тревожиться.
Все безумные образуются,
Все итоги непременно подытожатся.

Были гром и град, были бедствия,
Будут тишь да гладь, благоденствие,
Ах, благоденствие!

Всё наладится, образуется,
Виноватые станут судьями.
Что забудется, то забудется:
Сказки — сказками, будни — буднями.

Всё наладится, образуется,
Никаких тревог не останется.
И покуда не наказуется,
Безнаказанно и мирно будем стариться.

154. ПЕРВАЯ ПЕСЕНКА ШУТА

Встречаемые «Осанною»,
Преклонные уже смолоду

Повсюду вы те же самые —
Клейменные скукой золота!..
И это не вы ступаете,
А деньги ваши ступают...
Но памятник — то, что в памяти,
А память не покупают!
Не готовят ее в аптеке,
На лотках *она* не выносятся!
Ни в раю и ни в пекле,
Ни гуртом и ни в розницу —
Не купить вам людскую память!
Неправд прописных глашатаи,
Добро утвердив по смете,
Правители, ставьте статуи,
А памятники — не смейте!..
Вас тоже «осаннят» с папертей,
Стишки в вашу честь кропают,
Но памятник — то, что в памяти,
А память не покупают!..

Из кинофильма «Старая, старая сказка»

155. ДОРОЖНАЯ

Вдоль по дороге, вдоль по дороге
Вот я шагаю, раз и два!
Плевать, что дырки в камзоле
И вдрызг сапоги —
Зато уцелела голова!

Ать, два левой,
Ать, два правой,
Вдоль по дороге столбовой.
А то, что ветер в карманах —
Так это пустяк,
Главное дело, что живой!

Справа и слева
Синее небо,
А посредине дальний путь,
Куда иду я — не знаю,
Дорога сама
Меня приведет куда-нибудь!

Ать-два левой,
Ать-два правой!
Так и пройду весь шар земной,
А в небе солнышко светит,
И птицы поют,
И нет командира надо мной.

Сердцу солдата
Много ли надо?
Хлебца поем, воды попью,
А если добрые люди
Вином угостят,
Я спою им песенку свою:

Ать-два левой,
Ать-два правой,
Вдоль по дороге столбовой,
Плевать, что ветер в карманах
И вдрызг сапоги:
Ведь главное дело, что живой!

156. ПЕСЕНКА ВЕДЬМЫ

Скачи, солдатик, как блоха,
Хе-хе-хе-хе, ха-ха-ха-ха!
Пропал солдат на чепухе,
Ха-ха-ха-ха, хе-хе-хе-хе!

Ругают ведьмою
Меня последнею,
Ругают старую
Меня каргой,
А я не старая, совсем не старая:
Я с детских лет
Была такой.

157. ПЕСНЯ СЛУТ

— Когда король без денег,
То он плохой король,
Зачем служить такому королю?
— Сотри-ка пыль, бездельник!

— Пожалуйста, изволь,
— Я так его величество люблю!
Да здоровствует король,
Да здоровствует король,
Да здоровствует, да здоровствует,
Да здоровствует король!

— Король молчит три ночи,
Король молчит три дня,
Пусть кто-нибудь поможет королю.
— Куда пропал совочек?
— Совочек — у меня!
— Я так его величество люблю!
Да здоровствует король,
Да здоровствует король,
Да здоровствует, да здоровствует,
Да здоровствует король!

— Давайте же с охотой
Поможем королю
Устроить пир торжественный, друзья,
— А кто забрал мой веник?
— Уже и взять нельзя!
— Я так его величество люблю!
Да здоровствует король,
Да здоровствует король,
Да здоровствует, да здоровствует,
Да здоровствует король!

СТИХОТВОРЕНИЯ И ПЕСНИ РАЗНЫХ ЛЕТ

158

Лают азиатские собаки,
Гром ночной играет вдалеке...
Мне б ходить в черкеске и папахе,
А не в этом глупом пиджаке!

Мне б кинжал у талии осиной
И коня — земную благодать,
Чтоб с тобою, самую красивую,
На скаку желанье загадать!..

159

Н. Рязанцевой

Благословенность одиночества!
И тайный хмель, и дождь, и сонность,
И нет ни имени, ни отчества —
Одна сплошная невесомость!
Благословенность бесприютности —
В — другими — заспанной постели,
Как в музыке, где мерой трудности
Лишь только пальцы овладели.
А то, что истинно, — в брожении,
И замирает у предела,
Где не имеет отношения
Душа к преображенью тела!..
И в этот день всеобщей низости,
Вранья и жалких междометий,
Прекрасно мне, что Вы — поблизости,
За пять шагов, за пять столетий!

Болшево
1969

Вот он скачет, витязь удалой,
С чудищем стоглавым силой меряясь,
И плевать на ту, что эту перевязь
Штопала заботливой иглой.

Мы не пели славы палачам,
Удержались, выдержали, выжили,
Но тихонько, чтобы мы не слышали,
Жены наши плачут по ночам.

Елене Невзглядовой

Понеслись кувырком, кувырком
Опечатки последнего тома!
Сколько лет я с тобою знаком?
Сколько дней ты со мною знакома?

Сколько медленных дней и минут...
Упустили мы время, разини!
Променяют — потом помянут, —
Так не зря повелось на России!

Только чем ты помянешь меня?
Бросишь в ящика пыльную прорубь?
Вдруг опять, среди белого дня,
Семиструнный заплещется голубь,

Заворкуют неладно лады
Под нытье обесславленной квинты...
Если мы и не ждали беды,
То теперь мы воистину квиты!

Худо нам на восьмом этаже
Нашей блочно-панельной Голгофы!
Это есть. Это было уже,
Это спето — и сложено в строфы.

Это хворост для наших костров...
Снова лезут докучные гости.
И кривой кладовщик Иванов
Отпустил на распятие гвозди!

**162. АБСОЛЮТНО ЕРУНДОВАЯ ПЕСНЯ
(АНТИПЕСНЯ)**

Собаки бывают — дуры,
И кошки бывают — дуры,
Но дурость не отражается
На стройности их фигуры.
Не в глупости и не в дикости —
Все дело в статях и в прикусе.
Кто стройные — те достойные,
А прочие — на-ка, выкуси!
И важничая, как в опере,
Шагают суки и кобели,
Позвякивают медальками,
Которыми их сподобили.
Шагают с осанкой гордою,
К любому случаю годною,
Посматривают презрительно
На тех, кто не вышел мордою.
Рожденным медаленосителями
Не быть никогда просителями,
Самой судьбой им назначено
В собачьем сидеть президиуме.
Собаки бывают — дуры,
И кошки бывают дуры,
И им, по этой причине,
Нельзя без номенклатуры.

163

Я, товарищи, скажу помаленьку,
Мы не где-нибудь живем — на Руси.
Кому кепка, а кому — тюбетейка,
Кто что хочет — надевай и носи.

Наше дело — это тонкое дело,
Темный лес, любезный друг, темный лес,
И обязаны мы ночью и днём
Государственный блюсти интерес.
Мы не в рюхи здесь играем, не в карты,
Здесь не баня, говорят, не вокзал.
Что для нас наиважнейшее? Кадры!
Это знаешь, дорогой, кто сказал?
Тут не с удочкой сидишь, рыболовишь,
Должен помнить как основу основ:
Рабинович — он и есть Рабинович,
А скажи мне, кто таков Иванов?
Вот он пишет в биографии — русский,
Истый-чистый, хоть станешь напоказ,
А родился, извиняюсь, в Бобруйске,
И у бабушки фамилия — Кац.
Значит, должен ты учесть эту бабку
(Иванову, натурально, молчок),
Но положи её в отдельную папку —
И поставь на ней особый значок.
и т. д.

164

Шел дождь, скрипело мироздание,
В дожде светало на Руси,
Но ровно в семь, без опоздания,
За ним приехало такси.
И он в сердцах подумал: «Вымокну!»
И усмехнулся, и достал
Блокнот, чтоб снова сделать вымарку,
И тот блокнот перелистал.
О, номера поминовения
Друзей и близких — А да Я!
О, номеров исчезновение,
Его печаль от А до Я!
От А — трусливого молчания
До Я — лукавой похвалы,
И от надежды до отчаянья,
И от Ачана до Яйлы.
Здесь все, что им навек просрочено,
Здесь номера — как имена,

И Знак Почета — как пощечина,
И Шестидневная война.
И облизнул он губы синие,
И сел он, наконец, в такси...
Давно вперед по красной линии
Промчались пасынки тоски.
Им не нужна его отметина,
Он им и так давно знаком,
В аэропорте «Шереметьево»
Он, — как в Бутырках — под замком.
От контражура незаконного
Еще темней, чем от стыда.
Его случайная знакомая
Прошла наверх и — в никуда.
И погорельцем на пожарище,
Для всех чужой, и всем ничей,
Стоял последний провожающий
В кругу бессменных стукачей.

165. ИЗ «НОРВЕЖСКОГО ДНЕВНИКА»

Это вовсе не дом — Храм!
И не просто корабль — «Фрам».
Эй, увитые эполетьем
Адмиралы и шкипера!
Ниже головы перед этим,
Всем народам и всем столетиям,
Даром мужества и добра...

. . .

Что у вас на Охте и на Лахте?
Как вам там живется-суется?
А у нас король ушел на яхте
И сказал, что скоро возвратится.

Он работал до седьмого пота,
Он водою запивал облатки:
Это очень трудная работа —
Королевство содержать в порядке!

Накорми-ка поданных, одень-ка!
Чтоб всегда (как в школе перемена),
К рождеству у каждого — индейка,
А уж выпить — это непременно...

166. ПРОЩАНИЕ СЛАВЯНКИ

Снова даль предо мной неоглядная,
Ширь степная и неба лазурь.
Не грусти ж ты, моя ненаглядная,
И бровей своих темных не хмурь!

Вперед,
За взводом взвод!
Труба боевая зовет!
Пришел из ставки
Приказ к отправке,
И значит, нам пора в поход!

В утро дымное, в сумерки ранние,
Под смешки и под пушечный «бах»,
Уходили мы в бой и в изгнание
С этим маршем на пыльных губах.

Вперед,
За взводом взвод!
Труба боевая зовет!
Пришел из ставки
Приказ к отправке,
И значит, нам пора в поход!

Не грустите ж о нас, наши милые,
Там, далеко, в родимом краю!
Мы всё те же домашние, мирные,
Хоть шагаем в солдатском строю.

Вперед,
За взводом взвод!
Труба боевая зовет!
Пришел из ставки
Приказ к отправке,
И значит, нам пора в поход!

Будут зори сменяться закатами,
Будет солнце катиться в зенит.
Умирать нам, солдатам, — солдатами,
Воскресать нам — одетым в гранит!

Вперед,
За взводом взвод!
Труба боевая зовет.
Пришел из ставки
Приказ к отправке,
И, значит, нам пора в поход!

167

А было недавно, а было давно,
А даже могло и не быть,
Как много, на счастье, нам помнить дано,
Как много, на счастье, — забыть!

В тот год окаянный, в той черной пыли,
Умытые морем кровей,
Они уходили не с горстью земли,
А с мудрою речью своей.

И в старый-престарый прабабкин ларец
Был каждый запрягать готов
Не ветошь давно отзвеневших колец,
А строчки любимых стихов.

А их увозили «пока» корабли,
А их волокли поезда,
И даже подумать они не могли,
Что это «пока» — навсегда.

И даже представить они не могли,
Что в майскую ночь наугад
Они, прогулявшись по рю Риволи,
Потом не свернут на Арбат.

И в дым <нрзбр.> навстречу судьбе
И в <нрзбр.> переулков ночных,

Где нежно лицо обжигают тебе
Лохмотья <?> черемух ночных.

Ну ладно, и пусть — ни кола ни двора,
И это Париж, не Москва.
Ты в окна гляди, как глядят в зеркала,
И слушай шаги, как слова.

Я кланяюсь низко сумевшим сберечь,
Ронявшим легко, невзначай,
Простые слова расставаний и встреч:
«О, здравствуй, мой друг!» «О, прощай!»

Вы их сохранили, вы их сберегли,
Вы их пронесли сквозь года,
И снова уходят в туман корабли,
И плачут во тьме поезда.

И в наших вещах не звенит серебро,
И путь наш всё так же суров,
Но в сердце у нас благодать и добро,
И строчки любимых стихов.

Поклонимся ж низко парижской родне,
Немецкой, английской, нью-йоркской родне
И скажем: «Спасибо, друзья!
Вы русскую речь закалили в огне,
В таком нестерпимом и жарком огне,
Что жарче придумать нельзя!»

И нам ее вместе хранить и беречь,
Лелеять родные слова,
А там, где жива наша русская речь,
Там вечно Россия жива!

168

Облетают листья в ноябре.
Треснет ветка, оборвется жила.
Но твержу, как прежде, на заре:
«Лунный луч — как соль на топоре...»
Эк меня навек приворожило!

Что земля сурова и проста,
Что теплы кровавые рогожи,
И о тайне чайного листа,
И о правде свежего холста
Я, быть может, догадался тоже.

Но когда проснешься на заре,
Вспомнится, и сразу нет покоя:
«Лунный луч — как соль на топоре...»
Это ж надо, Господи, такое!

2 мая 1976

169. ПАДЕНИЕ ПАРИЖА

Gi de Мопассану

Скажите, вам бывает страшно?
— Ты ищешь страх? — открой роман,
Читай: «От Эйфелевой башни
Бежит в испуге Мопассан...»

Она — проклятие Парижу,
Она — улыбка сатаны,
Париж — фиглярствующий рыжий,
Сосуд греха, дитя вины.
И к полю Марсову в восторге
Спешат кареты парижан.
Скорей откройте двери моргов!
Париж — на лезвии ножа!

Он славит Эйфеля как Бога,
Спасайтесь от его чудес,
От смертоносного и злого
Нагромождения желез!
Не знаю — долго или скоро,
Но знаю — смертный день грядет:
Когда на согрешивший город
Всем телом башня упадет.

Вам страшно?
Нет, ничуть не страшно!

— Ваш смех исчезнет навсегда,
Когда осколки этой башни
Вонзятся в ваши города.

Исчезнет Франция, как правда.
Нет, вы не спятили с ума,
Но вас никто не понимал.

— Скажите, вам бывает страшно?
— Ты ищешь страх? открой роман,
Читай: «От Эйфелевой башни
Бежит, спасаясь, Мопассан...»

*Париж
1976*

170. МАРТОВСКИЕ СТИХИ

Растаял шепотной растяпа-снег,
Сегодня мне приснившийся во сне,
Архип осип и простудился Осип,
И не поймешь, весна ль, зима ли, осень,

Но что не лето — это-то уж точно,
И воробьев — сплошные многоточья.

А снег исчез, и не было его,
Быть может, он и вовсе не рождался,
А я-то не на шутку испугался!
Так значит, не случилось ничего?

След самолетный через плат небес —
Какая обозримая нелепость!
И значит — так: и не было чудес,
И целый год не наступало лето,

Земля была грязна, полуодета,
И мучила меня полуодетость,
Неряшливость и заспанность земли.
Хотелось вишен и немного ласки.
А некто мне протягивал рубли:
Мол, отступись от невеселой сказки.
Да ты и не сумеешь рассказать!

И впрямь, я не сумею рассказать...
И стало скучно и обыкновенно.
И зеркало посмотрит мне в глаза
И укорит за что-то непременно.

Я в доме снимаю зеркала,
Позакрываю двери на засовы...
А эта сказка все-таки была,
Да уж навряд ли возвратится снова;
Сегодня я проснулся в полвторого,
Увидел снег: он плакал из угла.

Париж
1976

171. МАЙСКИЕ СТИХИ

Уж это не случится никогда:
Я помню иней, синие сосульки,
Декабрь лихорадил переулки
В укутанных в сугробы городах.

У всех — температура сорок два,
Текут носы, и красные гортани
Всё чаще чуют чайной ложки вкус.
Декабрь. Не первый на моем веку.
В тот день, я помню, встал довольно рано

И сразу же почувствовал: сейчас
Произойдет, не чудо, ну так что-то...
Спешили люди, верно, на работу.
Такой декабрь я видел в первый раз:

На крышах, тротуарах, проводах,
Заборах, подоконниках и трубах
Сидели птицы синие, и зубы
Ломило тихим предвкушеньем чуда,
А это не случалось никогда.

Париж
1976

172. БЛЮЗ ДЛЯ МИСС ДЖЕЙН

Голос, голос.

Ну что за пленительный голос.

Он как будто расшатывал обручи глобуса

И летел звездопадом над линией фронта,

Мисс Фонда?

Там, в Сайгоне, прицельным огнем

протараненном,

Где всевластна пальба и напрасна мольба,

В эту ночь вы, должно быть, сидите над

раненым

И стираете кровь с опаленного лба,

Да?

А загнанных лошадей пристреливают,

А загнанных лошадей пристреливают,

В сторонке там за деревьями,

где кровью земля просолена,

А загнанных лошадей пристреливают,

А загнанных лошадей пристреливают,

Хотя бы просто из жалости.

А жалеть-то еще позволено?

Вас, как прежде, восторженно хвалят

газетчики:

То статья, то цветное московское фото.

Как прекрасны глаза ваши, губы и плечики,

Мисс Фонда!

И досужая публика жадно и тупенько

Будет в снимках выискивать тайное, личное,

А с носилок девчоночья падает туфелька.

Ничего, что одна — ведь другая-то лишняя.

А загнанных лошадей пристреливают,

А загнанных лошадей пристреливают,

В сторонке там за деревьями,

где кровью земля просолена,

А загнанных лошадей пристреливают,

А загнанных лошадей пристреливают,

Хотя бы просто из жалости.

А жалеть-то еще позволено?

Дальнобойные бахают слитно и сытно,
Топят лодки на помощь спешащего флота.
Неужели же вам хоть немножко не стыдно,
Мисс Фонда?

Нынче, вроде, не в моде алмазы и золото:
В магазине любом выбирайте свободно.
Нынче носят бижу из серпа и из молота.
Хоть не очень красиво, но дьявольски модно!

А загнанных лошадей пристреливают,
А загнанных лошадей пристреливают,
В сторонке там за деревьями,
где кровью земля просолена,
А загнанных лошадей пристреливают,
А загнанных лошадей пристреливают,
Хотя бы просто из жалости.
А жалеть-то еще позволено?

Что ж, не будем корить вероломную моду.
Лишь одно постараемся помнить всегда:
Красный цвет означает не только свободу,
Красный цвет иногда еще — краска стыда!
Да, да!

Мюнхен
1976

173

Говорят, пошло с Калиты,
А уж дале — из рода в род.
То ли я сопру, то ли ты,
Но один, как часы, сопрет!
То ли ты сопрешь, то ли я,
То ли оба мы на щите...
С Калиты идет колея —
Все воры — и все в нищете!
И псари воры, и князья,
Не за корысть воры, за злость!
Без присмотра на миг нельзя
Ни корону бросать, ни гвоздь!..

Уж такие мы удались,
Хоть всю жизнь живем на гроши...
А который спер — тот делись,
Тут как тут стоят кореши!..
И под скучный скулеж дележа
У подъездов, дверей, оград,
Вдоль по всей Руси сторожа,
Всё сидят сторожа — сторожат!

174. О ПОЛЬЗЕ УДАРЕНИЙ

Ударение, ударение,
Будь для слова, как удобрение.
Будь рудою из слова добытой,
Чтоб свобода не стала Свободой.

175

Там, в заоблачной стране,
Мир и тишина,
Там, часами на стене,
На небе луна.
Проплывет прозрачный звон,
Прогудят басы:
Знай, что это первый сон
Пробили часы.

Побледнеет небосклон,
Побледнеет небосклон,
Побледнеет небосклон,
Разойдется мгла...
Первый сон, последний сон...
Вот и ночь прошла!

Жизнь без горя, без удач,
Счастье на гроши,
Если вдруг раздастся плач —
Плачут малыши...
Мир чудес и мир тревог
Где-то там, внизу.

Ну а нам поможет Бог
Переждать грозу.

Вот звенит прощальный звон,
Вот звенит прощальный звон,
Вот звенит прощальный звон,
Бьют колокола...
Первый сон, последний сон...
Так и жизнь прошла!

176. ТЕБЕ

Вьюга листья на крыльцо намела...

I

Словно слезы, по стеклу этот дождь.
Словно птица, ветка бьется в окно.
Я войду к тебе, непрощенный гость,
Как когда-то — это было давно.

II

Закружатся на часах стрелки вспять,
Остановится все время навек.
«Ты не спишь еще, — спрошу я опять, —
Мой единственный родной человек?»

III

Пусть не кажется тебе это сном,
И в стекло не ветка бьется, а я.
Осторожно оглядись — за окном
Ты увидишь, как бредет тень моя.

ПОСЛЕДНИЕ СТИХИ

177. <ЧИТАЯ «ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ»>

Играет ветер пеною
На Сене, на реке,
А я над этой Сеною,
Над этой самой Сеною,
Сижусь себе над Сеною
С газетою в руке.

Ах, до чего ж фантазирует
Эта газета буйно,
Ах, до чего же охотно
На все напускает дым,
И если на клетке слона
Вы увидите надпись «Буйвол»,
Не верьте, друзья, пожалуйста,
Не верьте, друзья, пожалуйста,
Не верьте, очень прошу вас,
Не верьте глазам своим!

*Париж
декабрь 1977*

178. <ПОСЛЕДНЯЯ ПЕСНЯ>

За чужую печаль
И за чье-то незваное детство
Нам воздастся огнем и мечом
И позором вранья,
Возвращается боль,
Потому что ей некуда деться,
Возвращается вечером ветер
На круги своя.

Мы со сцены ушли,
Но еще продолжается действо,
Наши роли суфлер дочитает,
Ухмылку тая,
Возвращается вечером ветер
На круги своя,
Возвращается боль,
Потому что ей некуда деться.

Мы проспали беду,
Промотали чужое наследство,
Жизнь подходит к концу,
И опять начинается детство,
Пахнет мокрой травой
И махорочным дымом жилья,
Продолжается детство без нас,
Продолжается детство,
Продолжается боль,
Потому что ей некуда деться,
Возвращается вечером ветер
На круги своя.

*Париж
декабрь 1977*

ДРУГИЕ РЕДАКЦИИ¹

¹ Все тексты данного раздела, кроме вар. к № 20, приводятся по магнитофонным записям выступлений Галича.

П74, сноска
 в.м. с. 9—16:

Это правда, это правда, это правда,
 Это было, и боюсь, что будет завтра,
 Может завтра, может даже скорее,
 Ой, так не шейте ж вы ливреи, евреи!

21 (123)

Говорят, что где-то есть острова,
 Где растет на берегу трын-трава
 И от хворости, и от подлости,
 И от горести, и от гордости.
 Вот какие есть на свете острова.

Говорят, что где-то есть острова,
 Где с похмелья не болит голова,
 А сколько есть вина, пей все без просыпу,
 А после по морю ходи, как посуху!
 Вот какие есть на свете острова!

Говорят, что где-то есть острова,
 Где четыре навсегда — дважды два.
 Ищи хоть сотни, нет решенья лучшего,
 Четыре — дважды два, как ни выкручивай.
 Вот какие есть на свете острова.

Говорят, что где-то есть острова,
 Где неправда не бывает права,
 Где не от лени и не от бедности
 И нет и не было черты оседлости.
 Вот какие я придумал острова.

44

Той лютой порой, (той неверной)
 В тени разведенных мостов
 Моталась она по Шпалерной,
 Ходила она у «Крестов».

Ей в тягость... Да нет, ей не в тягость!
Привычно, как росчерк пера.
Вот если бы только не август,
Не чертова эта пора.

Когда-то, когда-то, когда-то
Такой же был август, когда
Над черной водою Кронштадта²
Стрельнула, как птица, беда.

И разве не в августе снова
В еще не отмеренный год
Осудят мычанием слово
И совесть отправят в расход.

Но это потом, а покуда
В которую ночь — над Невой,
Уже не надеясь на чудо,
А только бы знать, что живой!

И в сумерки вписана четко
Такая, как после, в строфу,
Седая девчоночья челка,
Прилипшая к мокрому лбу.

Ай сени мои, сени,
Кленовы ворота,
На кой тебе спасение —
Ты та или не та.

Без счета и без края
Пойдут пылить года.
Такая — не такая,
А прежняя беда.

Коротенькая челка
Колечками на лбу.

² Создается впечатление, что Галич в какой-то момент считал, будто Гумилев был расстрелян в Кронштадте. Исполнялась также другая редакция этой же строфы:

Вот также, наверно, несносен
Был давний тот август, когда
У черных бернгардовских сосен

Ступай, гуляй девчонка,
Пытай свою судьбу.

А ночь опять бессветна,
Разведены мосты.
Я знал, что ты бессмертна,
Что и другая — ты...

И все еще случится,
И снова, как теперь,
Невзгода постучится
В незапертую дверь.

И будет ночь, и челка,
И ветер, и мосты,
Ступай, гуляй, девчонка,
Ищи свои «Кресты».

И не устав ни капельки как будто,
Задумчива, тиха и весела,
Она придет, озябшая, под утро
И никому ни слова, где была.

Но с мокрых пальцев облизнет чернила
И скажет, притулившись в уголке:
«Прости, но мне бумаги не хватило,
Я на твоём пишу черновике».

*На некоторых
лентах
после ст. 32
(8-я строфа):*

Все обличье чиновной дряни
Новомодного образца
Изрыгало потоки брани
Без начала и без конца.

*После ст. 36
(9-я строфа):*

Следят, следят из окон
За нею сотни глаз,
А ей плевать, что поздно,
Что комендантский час.

*После ст. 44
(11-я строфа):*

И застыли кривые рожи,
Разевая немые рты,
Словно пугала из рогожи,
Петухи у слепой черты.

*В ПРБ, а также
на всех концертах
после прибытия
автора на Запад*

вм. ст. 17—18: И этот марксистский подход к старине
Давно применяется в нашей стране.
Он нашей стране пригодился вполне,
И вашей стране пригодится вполне,
Поскольку вы сами в таком же... (лагере!)
Он вам пригодится вполне!

60

после ст. 20 Если время запиской тебе скажет о том,
Что, мол, знаете, друг-то ваш был, мол, и
«вышедши»!
Возвратись в этот дом, возвратись в этот дом.
Я там жду тебя, слышишь?! Я жду тебя,
слышишь ты?!

105

Вариант строфы «Ах, только бы шаг — за черту рубежа / ... /
Теперь я приду!..» (на нескольких парижских
лентах):

Сквозь время за черный провал рубежа
Из скуки оков
Я все-таки вырвусь, моя госпожа,
Вы только дождитесь меня, госпожа,
Вы только простите меня, госпожа,
Во веки веков.

112

Кто разводит безгласных рыбок,
Кто, забавник, свистит в свирельку,
А я поеду на птичий рынок
И куплю себе канарейку.
Все полста отвалю, не гривну,
Привезу ее, суку, на дом,
Обучу канарейку Гимну,
Благо, слов никаких не надо.
Соловей, соловей, пташечка,
Канареечка жалобно поет...

Канареечка, канарейка,
 Птица малая, вроде мухи.
 А кому судьба — карамелька,
 А кому она — одни муки.
 Не в Сарапуле и не в Жиздре,
 Жил в Москве я — в столице мира.
 А что видел я в этой жизни,
 Окромя веревки да мыла?
 Соловей, соловей, пташечка,
 Канареечка жалобно поет...

Но сносил я полсотни тапок,
 Был загубленным, был спасенным.
 А мне, глупому, лучше б в табор, —
 Лошадей воровать по селам.
 Прохиндей, шарлатан, провидец,
 Я б в веселый час под забором
 Я б на головы всех правительств
 Положил бы свой хуй с прибором.
 Соловей, соловей, пташечка,
 Канареечка жалобно свистит:
 — Союз нерушимый республик свободных...

129

после ст. 9: И где-то бродит в дальних странах
 Чужою ставшая строка.
 А мы сидим на чемоданах
 И ждем проклятого звонка.

после ст. 19: Ну, что же нам теперь осталось?
 Строка газетного листа?
 О, время осени, о, старость,
 Как ты тщеславна и пуста.

131

перед ст. 1: Нам бывшее прекрасное блещется,
 И такие дали плывут...
 Веком беженцев, веком беженцев
 Наш двадцатый век назовут.

Рождество, Рождество, Рождество!
 Вот куда привело торжество
 Нас — из Чили, Сайгона и Бежицы —
 Как справляется там Рождество?

Впрочем, что нам искать тождество?
Мы тождественны в главном — мы беженцы.

Мы бежали от подлых свобод,
И назад нам дороги заказаны.
Мы бежали от пошлых забот
Быть такими, как кем-то приказано...

ПРИМЕЧАНИЯ

Данное издание представляет собой практически полное собрание поэтических произведений Александра Галича. Составитель рассматривает Галича прежде всего как поэта и категорически не приемлет существующую тенденцию считать его исключительно «бардом». Нельзя поэтому согласиться с попытками рассматривать фонограммы как более важный источник, чем выверенные автором печатные тексты его книг. Общеизвестно, что авторское исполнение всегда предполагает ту или иную степень импровизации в зависимости от состава аудитории, настроения автора и от множества иных преходящих причин.

Первая книга стихотворений Галича «Поколение обреченных» была выпущена за пределами СССР НТС-овским издательством «Посев» (Франкфурт-на-Майне) в 1972 г.¹ Машинописный текст, сделанный в издательстве «Посев» с нескольких привезенных на Запад магнитофонных лент, был переправлен автору в Москву, просмотрен и отредактирован самим поэтом и теми же подпольными каналами отправлен обратно во Франкфурт². Причем автором было добавлено несколько новых вещей, изменены некоторые названия и порядок расположения стихотворений, циклов и т. д. Это издание и является фактически первой аутентичной печатной публикацией стихов Галича³. Второе издание этой книги было стереотипным. Тре-

¹ НТС — «Народно-трудовой союз». Образовался еще до войны. В 1960—1980 гг. НТС был единственной политической организацией русских эмигрантов. Принадлежавшее НТС издательство «Посев» выпускало русские книги, часть которых теми или иными путями переправлялась в СССР. Считается, что половина всех эмигрантских изданий была осуществлена этим издательством, которое регулярно издавало еще и два журнала: «Посев» (политический) и «Грани» (толстый литературный журнал). Галич был членом НТС с 1974 г.

² В последнем российском издании стихов Галича «Песня об отчете доме» (М.: Локид, 2003) в послесловии составителя А. Костромина сказано, что «Галич не участвовал в подготовке книги "Поколение обреченных"» (имеется в виду издание «Посева» 1972 года). Откуда эти сведения — не указано. Однако, по словам самого Галича и по рассказу директора издательства «Посев» В. Горачека, один из западных друзей НТС, оказывавший не раз серьезные услуги эмигрантским организациям, в начале 1972 года привез Галичу в Москву машинописные тексты и увез их с авторской правкой обратно во Франкфурт. А вычитывание автором ставшего каноническим издания 1974 года происходило в моем присутствии в издательстве «Посев». Это издание А. Костромин вовсе не упоминает.

³ Есть все основания вслед за самим Галичем не принимать в расчет сборник «Песни», выпущенный тем же издательством «Посев» еще в 1969 г. под редакцией Е. Р. Романова. Случайный подбор (в издательство тогда попало всего две или три ленты), произвольный порядок расположения стихов, обилие неполных текстов, неточностей, ошибок, а также включение сюда всех песен Ю. Алешковского, не дают возможности отнести к этому изданию серьезно. В предисловии автор отождествлен с его персонажами: там сообщено, например, что Галич воевал и сидел в лагерьях. Есть и другие недостоверные сведения.

тое издание «Поколения обреченных» (1974) было пересмотрено и одобрено автором прямо в издательстве в день его прибытия во Франкфурт в июне 1974 года. Добавлено несколько стихотворений, но в целом разнотчений с первым изданием мало. Нет разнотчений и с текстами на первой в жизни Галича настоящей пластинке «Крик шепотом», выпущенной в Норвегии осенью того же года.

Вторая книга А. Галича «Когда я вернусь», составленная автором из стихов, написанных за 1973—1976 годы (частично в Москве, но большей частью уже на Западе), вышла в 1977 г. в том же издательстве «Посев» приблизительно за неделю до смерти поэта⁴. Многие стихи из этой книги ранее публиковались в русских эмигрантских журналах. В это издание поэт перенес из «Поколения обреченных» только цикл стихов о Клите Петровиче Коломийцеве, дополнив его четырьмя новыми стихотворениями, которые он поставил в начало цикла. Возможно, это добавление и побудило Галича переменить название цикла: прежнее длинное название «Истории из жизни Клим Петровича Коломийцева...» ушло в подзаголовок, а весь цикл получил название «Коломийцев в полный рост».

Спустя полгода после смерти Галича, в 1978 г., издательство «Посев», соединив под одной обложкой обе книги стихов («Поколение обреченных» 1974 г. и «Когда я вернусь» 1977 г.), выпустило их одной книгой под общим названием «Когда я вернусь: Полное собрание стихов и песен». Разнотчений с текстом обеих книг, послуживших основой для этого собрания, нет. Были добавлены только два последних стихотворения поэта, исполненные им на радио «Свобода» незадолго до гибели, предисловие, составленное сотрудником редакции журнала «Посев» А. Юговым из разных цитат о творчестве Галича, а также несколько фотографий. Дополнительный тираж этого, ставшего наиболее представительным, издания был предпринят в 1981 г. Второе, стереотипное издание этой же книги последовало в 1986 г. (оно отличается от первого только новой обложкой с другим портретом).

В первые два раздела настоящего издания включены все стихи и поэмы, опубликованные в двух книгах поэта («Поколение обреченных» 1974 г. и «Когда я вернусь» 1977 г.), изданных при жизни автора. Состав обеих книг, порядок расположения в них стихов — авторские, и они нами полностью сохранены (за единственным исключением: поскольку цикл о Клите Петровиче Коломийцеве опубликован в обеих книгах, у нас он печатается только в разделе «Когда я вернусь»; в «Поколении обреченных» первоначальная редакция цикла о Клите Петровиче Коломийцеве печаталась после стихотворения «Фарс-гиньоль» — № 92 наст. изд.). Вся пунктуация в этих разделах тоже авторская.

В третьем разделе нашего издания («Стихотворения, не вошедшие в прижизненные сборники») помещена значительная часть

⁴ Книжка «Когда я вернусь» вышла в первых числах декабря 1977 г. Первый авторский экземпляр Галич получил в моем присутствии в Париже в своем рабочем кабинете на радио «Свобода». Привез его из Франкфурта директор издательства «Посев» Л. А. Рар.

стихотворений и песен, не включенных автором ни в одну из его книг. Здесь печатаются три стихотворения из архива поэта, написанные в 1976 г., но никогда им публично не читавшиеся; несколько стихотворений, взятых из разных радиопередач радио «Свобода»; и, наконец, еще два стихотворения, воспроизводимые по последней ленте, которую передал через меня в редакцию журнала «Континент» режиссер и тонмейстер парижского филиала «Радио Свобода» Анатолий Шагинян⁵. Они были впервые опубликованы в журнале «Континент» (№ 15) и затем, как уже указано, появились в издании 1978 г. Здесь же, в третьем разделе настоящего издания, приведены и некоторые песни из фильмов, как «образцы» того, что поэт позднее называл не стихами, а «стихотворением».

За пределами данного издания остаются несколько песен из кинофильмов, снятых по сценариям поэта. Часто сценарии писались в соавторстве, а некоторые являются переделками чужих сценариев, выполненными исключительно для заработка, и степень участия в них Галича неизвестна. Песни эти вне фильмов, как правило, не представляют интереса, тем более, что автор, по его собственному выражению, «их вообще не числил в своем песенном активе». Вот что говорил он в личной беседе с составителем (а на нескольких вечерах — и со сцены): «Поэт Галич начался песней "Леночка", свалившейся на меня вдруг в поезде Москва — Ленинград, в 1961 г.⁶. А до того был драматург и киносценарист Галич, хороший или плохой, не мне судить, но мало похожий на нынешнего. Впрочем, кардинальная смена стиля со многими в литературе случалась».

Вместе с тем, нельзя, естественно, резко отделять Галича-драматурга от Галича-поэта. Хотя бы потому, что его участие в работе над фильмами «Бегущая по волнам», «Старая-старая сказка» и некоторыми другими совпало по времени с сочинением первых истинно галичевских песен и стихов. Но поэт Галич (резко отличающийся от официального драматурга и сценариста) быстро стал в СССР «непубликуемым» и более того — «не упоминаемым».

Как уже указывалось, в записях исполнения Галичем некоторых текстов на вечерах и по радио встречаются различия по сравнению с печатным вариантом. Бывает трудно определить, в каких случаях эти различия истинны (т. е. отражают особенности авторского исполнения), а в каких связаны с неуверенной расшифровкой записей среднего качества. Тексты или заглавия, несколько отличающиеся от книжных, впервые появились в печати в четырехтомнике «Песни русских бардов» — приложении к набору кассет (Париж: YMCA-PRESS, 1978). Составитель набора кассет и этого четырехтомного к нему приложения Владимир Аллой брал

⁵ Я работал на радио «Свобода» с 1973 по 1989 г., и в редакции «Континента» с 1974 по 1992 г.

⁶ Р. Орлова в своих «Воспоминаниях о непрошедшем времени» (Анн Арбор: Ардис, 1983) приводит 1963 г. как дату написания «Леночки». Это явная ошибка, поскольку многие стихи написаны до 1963 года, но после «Леночки».

тексты с различных магнитофонных записей концертов Галича, как в СССР (до 1974 г.), так и на Западе (в 1974—1977 гг.). Наиболее существенные из доступных нам «магнитофонных» версий помещены в раздел «Другие редакции».

Есть разночтения и в бесчисленных позднейших российских изданиях, которые делались, в основном, с магнитофонных записей неизвестных лет и в которых часто игнорировались обе книги А. Галича, изданные «Посевом». Нередко в тексты вносились произвольные искажения. В своем обширном открытом письме к дочери Галича заместитель директора по науке Музея В. Высоцкого, Андрей Крылов, вполне убедительно показывает, что, например, в «локидовском» первом томе двухтомного собрания сочинений Галича «искажения внесены в тексты сознательно»⁷.

Анализ разночтений, имеющихся на магнитофонных пленках, представляет определенный интерес, но, по-видимому, практически невыполним со сколько-нибудь удовлетворительной полнотой. По предположению Е. Евтушенко (см. сборник «Нет хода нам назад», М., 1991) в России существует более полумиллиона записей песен Галича. Они выполнены на разных, в основном, домашних концертах, так что мелкие различия в текстах трудно уловимы. Кроме того, как уже было сказано, мы рассматриваем Галича в первую очередь как поэта, что означает безоговорочный приоритет зафиксированного на бумаге текста. Некоторые представляющие наибольший (с точки зрения составителя) интерес варианты, зафиксированные на магнитофонных лентах, приведены в разделе «Другие редакции».

Что касается датировки, то дату написания того или иного стихотворения установить точно чаще всего невозможно: автор очень редко подписывал дату под своими стихами и почти никогда не оставлял черновики. По его собственным словам: «Если и писал на бумаге, так черновики я выкидывал, а иногда строка за строкой сразу возникали, когда в руках было не перо, а гитара». Ленты, как правило, тоже не датированы. По этим причинам в основном корпусе приводятся только те датировки, которые даны самим автором в качестве составной части печатаемого текста. В некоторых случаях приблизительная датировка все же оказывается возможной. Например, Е. Евтушенко у себя дома слушал «Старательский вальсок» и «Вальс, посвященный уставу караульной службы» («Поколение обреченных») в 1963 г. (сб. «Нет хода нам

⁷ Вообще, к первому тому двухтомника издательства «Локид» (А. Галич. Сочинения: В 2 т. М., 1999. Т. 1. Стихотворения и поэмы / Сост. и комм. А. Петраков), где и расположение стихов, и варианты текста с авторскими часто не совпадают, следует обращаться с большой осторожностью. Вот что писал Н. А. Богомолов в рецензии на упомянутый двухтомник: «С элементарными стиховедческими понятиями А. Петраков, кажется, не знаком вообще, что приводит к смешным ситуациям. В преамбуле к комментарию он пишет: "...нельзя всецело полагаться, например, на прижизненные публикации. <...> В них <...> встречаются нарушения размера, строфики и рисунка." (??? — Н. Б.)».

назад», М., 1991), а стихотворение «Памяти Б. Л. Пастернака», исполнявшееся автором в марте 1968 года в Новосибирске на фестивале, который из-за него и стал знаменитым, написано (по свидетельству Р. Орловой) в декабре 1966 г. в Доме творчества «Переделкино». Та же Р. Орлова и ее муж, писатель Л. Копелев, свидетельствуют, что в их присутствии в декабре 1966 г. в Доме творчества в Переделкине исполнились для К. И. Чуковского «Песня-баллада про генеральскую дочь» («Караганда»), «Аве, Мария» (впоследствии — гл. 6 «Поэмы о Сталине») и «Красный треугольник» («Парамонова»)⁸ (вероятнее всего, не впервые). Эти случаи оговариваются в примечаниях.

Поскольку, по приведенным выше словам самого Галича, первая его настоящая «песня», а именно, «Леночка», датируется 1961 г., то все, вошедшее в книгу «Поколение обреченных» (П72), пост написал за период 1961—1972 гг.

Единственный известный мне автограф Галича, относящийся ко времени его пребывания за границей, — двойной тетрадный листок с черновиком стихотворения «Вальс его величества, или размышление о том, как пить на троих» (написано частично шариковой ручкой, частично поверх нее — коричневым карандашом). Его я передал в Рукописный отдел ИМЛИ (Москва) вместе с остальным западным архивом поэта⁹. Помимо упомянутого черновика в этом архиве имеются машинописные тексты трех стихотворений: «Мартовские стихи», «Майские стихи» и «Падение Парижа»¹⁰ с авторской правкой шариковой ручкой, а также машинописные тексты с началами двух (так и не законченных) романов, с тех пор уже не раз опубликованные как на Западе, так и в России. Архив этот существовал в двух копиях. Одна из них была передана мне на хранение В. Е. Максимовым. Второй экземпляр оставался у вдовы Галича и, видимо, сгорел при пожаре.

В примечаниях указывается место первой публикации стихотворения и через точку с запятой — те прижизненные авторизованные публикации, в которых текст подвергался изменениям. Последняя из них и является источником публикуемого текста. В тех случаях, когда это представляется возможным, сообщается информация о приблизительной дате написания или первого исполнения. Некоторые высказывания Галича приводятся в примечаниях составителем по памяти и по личным записям, в таких случаях источник не указывается.

Составитель благодарит Елену Кассель и Бориса Великсона за помощь, оказанную ему на всех этапах работы над книгой.

⁸ Р. Орлова, Л. Копелев. Мы жили в Москве. Анн Арбор: Ардис, 1988.

⁹ Судя по многим признакам (в том числе по тетрадной бумаге, несомненно советского производства, и по типу цветного карандаша), этот черновик написан еще в Москве и попал на Запад случайно — видимо, в багаже автора.

¹⁰ Впервые опубликованы в сборнике А. Галича «Облака плывут в Абакан» (СПб.: Издательский дом «Пенаты», 1996; составитель В. Бетаки).

Список сокращений

ВиМ — журнал «Время и мы».

Гр — журнал «Грани».

ж. Посев — журнал «Посев».

Конт — журнал «Континент».

K77 — А. Галич. Когда я вернусь. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1977.

K78 — А. Галич. Когда я вернусь: Полное собрание стихов и песен. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1978.

K86 — А. Галич. Когда я вернусь: Полное собрание стихов и песен. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1986.

ОПА — А. Галич. Облака плывут в Абакан. СПб.: Издательский дом «Пенаты», 1996.

П72 — А. Галич. Поколение обреченных. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1972.

П74 — А. Галич. Поколение обреченных. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1974.

ПРБ — Песни русских бардов: В 4 т. Париж: YMCA-PRESS, 1978 (с набором аудиокассет).

ПОКОЛЕНИЕ ОБРЕЧЕННЫХ

Я ВЫБИРАЮ СВОБОДУ

1. П72. Согласно свидетельству Е. Евтушенко, написано не позднее 1963 г.

2. П72. Посвящено сценаристу Наталье Рязанцевой. Авторская дата «22 августа 1968 г.», скорее всего, не является точной датой написания. Автор обращает наше внимание на советское вторжение в Чехословакию, осуществленное как раз в этот день. По свидетельству Р. Орловой, эта песня была впервые исполнена за три дня до демонстрации семерых правозащитников на Красной площади в знак протеста против этого вторжения. Возможно даже, что песня послужила толчком для этих семерых молодых людей, ибо впервые была исполнена в присутствии Павла Литвинова и мгновенно разошлась по магнитофонам Москвы. В K86 — опечатка: отсутствуют две строки («Мальчишки были безусы, / Прапоры и корнеты»), имеющиеся и в П72, и в П74, и в K78. Это песня-монолог, как бы от имени избранного декабристами «диктатором» С. Трубецкого, в последний момент на Сенатскую площадь не выпешедшего. *Здесь мосты, словно кони / По ночам на дыбы.* Многие петербургские мосты разводятся для прохода кораблей так, что их средняя часть поднимается вертикально двумя створками. Синод и Сенат (арх. К. Росси) — два здания, соединенные аркой, на западной стороне Сенатской площади (пл. Декабристов). *Здесь, над винною стойкой, / Над пожаром зари* — блоковские мотивы («В ресторане», «Я привожден к трактирной стойке...»), несколько неожиданные в ст-нии, формально связанном с декабристской темой. *Будут клог-товы кони / Подчиняться узде* — четыре коня на Аничковом мосту через Фонтанку, работы скульптора и изобретателя нового способа

бронзового литья барона П. К. Клодта. Эти четыре скульптурные группы как раз и изображают подчинение дикого коня узде.

3. П72. По собственным словам Галича — одна из первых его песен, написана вскоре после «Леночки», т. е. скорее всего в 1961 или 1962 г. История с обрушением Египетского цепного моста в Петербурге при проходе через него эскадрона Конно-гренадерского полка 20 янв. 1905 г. вследствие резонанса («колебательный закон» у Галича) вошла в школьные учебники физики.

4. П72. Согласно свидетельству Е. Евтушенко, написано не позднее 1963 г. Первая строка этого стихотворения — «Поколение обреченных» — дала название всей книге. *На протырку ходили в кино*. На молодежном жаргоне 30—40-х годов протыриться — протиснуться в толкотне без билетов. ПУР — Политуправление Красной Армии. *И не верить ни в чистое небо...* — намек на название довольно популярного в 1960-х гг. фильма Г. Чухрая «Чистое небо», казавшегося по тем временам смелым.

5. П72, без строф 7 и 8; П74. Это стихотворение о погибших юнкерах перекликается с песней А. Вертинского «Я не знаю, зачем и кому это нужно». Галич не раз подчеркивал, что его стихи посвящены «памяти литературного героя, Юрия Живаго, а вовсе не его автора». На многих лентах строфы 7 и 8, как и в П72, отсутствуют. В ст-нии имеются многочисленные аллюзии на роман Пастернака и его стихи.

6. П72. *Бычок* — здесь: окурок.

7. П72. *Шибер* — в лагерном жаргоне наиболее частое значение — спекулянт, а иногда скупщик краденного. Номенклатурные блага — разные бытовые преимущества, полагававшиеся по должности тем или иным партийным чиновникам, в зависимости от «ранга» (определялись документами строгой секретности).

8. П74. *Президенты земного шара* — ироническое перенесение на советскую геронтократию известного выражения В. Хлебникова «Председатель земного шара».

9. П72. Заглавие — «*Ночной дозор*» — совпадает с названием знаменитой картины Рембрандта, группового портрета городской стражи Амстердама. Здесь же весь «ночной дозор» состоит из бесчисленных скульптурных портретов одного Сталина. *Утро Родины нашей розово*. Имеется в виду картина советского художника Чуйкова «Утро нашей Родины», на которой изображен Сталин (один) на фоне полей и строительных кранов вдали. *Позывные летят, попискивая*. Имеются в виду сигналы первых советских спутников.

10. П72. *А вы валяйте, по капле / Выдавливайте раба* — перифраз слов А. П. Чехова «...по капле выдавливать из себя раба». *По капле — это на Капри* — намек на М. Горького, жившего на острове Капри до революции и несколько лет после нее, пока у него не кончились деньги... Тогда «буревестнику» пришлось вернуться в Россию.

11. П72. Кто такие Галинька и Виктор, которым посвящено стихотворение, составителю узнать не удалось. *За мною придет Другой* (в смысле: я — только Предтеча) — перифразировка слов Иоанна Крестителя. Продолжение их приведено в эпиграфе (Мф. 3—11). Там — в Понарах и в Бабьем Яре... Местечко Понары в 12 километ-

рах от Вильнюса — фашистский лагерь уничтожения. Значительная часть погибших там — это подпольщики из Вильнюсского гетто, где почти до конца войны существовало организованное вооруженное сопротивление (около 25 тыс. бойцов). Бабий Яр — место на окраине Киева, где фашисты в 1941 г. уничтожили от 100 до 200 тыс. киевлян, большей частью евреев.

12. П74. См. прим 11.

13. П72. В посвящении в П72 напечатано: В. Беньяш, следует читать Р. Беньяш. Раиса Моисеевна *Беньяш* — театральный критик, знакомая Галича. Автор работ о Ю. Любимове и Е. Копеляне. *Ну, какая-то там Маршала* — М. И. Цветаева. *Ну, какой-то там «чайник» в зоне* — О. Э. Мандельштам. *Я не увижу знаменитой Федры* — первая строка ст-ния Мандельштама из сборника «*Tristia*». *Успокой меня беспокойного* — строка из ст-ния Дениса Давыдова «На голос известной русской песни» (1834 г.?). «Я другой такой страны не знаю, / Где так вольно дышит человек» — строки из «Песни о родине», слова Лебедева-Кумача. Написана в 1935 г. и через короткое время (незадолго до самого кровавого 1937 г.) дополнена новыми куплетами, пересказывающими некоторые статьи о разнообразных гражданских свободах из опубликованной тогда же «сталинской конституции». *Не сугите, да не сугимы...* — из нагорной проповеди (Мф. 7; 1) *Нас не трогай, и мы не тро...<нем>*» — строка из пропагандной песни середины 30-х годов:

Нас не трогай, и мы не тронем,
А затронешь, — спуску не дадим,
И в воде мы не утонем,
И в огне мы не сгорим.

Интересно, что автор «слов» просто не знал иронического смысла народной поговорки, из которой сделал две последние строки: в поговорке имеется в виду ловкий жулик, а в песне — это «геройство» советских людей.

14. П72.

15. П72.

16. П72. В некоторых записях вместо: «Без толку, зазря» — «Напрасно, зазря». Слова «в крестах и в нашивках» говорят о солдатах Первой мировой войны, тогда как «полегла в сорок третьем пехота» указывает на вторую мировую. Это сделано не случайно: охота «номенклатурного лица» топчет всю русскую историю! В одной из передач по «Свободе» (1975 г.) Галич сообщает конкретный повод, по которому написана «Ошибка»: это охота Н. Хрущева с его «гостем» Ф. Кастро 15—18 января 1964 года. Видимо, стихотворение написано вскоре после этого.

17. П72. С. М. Михозлс (Вовси), (1890—1948) — гениальный актер и режиссер, создатель и руководитель Еврейского Театра в Москве (Госет). Убит в Минске по приказу Сталина. По одной из бытовавших версий, когда Михозлс вышел из театра, за ним погнался грузовик и, развернувшись поперек улицы, вдавил его в стену (подробнее — в мемуарах Натальи Михозлс-Вовси. — ВиМ. 1976. №3). В одной радиопередаче и в книге «Генеральная репе-

тиция» Галич приводит свой разговор с Михоэлсом незадолго до гибели режиссера (см. вступительную статью).

18. П72, без эпиграфа; П74. *Вургорова Фрида* Абрамовна (1915—1965) — знаменитая московская учительница и писательница. Автор трилогии о макаренковском воспитаннике С. Калабалине (в книгах — Карабанов). Записала в суде первую половину процесса И. Бродского. Она первая сказала Галичу, после того как он написал несколько песен: «Это то, что Вы должны делать». Вскоре после ее смерти А. А. Галич сказал Р. Орловой: «Теперь после каждой моей новой песни не могу не подумать: а Фрида уже этого не узнает». (Р. Орлова, Л. Копелев. Мы жили в Москве. App Arbor, 1988).

19. П72. Эти стихи — полемика с теми «патриотами», которые хотели бы отлучить «лиц еврейского происхождения» от русской культуры. Описанные в первых строфах еврейские обряды соседствуют тут с голосом Арины Родионовны как с символом корней русской культуры. *Nut negayge* (идиш) — «не унывай». У Маяковского есть стихотворение, из цикла об Америке, о летнем лагере еврейских комсомольцев («Это комсомольцы кэмпя "Нит гедайге" / песней заставляют плыть в Москву Гудзон»).

20. П72. Существует ранний вариант: вместо 8 последних строк четыре других (в П74 этот ранний вариант дается в сноске, см. в разделе «Другие редакции»). Здесь печатается по последнему авторскому тексту. «*Лехаим*» (иврит) — буквально: «За жизнь!». Традиционный еврейский тост. *Лансергак* — длинный, как правило, черный, кафтан. Типичная мужская одежда в еврейском местечке конца XVIII — начала XX вв. *Аксельбант* — нитяной плетеный шнур (золоченый, серебряный или цветной), принадлежности формы адъютантов, высших офицеров царской армии.

21. П72. В К77 впервые напечатано другое стихотворение с тем же рефреном (№ 123 наст. изд.). Кроме рефрена, у № 21 и № 123 общая первая строка и последнее пятистишие. Ср. известную «подблюдную песню» К. Рылеева «Ах, где те острова, / Где растет трын-трава...». Эти строки Галич взял эпиграфом к № 123.

22. П72. В более позднем издании АПН (А. Галич. Избранные стихотворения. М., 1989), ст-ние напечатано по более ранней авторской рукописи¹¹: название этого стихотворения «Пропавшая рифма», а рефрен «По морям по волнам» повторяется только в конце строфы, а не после каждой первой и второй строчки каждой строфы, как во всех изданиях «Посева». В разных записях рефрен исполняется по-разному. Сам рефрен взят из народной песни «Ты моряк, красивый сам собою»: «По морям, по волнам, / Нынче здесь — завтра там». Эпиграф — из ст-ния В. Маяковского «Разговор с фининспектором о поэзии» (1926). *Хоть всю землю шагами*

¹¹ «...А первая книжка лежала у бабушки на Бронной, ее еще дед переплел. Папа подписал ее. Им же она была перепечатана на машинке. В общем, домашний самиздат» (А. Архангельская-Галич. Вместо предисловия // А. Галич. Избранные стихотворения. М., 1989. С. 41). Дата «изготовления» этой книжки неизвестна.

выстели — ср. «Дай хоть последней нежностью выстелить / Твой уходящий шаг» (В. Маяковский, «Лиличке! Вместо письма»).

23. П72. Посвящено Ангелине Николаевне Галич. На ранних лентах и в изд. АПН 1989 предпоследняя строка в другой редакции.

24. П74. На некоторых лентах и в ПРБ на две строфы длиннее. Маршалский жезл в заплочном мешке — образ из старинной французской поговорки. Русский аналог «Плох тот солдат, который не хочет стать генералом».

25. П72. *Я один. И пустые подмостки* — переключка со стихом Б. Пастернака «Гамлет» («Гул затих. Я вышел на подмостки...»). Стихотворение ассоциируется с циклом П. Антокольского «Гамлет»:

...И триста лет меня любила юность
За фальшь афиш, за лунный сон кулис,
Мы целовались там, где негде сплунуть,
Где нечем жить — мы жизньнюю клялись...

26. П74. «Прошлое ведь никуда не денется, хорошее или плохое, но оно всегда есть...», — сказал об этих стихах Галич в разговоре с составителем. *Когда-нибудь дошлый историк / Возьмет и напишет про нас* — ср. «Какой-нибудь поздний историк / Напишет внушительный труд...» (А. Блок, «Друзьям», 1908).

ОБЛАКА ПЛЫВУТ В АБАКАН

27. П72. Тут отразилась биография двоюродного брата Галича Виктора, отбывшего в лагерях 24 года. Брату, по словам поэта, он «наверное, вообще обязан тем, что стал писать...». *Шмон* — обыск. *А мне четвертого — перевод...* Имеется в виду присылаемая по почте пенсия.

28. П72.

29. П72, без строф 7 и 8; П74. Заглавие стихотворения заимствовано у В. Маяковского. Откровенно пародийно.

30. П72.

31. П72. Посвящено Варламу Шаламову, автору «Колымских рассказов». Сюжет стихотворения переключается с шаламовскими сюжетами. Из-за этого большее, чем обычно у Галича, «сгущение» лагерного жаргона. *Вышка* — здесь: расстрел. *Вертухай* — конвоир (от «команды» «не вертухайся», происходящей из неграмотного украинского).

32. П72. Юрий Домбровский (1909—1978) — русский писатель, автор романов «Обезьяна приходит за своим черепом», «Смуглая леди сонетов», «Хранитель древностей» и «Факультет ненужных вещей». *Миссолонги* — городок в Греции, где умер Дж. Г. Байрон. В П72 опечатка: в кавычки взято только слово «Лихорадка», а не полностью последние полторы строки стихотворения.

33. П72. Первый эпиграф из стихотворения А. Пушкина «19 октября 1825 года»: «Нам целый мир — чужбина, / Отечество нам Царское Село». С этими словами у Галича ассоциируется один из известных

лозунгов Французской революции «Граждане, Отечество в опасности». Второй эпиграф — из знаменитой матросской, а затем и анархистской песенки «Яблочко», очень популярной и среди белых, и среди красных участников Гражданской войны. *Был май без края и конца, Жестокая весна!* — ср. у Блока: «О, весна без конца и без краю — / Без конца и без краю мечта!» (1907); ср. его же «Май жестокий с белыми ночами!..» (1908). Но у Галича вместо мажорности тяжелая минорность. Отчасти перекликается с Окуджавой: «А как первая война — да ничья вина, / А вторая война — чья-нибудь вина. / А как третья война — лишь моя вина, / а моя вина — она всем видна». Галич обращается к распространенному сюжету: родные братья встречаются как враги на гражданской войне (см., напр., балладу М. Голодного «Судья Горба» и ст-ние Д. Алтаузуна «Баллада о четырех братьях»).

34. П72. *Вохровцы* — охранники. *Вохра* — вооруженная охрана.

35. П72. Загл. — ироническая отсылка к известному пушкинскому ст-нию «Желание славы» (1825). Эпиграф — строки из ст-ния А. Блока «Русь моя, жизнь моя, вместе ль нам маяться?» На некоторых лентах есть вариант строчки: «Больно ловки вы, зека...», где вместо «зека» — «жиды». Строки «Я гражданские скорби / Сервирую к столу» стали, как, впрочем, и многие другие строки А. Галича, поговоркой уже в конце шестидесятых годов.

36. П72. На некоторых лентах под загл. «Атлант». Как верно заметил в краткой, но очень емкой статье Лев Аннинский, тут явная полемика с романтическими «Атлантами» А. Городницкого. (См. вступительную статью Л. Аннинского к книге Галича «Песня об отчем доме», М., 2003.)

37. П72. В основе ритма плясовой мотив, что напоминает «Пляски смерти» Мусоргского. «*О Сталине мудром...*» — песня тридцатых годов, звучавшая по радио чуть ли не ежедневно до самой смерти Сталина.

38. П72. Фаустовские мотивы, наложенные на суровый ритм киплингских баллад, снижаются тут безмерной иронией последней строки, и эта неожиданность делает сюжет более жутким. В ПРБ, как и в авторском исполнении почти на всех известных мне лентах, после третьего и шестого четверостиший следует рефрен: «Аллилуя, Аллилуя, /Аллилуя, — потом!» В книжном же тексте — рефрен приведен только один раз, в конце стихотворения.

39. П72. Частушечный лад строфы «тенора» и трагический чеканный лад баритона сменяются насмешливыми ритмами «Камаринской», до гротеска усиливающими лицемерное отношение этих людей друг к другу. *Сучок* — здесь: дешевая плохая водка. *Лишенцы* — в первые послереволюционные годы люди, лишённые гражданских прав. *Четвертак* — здесь: 25 лет лагерей. *Всю вселенную проедешь, — не найдешь* — издевательский перифраз песни «Всю-то я вселенную проехал, / Нигде милой не нашел».

40. П72. Эпиграф — начало романса (текст Петра Вейнберга), ставшего источником целой традиции в фольклорном городском романсе, вплоть до открыто пародийного «Я был батальонный разведчик, а он писаришка штабной». Стихотворение Галича на не-

которых лентах называется «Караганда». Написано до дек. 1966 г. (по свидетельству Р. Орловой и Л. Копелева). *Сучок* — здесь: бранное слово (жаргонный мужск. род от слова «сука»). «Хлеб насущный наш дай нам, Боже, днесь» — перифраз молитвы «Отче наш».

«ЭРИКА» БЕРЕТ ЧЕТЫРЕ КОПИИ

41. П72. Посвящено Леониду Ефимовичу Пинскому (1906—1981), другу Галича, автору классических работ о Данте, Сервантесе, Рабле, Шекспире, Ф. Вийоне и фундаментального труда «Реализм эпохи Возрождения». В начале 50-х годов Л. Е. Пинский был арестован, сидел в лагерях. Позднее, кроме научной деятельности, много времени уделял распространению запрещенной в СССР литературы¹². Пинский был в числе немногих друзей, провожавших Галича 25 июня 1974 года в аэропорту Шереметьево: «Стоял последний провожающий / В кругу бессменных стукачей» (см. № 164).

42. П72. А. И. Полежаев (1804—1838) — русский поэт. По приказу Николая I за поэму «Сашка» был в 1826 г. отдан из студентов в солдаты «без права выслути». Четыре года воевал на Кавказе. Умер в Лефортовском военном госпитале. «Славно, братцы, славно, братцы, славно, братцы егеря, рать любимая царя» — строки из солдатской песни середины XIX в. *Ментик* — очень короткая опушенная мехом накидка, часть гусарской формы. *Лепажевы стволы* — дуэльные пистолеты работы французского оружейника Лепаж (конец XVIII — начало XIX вв.). Ср. у Пушкина: «Стволы Лепаж роковые» («Евгений Онегин», гл. 6, строфа 25).

43. П72. Написано в декабре 1966 г. Иногда Галич предварял это стихотворение сообщением, что оно относится к циклу «Литераторские Мостки» (как и шесть последующих стихотворений, № 44—49). Этот цикл был расформирован Галичем еще в Москве. *И терзали Шопена лабухи*. Лабухи — оркестранты (на жаргоне оркестрантов военных и послевоенных лет). Лабать — играть. Слово происходит, возможно, от латинского корня, означающего «губы», его первоначальное, узкое значение — музыканты, играющие на духовых инструментах. В Переделкинском доме Пастернака оркестра не было, играли пианисты М. Юдина, Г. Нейгауз и другие. *Он не мыл петли в Елабуге* — намек на самоубийство М. И. Цветаевой. *И с ума не сходил в Сучане* — имеется в виду О. Э. Мандельштам. «Мело, мело...» — строки из ст-ния Пастернака «Зимняя ночь». «Гул затих...» — строки из ст-ния Пастернака «Гамлет» (оба из стихов к роману «Доктор Живаго»).

44. П72. Есть более ранний вариант этого ст-ния под названием «Кресты» (см. в разделе «Другие редакции»). *Шпалерная* (в советское время — улица Воинова) — улица в Ленинграде, на которой находится «Большой дом», т. е. Управление КГБ и его тюрьма. «А так как мне бумаги не хватило, / Я на твоём пишу черновике» —

¹² Составитель неоднократно (вплоть до отъезда в эмиграцию в 1973 г.) передавал Л. Е. книги, доставленные с Запада.

эпиграф к Посвящению первому «Поэмы без героя» А. Ахматовой. *Над черным бернгардовским небом.* Бернгардовка — станция и дачный поселок на карельском перешейке, где, как полагают, расстрелян первый муж Ахматовой поэт Николай Гумилев. *Осудят мычанием слово.* Имеется в виду доклад А. Жданова «О журналах "Звезда" и "Ленинград"», после которого А. Ахматова (уже не первый раз) была «запрещена к публикациям». *А только бы знать, что живой.* Имеется в виду арестованный сын А. Ахматовой, историк Лев Николаевич Гумилев. *Уходит в ночь девчонка / Пытать твою судьбу... Искать свои «Кресты».* Речь идет о новом поколении интеллигенции, повторяющем путь старшего. ...*по Пряжке* — на реке Пряжке находится не только последняя квартира А. Блока, но и одна из ленинградских психиатрических больниц. ...*через Прагу* — возможно, ассоциация с советским вторжением в Чехословакию в августе 1968 г., четко обозначившим конец «оттепели».

45. П72. Посвящено памяти Михаила Зощенко (1895—1958), подвергнувшегося преследованиям со стороны властей вместе с А. Ахматовой (см. прим. к № 44). *Обезьянка спала на плече у шарманщика.* Обезьянка возникает не случайно: в докладе Жданова (см. прим. 44) главному удару подвергся юмористический рассказ М. Зощенко «Про обезьянку», которой лучше жить в зоопарке, чем в обычной советской квартире у обычных советских обывателей. *На солках Манчжурии* — популярный вальс нач. XX века, композитор И. Шатров. *Спит гаолян... Вот из-за туч... Спите, герои...* — строки из текста к этому вальсу. Вальс, исполняемый шарманщиком, ассоциируется с эпизодами из биографии М. Зощенко, в прошлом боевого офицера, как бы заживо похороненного официальными советскими верхами. Известно, что последний год жизни писатель не ел ничего вне дома, боясь отравления. Отсюда и бутылка боржома. *Толстомордый подолок с глазами обманщика* — А. А. Жданов.

46. П72. Посвящено памяти писателя Даниила Хармса (Д. И. Ювачева, 1905—1942). В П72 в посвящении вместо «Даниил Иванович Ювачев», напечатано «Александр Иванович Урвачев». Д. Хармс — участник группы ОБЭРИУ, замечательный поэт, сотрудник Ленинградского «Детгиза», иногда писавший в соавторстве с С. Я. Маршаком, был в 1941 г. арестован на улице. *И с той поры исчез.* Стихотворение построено на сюжете и строках детской песенки Д. Хармса «Из дома вышел человек». Д. Хармс умер в тюремной больнице в 1942 г. *Кошка на трубе* — из стихов поэта, тоже обериута, Н. Олейникова (1898—1937). Строки про зайчат — видимо, стилизация в манере Д. Хармса.

47. П72. О. Э. Мандельштам (1891—1938) был арестован в Москве в 1934 г. (см. первый эпиграф к стихотворению). *Сосег* — поэт Семен Кирсанов. Начало его творчества связано с ЛЕФом и Маяковским. Затем многие годы Кирсанов был вполне официальным советским литератором, что (в сочетании с впечатлением от резких высказываний о нем Н. Я. Мандельштам в ее мемуарах) и обусловило негативное отношение Галича (по моему мнению — несправедливое). В последние годы жизни Кирсанов вновь проявил себя как настоящий поэт (в поэме «Сказка о царе Максе-

Емельяне», в циклах «Следы на песке» и «Высокий раек» и, особенно, в поэме «Семь дней недели»), после чего его почти перестали печатать. ...жирные пальцы — ср. «Его толстые пальцы, как черви, жирны» (О. Мандельштам, «Мы живем, под собою не чуя страны...» (1933) — ст-ние, явившееся причиной ареста). *Якобинство* — возможно, имеется в виду знаменитое стихотворение-сатира О. М. на Сталина («Мы живем, под собою не чуя страны») или же его известная «Присяга чудная четвертому сословью» («1 января 1924», 1924). *Щелкунчик-скворец* — ср. у Мандельштама: «...Щелкунчик, дружок, дурак! / А мог бы жизнь просвистать скворцом...» («Куда как страшно нам с тобой...», 1930). *И только и света...* — цитата, а далее перифразы из стихотворения Мандельштама «Я буду метаться по табору улицы темной...» (1925), только карета из ст-ния Мандельштама превращается у Галича в «воронок», арестантский транспорт. *На что ты истратил свои золотые* — ср. у Мандельштама: «Разменяйте мне мой золотой» («Золотой», 1912). Одиссея О. Мандельштама, — его биография. Ассоциация, возможно, отчасти вызвана тем, что творчество О. М. пронизано античными мотивами и аллюзиями. *Ханжа* — здесь: китайская водка. *И некому молвить...* — опять цитата из того же ст-ния. О. Э. Мандельштам, как известно, был этапирован на Дальний Восток, где и умер в пересыльном лагере.

48. П72. В ст-нии речь идет об А. Блоке. *Монополюшка* — трактир низшего разряда (название — от водочной гос. монополии). *Кому чару пить...* и т. д. с подстановкой имени поздравляемого — обычная заздравная цыганских хоров в трактирах. *Половой* — официант в трактире. Иногда он же и уборщик. *И про поле, и про дорогу, / И про сумерки, и про зори* — перечисление хрестоматийных блоковских мотивов. *И про милых, ушедших в море* — ср. у Блока: «О всех кораблях, ушедших в море» («Девушка пела в церковном хоре...», 1905). «*Соловьиный сад*» — знаменитая поэма А. Блока.

49. П72. А. Н. Вертинский (1889—1957) — знаменитый певец, поэт, композитор (по словам Б. Окуджавы, «прямой предшественник многих из нас»). После революции — эмигрант. В СССР вернулся после Второй мировой войны, снялся в нескольких фильмах, но выступать публично ему разрешили только в конце пятидесятых годов. Выступал он нечасто. Умер прямо на сцене. *Эти греки из Трои* — намек на ст-ние Мандельштама «Я скажу тебе с последней прямокой...». В Париже в начале тридцатых годов Вертинский пел романс на эти стихи. *Сероглазый король* — романс Вертинского на стихи Ахматовой. *Из рыжей Бразилии крейсер* — перифраз из романса Вертинского на стихи Игоря Северянина:

А когда придет бразильский крейсер,
Лейтенант расскажет нам про гейзер,
Про ключи и сопки на Камчатке,
Где культура только лишь в зачатке.

И тихая пани Ирэна... — перифраз из романса А. Вертинского «Я безумно боюсь золотистого плена / Ваших медно-змеиных волос, / Я влюблен в ваше тонкое имя Ирэна...». Романс был обращен к

жене польского диктатора Пилсудского. Профессор В. В. Вейдле¹³ рассказывал составителю в Париже, что за публичное исполнение этого романа в Варшаве Вертинский был выслан из Польши в 24 часа. *Прощальный ужин* — один из самых знаменитых романсов Вертинского.

50. П72. *Только тут меня позвали к Семичастному*. Семичастный — некогда первый секретарь ЦК Комсомола, затем, по кремлевскому обычаю, председатель КГБ.

51. П72; П74. Еще один, последний вариант, который Галич исполнял в Париже и во Франкфурте, имеет на две строфы больше, но этот вариант почему-то в книгу не попал. Он есть в ПРБ. (См. в «Других вариантах»). На всех концертах после июня 1974 г. исполнялся в этом, наиболее полном варианте.

52. П72, под загл. «Евгению Евтушенко», с эпиграфом; П74. Название «Так жили поэты» — цитата из ст-ния А. Блока «Поэты» (1908); у Блока сначала «Там жили поэты», затем: «Так жили поэты». На некоторых лентах загл. такое же, как в П72. Эпиграф в П72 — четверостишие Н. Глазкова:

В воде проживают рыбы,
На солнце бывают пятна...
Поэты дружить могли бы,
Но мнительны невероятно.

Хотя в П74 название изменено, но рифма «седла» и «всегда» — уже сама по себе — узнаваемо «евтушенковская», с его «тавром». По мнению исследователя творчества Галича и Высоцкого, Андрея Крылова (см.: А. Крылов. О трех «антипосвящениях» Александра Галича // Конт. 2000. № 105), с которым составитель полностью согласен, первоначальное название и эпиграф сняты самим автором. Стихотворение перекликается со строками Галича «Помним мы, что движение направо / Начинается с левой ноги». («Вальс, посвященный уставу караульной службы»).

53. П72. Ст-ние связано с кампанией против абстракционизма и нестандартного искусства вообще, развернутой в последние годы правления Хрущева. Дж. Поллок — американский художник и скульптор, один из крупнейших абстракционистов. *Кубанская* — сорт дешевой водки. *Вроде некрута* — диалектное произношение слова «рекрута».

54. П72.

55. П74. Есть только в книгах. На всех известных мне лентах и даже в ПРБ этого стихотворения нет. В авторском чтении я тоже никогда его не слышал.

56. П74. В ПРБ с незначительными изменениями. Написано в связи с исключением Галича из Союза Писателей в начале 1972 года. Видимо, Крысолов из Гаммельна спасает Детство как таковое, уводя

¹³ Владимир Васильевич Вейдле — искусствовед, литературовед, самый молодой профессор Петербургского Университета. Эмигрировал после того, как Ленин в 1922 г. (на так наз. «Философском пароходе») выслал из Советской России 120 ученых. Кавалер французского ордена «Заслуг в литературе».

поэта из города «жутких рож». Подальше от всего, что грозит наивности, детству и бескомпромиссности. *Дубовая ложка* — одна из комнат на втором этаже Центрального дома литераторов в Москве.

57. П74. На известных мне лентах и в ПРБ этого стихотворения нет. Видимо, никогда не пелось. В авторском чтении я тоже ни разу его не слышал. «*Ихь штэрбе*» (нем. «Ich sterbe») — «Я умираю», последние слова А. П. Чехова.

58. П72. Подражание Аполлону Григорьеву. Рефрен и эпиграф — перифразы из стихотворения А. Григорьева «Цыганская венгерка». У Григорьева: «Чибиряк, чибиряк, чибиряшечка, / С голубыми ты глазами, моя душечка». *Про ночи у костра* — намек на пионерскую песню «Взвейтесь кострами, синие ночи».

59. П74. Галич чаще всего пел это стихотворение, вставляя дополнительные строки после 3, 6 и 9 четверостиший.

60. П74. Это стихотворение Галич пел редко. На некоторых выступлениях он его читал без музыки, никак не называя.

61. П74. Написана в 1972 г.

62. П72. Написана в середине шестидесятых. Квинт *Гораций Флакк* — римский поэт (65 г. до Р. Х — 8 до Р. Х), аристократ, владетель большого поместья, друг Мецената и сторонник императора Октавиана Августа. Здесь; официально признанный властями поэт. «*Эрика*» — марка недорогой портативной пишущей машинки. Стихи эти — о непризнанных и неофициальных поэтах и художниках («*тунеядцы Несторы и Пимены*»), ежедневно рисковавших ссылкой на принудительные работы за то, что «нигде не числятся на работе». Наиболее известный случай — процесс и ссылка Иосифа Бродского.

63. П74. Он *едва на пять шагов слышен* — ср. у Мандельштама: «Наши речи за десять шагов не слышны» («Мы живем, под собою не чуя страны...», 1933).

ЖУТКОЕ СТОЛЕТИЕ

64. П72. На некоторых лентах загл. «Парамонова». По свидетельству Р. Орловой и Л. Копелева, написано между 1961 и 1966 гг., а по свидетельству Е. Евтушенко — около 1963 г. «*Красный треугольник*» — название завода резиновых изделий в Ленинграде. Здесь так иронически назван «советский» любовный треугольник. *ВЦСПС* — Всесоюзный центральный совет профессиональных союзов. *Все в буфет за сардельками* — дефицитные продукты продавались в ведомственных буфетах, где их могли купить только чиновники соответствующего ранга и те, кто их обслуживает, или же их распродажа приурочивалась к собраниям и праздникам для привлечения большего числа участников. *Схлопотал он строгаца с занесением* — получил строгий выговор с записью в «Личное дело» — последняя мера перед «оргмерами», выражавшимися в понижении в должности, исключении из партии или (и) увольнении. «*Пекин*» — модный в шестидесятые годы и единственный тогда в Москве китайский ресторан (на пл. Маяковского). «*Дюрсо*» («Абрау-дюрсо») — марка хорошего крымского вина.

65. П72. На некоторых лентах загл. «Касса щелкает». *Веселый разговор* — цитата из ст-ния Ольги Берггольц «Призывная» (1926—1927 гг.). Вместе с предыдущим стихотворением и с «Песней о синей птице» на некоторых московских лентах и в старой рукописи Галича (см. сноску к коммент. 22) составляло цикл из трех стихотворений «Разноцветные песенки». Впоследствии Галич «отменил» этот «цикл», носивший, по его словам, характер сугубо формальный: «ведь смена цветов отнюдь не отражает главного в этих стихах». *По сто тридцать пятой* — по статье уголовного кодекса о хищениях. *На этап пошла* — т. е. в лагерь. Этап — доставка осужденных в лагерь, длившаяся иногда месяцами.

66. П72. На некоторых лентах загл. «Тонечка». Одно из самых широко известных (чаще под вторым названием) стихотворений. Ходили слухи о том, что мужской персонаж, от имени которого произносится это стихотворение, не кто иной, как А. Ад-жубей, редактор «Известий» и зять Н. С. Хрущева, а женщина, которую герой променял на «сладкую жизнь», — известная кинозвезда Быстрицкая. Из подобного распределения ролей вытекало, что «дура-Тонька» это — дочь Хрущева Рада Никитична, многолетний главный редактор журнала «Наука и жизнь». Галич полностью отрицал эти народные домыслы, о чем неоднократно заявлял на выступлениях, отвечая на вопросы. *Лайки цеховские* — особое снабжение из спец. распределителя для членов Центрального комитета КПСС. Людмила Целиковская — кинозвезда 40-х годов, игравшая с максимально допустимой тогда, весьма робкой эротичностью. *За машину за его персональную*. Высокопоставленным советским чиновникам полагалась в полное распоряжение машина с шофером. (С одной стороны это показывало, что собственности у них нет, а с другой, было показателем ранга: чем выше положение, тем лучше марка машины, которая обязательно была советского производства). *Топтуны* — здесь: охранники.

67. П72. 1961 г. По словам автора, это первая написанная им «песня». *Машины, чай, не в шашечку* — то есть, не какие-то там такси! *Сигит с моделью выппела*. Здесь выппел — это макет первого советского предмета, закинутого в космическое пространство (по форме он напоминал футбольный мяч с надписью «СССР»). *Вся в тюле и в панбархате* — платье из этих, обычно отсутствовавших в свободной продаже материалов, считалось в 50-х годах высшим шиком и было знаком особого престижа. (Как в сказке звучало бы «вся в серебре и золоте», тут своего рода советская версия сказки о Золушке).

68. П72. *Влипнешь в данной ситуации / И пыли потом как конница*. В советских гостиницах «нахождение в номере посторонних лиц» могло быть приравнено к проституции, за этим могла последовать административная (без суда) высылка из города на принудительные работы.

69. П72. Стихотворение состоит как бы из обрывков разговоров в транспорте, перебиваемых рекламой. Здесь, как и во многих других ст-ниях Галича, слышна переключка с прозой Михаила Зощенко. ЦУМ — Центральный универмаг Москвы.

70. П72. *Раковая щечка* — машина скорой медицинской помощи.

71. П72. Одно из самых знаменитых в 60-х годах стихотворений А. Галича. «*Жигулевское*» — самое дешевое пиво. «*Дубняк*» (официально «Горный дубняк») — водка, настоянная на дубовых листьях.

72. П72 *Ничего не понять физикам, / Не понять ничего лирикам* — намек на модные дискуссии о «физиках и лириках», толчком для которых послужило стихотворение Б. Слуцкого «Физики и лирики», написанное в 1959 г.: «Что-то физики в почете, / Что-то лирики в загоне».

73. П72. На нескольких лентах есть посвящение Е. Венцель. Е. С. Венцель — доктор математических наук (она же писательница И. Грекова), многолетний близкий друг и неоднократно соавтор Галича в кинодраматургии.

74. П74. Стихи о фатальном непонимании между поколениями. Ассоциируется со стихотворением А. Блока «Балаган» (1906).

75. П72.

76. П74. Посвящено генералу Петру Григоренко, который был заключен на несколько лет в спец. психиатрическую больницу за выступление в защиту прав крымских татар и против тогдашней «линии партии», а затем выслан за границу.

77. П72. Единственное стихотворение Галича, написанное верлибром.

78. П72. *Я вижу, как горят черновики, / Я слышу, как гудят грузовики, / Как сапоги охранников грохочут.* Имеется в виду уничтожение Сталиным в 30-х годах цвета грузинской интеллигенции, гибель поэтов П. Яшвили, Т. Табидзе и многих других менее известных литераторов. *Непленный голос Нины Чавчавадзе.* Нина Чавчавадзе, жена А. С. Грибоедова и дочь грузинского поэта Александра Чавчавадзе, похоронена на склоне горы Мтацминда в самом центре Тбилиси. Недалеко, на горе св. Давида, похоронен и Грибоедов.

79. П72. Название — цитата из Грибоедова: «Как посмотреть да посравнить / Век нынешний и век минувший — / Свежо предание.... («Горе от ума», Действие второе, явление второе). «...она посвящается Эльсбергу. Это такой человек, который был... официальным стукачом при Союзе писателей. Его пытались году в пятьдесят седьмом исключить из Союза... Его сначала, было, исключили из Союза и из партии, но потом его восстановили и в Союзе, и в партии» (комментарий А. Галича с некоторых московских и парижских лент). Он же не раз упоминал и о другом «официальном стукаче ССП», директоре изд-ва «Советский писатель» Лесючевском: «такие люди всегда пригодятся». К. И. Чуковский в дневниках называет несколько имен жертв Эльсберга: Исаака Бабеля, М. Ю. Левидова и С. А. Макашина. Литературовед Л. Е. Пинский (см. прим. 41) был посажен тоже по доносу Эльсберга (подробнее см. в статье Андрея Крылова «О трех "антипосвящениях" Александра Галича» (Конт. 2000. № 105), а также в «Воспоминаниях» Н. Я. Мандельштам (Т. 1. Нью-Йорк, 1970. С. 39—40)).

80. П72. На некоторых лентах есть прозаическая ремарка в роли эпиграфа: «Человек идет пьяненький. Странная ночь, все

развезло. Он вспоминает стихи и вслух как бы отвечает на них». На других лентах есть еще и добавление к этому тексту: «А чаще других вспоминает такую строчку из письма Пушкина брату Льву: «Пишут мне, что Батюшков помешался. Быть нельзя!» *Ночная улица. Фонарь. / Канал, Аптека* — видеоизмененная цитата из ст-ния А. Блока «Ночь, улица, фонарь Аптека...» (цикл «Пляски смерти»).

81. П72. *Не пришел, а ушел, мы потом это поняли, Белый Христос* — тут перекличка с Блоком, причем не только с поэмой «Двенадцать», а еще и с образами заснеженного Петербурга вообще. Сюжет у Галича оборачивается одновременно и гоголевским, и зощенковским. Но в этой новогодней фантаσμαгории сатирические мотивы переплетаются с лирическими, связанными с новогодними, рождественскими, именинными мотивами поэзии Пастернака.

82. П72.

83. П74. Загл. — пародийное цитирование строки из Евгения Онегина («А счастье было так возможно...»).

84. П72. Загл. — пародийное повторение названия известной повести Л. Н. Толстого.

85. П72. По словам Галича на некоторых концертах в Париже и в разговоре с составителем, написано в соавторстве с Г. Шпаликовым.

86. П72. В 1975 г. в передаче по «Свободе» Галич сопоставляет героя этого стихотворения с Верным Русланом, караульным псом из одноименной повести Георгия Владимова. Это «история о людях, совершенно искалеченных парадоксальной психологией». *Хожалочка* — медсестра. *Я возил его, паглу, на «Чаячке»*. Автомобиль «Чайка» свидетельствует об очень высоком положении начальника в партийно-хозяйственной иерархии. Например, первому секретарю райкома или инструктору обкома полагалась лишь «Волга». *Дал упаковочку* (жарг.) — умер. *Гражданка* — здесь: жизнь вне армии, обычно после армии.

87. П72. Загл. повторяет многократно использованное в уличных лозунгах выражение из конституции СССР. *Первач* — самый чистый (первый) самогон. *Рижское* — сорт хорошего пива. *Белые Столбы* — здесь: психиатрическая лечебница под Москвой. *Литер* — в 1942—1946 гг. в СССР документ на получение чего-либо дефицитного в количестве большем и лучшего качества, чем по обычным продуктовым карточкам низших категорий. ВПШ — Высшая партийная школа, окончание которой облегчало продвижение по партийной иерархии. Поступить туда можно было только с очень серьезными партийными рекомендациями. Для персонажа этого стихотворения окончить ВПШ и стать президентом США — события почти равной вероятности.

88. П72. *И айда за той фатовой*. Здесь: за отчаянной, бойкой красоткой. *ОСО* — «особый отдел» (отделение КГБ) в армейских частях и на военных заводах. *Званье русского майора променял на пятый пункт*. «Пятый пункт» — пятая графа в паспорте (национальность). Это выражение употреблялось, как правило, для обозначения евреев (слово «еврей» было как бы неприлично, можно было сказать «у него непорядок с пятым пунктом» и даже «инвалид пятого пункта»).

89. П72. *Шесть с половиной миллионов* — число евреев, погибших в Катастрофе. *Красавчик, фашистский выкормыш, увенчанный нашим орденom и золотой звездой* — египетский диктатор Гамаль Абдель Насер, во время Второй мировой войны сотрудничавший с фашистами, которому Хрущев пожаловал звание Героя Советского Союза, до того присуждавшееся только советским гражданам. *Должно быть, с Павликом Коганом / Бежал ты в атаку вместе.* Павел Коган — молодой поэт, ровесник Галича, погибший на советско-германском фронте. Автор песни «Бригантина». *Арон Копштейн* — молодой украинский поэт, погибший на финском фронте в 1940 г. *Апельплац* — центральная площадка гитлеровского концлагеря. *Три с половиной миллиона осталось для ровного счета* — численность населения Израиля во время Шестидневной войны в 1967 году.

90. П72. По словам Галича, написано в соавторстве с Г. Шпаликовым (радиопередача «Свободы», 1975 г.).

91. П72. *Голосят рупора* — радиорупора на улицах больших городов с военного времени и примерно до 1953 года были включены постоянно. Выключать их запрещалось. Из них звучала изредка музыка, но чаще известия и пропагандные передачи. В часы, когда передач не было, из них слышно было тиканье метронома. *Местком* — нижнее звено профсоюзной иерархии. Официальной задачей этого «комитета» было заботиться о «бытовых нуждах трудящихся». *Двести любительской.* Любительская колбаса — сорт дешевой вареной колбасы. *Трофейная трубка* — говорит о том, что персонаж, от имени которого идет повествование, воевал в 1941—1945 гг.

92. П72. В некоторых записях третья строфа слегка изменена.

БАЛЛАДЫ

93. П72. В П74 опечатка: строчка «А песня крепчает...» ошибочно повторена дважды. *Ярославна в Путивле, Рукав не омочим в Каяле* — образы из «Слова о полку Игореве». *Умываю руки* — слова Понтия Пилата, в конце концов уступившего требованиям толпы и первосвященника и утвердившего смертный приговор Иисусу. *...поет о тачанке / Усердное время, бессмертный гончар.* Имеется в виду «Песня о тачанке» М. Рудермана. Романтика гражданской войны вывернута наизнанку следующими строками: «А танки идут по вацлавской брусчатке / И наш бронепоезд стоит у Градчан» (аллюзия, почти цитата, из популярной когда-то «Песни о Каховке». Текст Мих. Светлова: «Мы мирные люди, / Но наш бронепоезд стоит на запасном пути»). Тот самый бронепоезд, стоящий в центре Праги, а отнюдь не на запасном пути, — вот реальное, по мысли Галича, следствие светловской «романтики». Далее — опять почти цитата из пионерской песни «Взвейтесь кострами, синие ночи». Пепел тут уже не от детских костров. «В мордовских лесах и казахской степи» располагались не пионерские, а концентрационные лагеря с заключенными.

94. П72. «В ней использованы мотивы одной моей старой песни, которая тем самым перестала существовать» — авторский комментарий с некоторых парижских лент. (Имеется в виду очень рано отброшенная Галичем «Песня о твердой валюте»). «Баллада» имеет посвящение Льву Копелеву. Л. З. Копелев (1912—1997) — известный германист, писатель, переводчик, многолетний заключенный, прототип Рубина из романа А. Солженицына «В круге первом». Последние семнадцать лет жизни провел в эмиграции в Кельне. *Неизвестный, увенчанный славою бранной*. Могила «неизвестного солдата» есть в нескольких столицах Европы. *Монте Кассино* — гора в Аппенинах, где польская армия ген. Андерса героически сражалась с гитлеровскими войсками. «*Тум балалайка*» — еврейская песенка (на идиш), *шпил* (идиш) — играй. *Аппельплац* — см. прим. 89. *КаЭры* (контрреволюционеры) — осужденные по статье 58 УК СССР.

95. П72. Эпиграф — неточная цитата из «Коммунистического Манифеста» К. Маркса и Ф. Энгельса. «*Капитал*» — главное произведение К. Маркса. «*Антидюринг*» — произведение Ф. Энгельса. *Кармен* и *Эскамилло* — действующие лица из оперы Ж. Бизе «Кармен». *Джерси* — трикотажные изделия из шерсти, в 60-х годах — показатель обеспеченности. *С перманентиком*. «Перманент» — «шестимесячная завивка» волос (не выходила из моды в широких слоях советского населения с 30-х по 60-е годы).

96. П72. *Кратово* — в 60-е годы модное и дорогое дачное место в Подмоскowie. *Павлы разные да Людовику* — стили прикладного искусства (мебель, фарфор и т. д.), то есть предметы, имеющие антикварную ценность. *Небо в шашечку* — т. е. сквозь тюремную решетку. «*Я маленькая девочка*» — песенка для дошкольников, 30-е годы. («Я маленькая девочка, / Играю и пою, / Я Сталина не видела, / Но я его люблю»).

97. П72. В уже упоминавшемся двухтомнике изд. «Локид» это стихотворение произвольно разделено составителем (А. Петраковым) на несколько самостоятельных частей-стихотворений, каждая со своим названием. В книге «Песня об отчем доме» того же издательства (сост. А. Костромин) все возвращено на свои места. *Материк* — жаргонное название всех лагерных мест южнее Колымы. *Попка на вышке* — здесь: часовой. По словам Галича, «Тут я в чем-то очень подражаю Киплингю. Только вот бред у него не бывает».

98. П72. *Единный проезной* — билет на все виды московского городского транспорта.

99. П72. *Чесанки* — суконные мягкие ботинки (народное название — «прощай, молодость»). *Козла не забивал* — не играл в домино.

100. П72. Эпиграф из «Незнакомки» А. Блока. В послевоенные годы посещение ресторана одинокой женщиной (без мужчины) считалось верхом неприличия. *Румба* — латиноамериканский танец. *Бухие* — пьяные. Первоначально из музыкантского жаргона: бухать — выпивать. *Леги Гамильтон* — подруга английского адмирала Нельсона (нач. XIX в.). Здесь имеется в виду героиня одноименного американского фильма, которую играла Вивин Ли. *Сплошной собес* — пенсионеры или инвалиды («собес» — «отдел социального обеспечения» — организация, ведавшая пенсиями).

Сталь коронок заголя — то есть обнажив искусственные зубы, наиболее дешевые, стальные. *Пергидрольные локоны* — отбеленные перекисью водорода. *Шестерка* — здесь: официант.

ПОЭМЫ

101. П72, под загл. «Поэма о бегунах на длинные дистанции»; П74. Эпиграф — последняя строка поэмы А. Блока «Двенадцать».

Глава первая.

Загребели на 15 суток — попали в тюрьму за мелкое хулиганство (по указу конца пятидесятых годов). *Осанна* — здесь: прославление. *Римский опер* — намеренный анахронизм: опер — «оперативный уполномоченный» в сталинские времена и несколько позднее — вид следователя, чаще в лагерях. *Колитесь* — признавайтесь во всем.

Глава третья.

Серго — Г. К. Орджоникидзе, нарком тяжелой промышленности СССР, давний друг Сталина. Застрелился в 1937 г. Сталин расценил это самоубийство как предательство. *Боже мой...* и т. д. — И. Сталин в юности учился в духовной семинарии, готовился стать священником.

Глава четвертая.

В этой главе речь идет о последствиях XX съезда КПСС, по настоянию Н. Хрущева развенчавшего «культ личности И. Сталина». *Бассан-бассан бассана* — из «Цыганской венгерки» Аполлона Григорьева. Ритм стиха тоже взят оттуда. *Кум* — здесь: помощник начальника лагеря по политчасти. *Опиум как опиум* — намек на выражение К. Маркса «Религия — опиум для народа».

Глава пятая.

Прет история — *Саломея / С Иоанновой головой*. Саломея — дочь царя (тетрарха) Галилеи и Пиреи (северная часть Израиля) Ирода Антиппы, которая, подученная своей матерью Иродиадой, потребовала от отца за танец голову сидевшего у него в тюрьме Иоанна Крестителя. Саломея с головой Иоанна на блюде (Мф. 14) — частый сюжет в классическом искусстве. *Сучок* — см. прим. 39.

Глава шестая.

По свидетельству Р. Орловой и Л. Копелева, написана до декабря 1966 г. Видимо, и вся поэма написана не позднее этой даты. *А он и перекинься* — т. е. внезапно умер. *Льготная путевка* — оплата значительной части стоимости пребывания в доме отдыха местным комитетом профсоюза. *Теберда* — горный курорт на северо-востоке Кавказа. *Калинин* — советское название города Тверь. *Тени всех бутырок и треплинок*. Имеется в виду Бутырская тюрьма в Москве, в которой в основном содержались политические заключенные, и гитлеровский лагерь уничтожения в Польше.

102. П72.

Эта поэму многие справедливо считают одной из вершин поэзии Галича.

Януш Корчак (Генрих Гольдшмит, 1878—1942) — польский педагог, врач и писатель, основатель и директор еврейского «Дома сирот» в Варшаве. *Сэн-Луи блюз* — одна из популярнейших в США негритянских мелодий. *Был слугой твоим и королем* — ассоциация с самой знаменитой книгой Корчака «Король Матиуш Первый». «Гори, гори, моя звезда» — старинный русский романс. *И снег опять запахнет яблоком* — образ из стихов О. Мандельштама («Вновь пахнет яблоком мороз» — «1 января 1924», 1924), позднее ставший «общим местом». *Югенфрай* (нем. — judenfrei) — очищена от евреев. *И горит на знамени зеленом / Клевер. Клевер, клевер золотой.* Тут описано придуманное Корчаком знамя его «Дома сирот». *Это осень Костюшки.* Тадеуш Костюшко (1746—1817) — руководитель польского национального восстания против власти России в 1794 г. *Это небо Тувима* — Юлиан Тувим (1894—1953) — один из крупнейших польских поэтов XX века. *Паясничают гомулкусы.* Слово гомулкус — контаминация фамилии Гомулка (тогдашний глава компартии Польши) со словом «гомункулус» (средневековое наименование человека, искусственно сделанного в колбе). *Из года семидесятого / Я Вам кричу: — Пан Корчак, / Не возвращайтесь...* Имеется в виду проводившаяся в это время кампания Гомулки по выдавливанию евреев из Польши. *И поет мой рожок про дерево, / На котором я вздерну вас* — частый мотив негритянского фольклора в Америке — негр, повешенный куклуксклановцами, — в этом месте Галичем выворачивается, то есть звучит как бы угрозой от лица поющего негра. Здесь есть перебивка с некоторыми стихами американского негритянского поэта Лэнгстона Хьюза. И тут же контрастирующее с этой строкой высказывание Януша Корчака — «Я никому не желаю зла, не умею, просто не знаю, как это делается». Дата написания поэмы не указана, но строки «Из года семидесятого / Я вам кричу, пан Корчак...» позволяют датировать поэму 1970 г.

«КОГДА Я ВЕРНУСЬ»

Авторское предисловие к книге впервые напечатано в К77.

103. ж. Посев. 1975. Написано в Осло в конце 1974 года.

СЕРЕБРЯНЫЙ БОР

104. Гр. 1975. № 96, под загл. «Приметы весны»; К77. Судя по тексту последней строфы, написано незадолго до отъезда в эмиграцию. Интонационно переключается со стихами А. Блока.

105. К77. Написано, вероятно, в 1973 г. в Серебряном Бору... Ян Вермеер Дельфтский (1632—1675) (У Галича — Вермейер) — голландский художник. Имеется в виду его картина «Девушка, читающая письмо». Есть разночтения в некоторых строках на разных лентах. На парижских лентах есть другой, ранний вариант предпоследней строфы.

106. Гр. 1976. № 100, под загл. «Зимняя песенка», без посвящ.; К77. *Бегашу* — беговые коньки, дутые, длинные с очень тонкими лезвиями.

107. К77. Юлиус Фучик (1903—1943) — чешский коммунистический журналист. Считался автором написанной в гитлеровской тюрьме книги «Репортаж с петлей на шее». Она стоит — печальница / Всех сущих на земле — ср. у Б. Пастернака: «Душа моя, печальница / О всех в кругу своем...» («Душа», 1956).

108. К77. Это стихотворение, как и следующее, написано в Серебряном Бору в 1973 г.

109. К77. См. прим. 108.

ОТЧИЙ ДОМ

Эпиграф к разделу — из ст-ния Е. Баратынского «Дельвигу» (1821).

110—112.

1. К77. В качестве эпиграфа здесь и далее — музыкальные термины. *Allegro moderato* — умеренно быстро.

2. Конт. 1975. №2. Вероятно, написано до эмиграции. *Maestozo* — величественно, величаво, торжественно. Как обелелись чечевичной *баландой* — намек на библейское сказание об Исаве, продавшем все свои права наследника и старшего сына (первородство) брату Исааку за миску чечевичной похлебки. Параллель с лагерной едой (баландой).

3. К77. На некоторых лентах есть более пространственный вариант под заголовком «Канарейка». См. в разделе «Другие редакции». *Vivace* — оживленно, живо. «Соловей, соловей, птишечка / Канарейка жалобно поет» — солдатская маршевая песня конца XIX века.

113. ж. Посев. 1975. Написано в конце 1972 года.

114. Гр. 1974. № 92—93, под загл. «Русь»; К77. Троечка. Тут игра на омонимах: *Птица вещая* — *троечка* — намек на финал первого тома «Мертвых душ» Гоголя, и «тройку» — «чрезвычайный» суд сталинских времен. *Чрезвычайкой в Лефортово*. Лефортово — одна из самых страшных тюрем для политических на окраине Москвы.

115. ж. Посев. 1975. Написано незадолго до эмиграции, скорее всего, в 1974 г. Вот авторский комментарий: «...официальный, казенный язык, он настолько лишен мысли, информации, забит совершенно бессмысленными изречениями, не несущими в себе ничего. И от этого собачьего языка просто иногда хочется взвыть — ну ничего не понятно. Почему вдруг где-то в прекраснейшем месте в такой роще березовой прибит плакат, который портит весь вид этой березовой рощи...?» (с ленты «Свободы», 1975 г.).

116. ВиМ. 1976. №3. *Галилея* — часть Израиля, край, где провел детство Иисус Христос. Стихотворение на многих лентах называется «Пророк». По мнению некоторых критиков, имеется в виду А. Солженицын. См. статью А. Крылова «О трех "антипосвящениях" Александра Галича» (Конт. 2000. № 105).

117. К77.

118. К77. Написано в 1972 г., когда вокруг Москвы все лето горели торфяники. Эпиграф — из первого ст-ния цикла А. Ахматовой «Июль 1914» (1914). *А мы утешаем своих Margaret, / Что рукописи не горят* — ставшая поговоркой реплика Воланда «Маргарита, рукописи не горят!» из романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита».

119. ж. Посев. 1975.

ОПЫТЫ

Эпиграф к разделу — из ст-ния А. Фета «Ласточка» (1884). 120—122.

1. К77. *Largo* — широко (один из медленных темпов).

2. К77. Написано незадолго до эмиграции. *Moderato* — умеренно. По словам Галича, сначала ему все казалось, что стихотворение не закончено, что надо что-то еще вставить.

3. К77. *Lento* — медленно, медлительно (один из самых медленных темпов). По словам Галича, написано сразу после «Кадиша», т. е. в 1970 г. Гольдберг Анатолий Максимович — знаменитый политический обозреватель «БиБиСи» (пятидесятые — семидесятые годы), голос которого, кажется, знала вся Россия, несмотря на глушилки. Глушилки — генераторы радиопомех, заглушавшие над всеми большими городами СССР передачи «Свободы», «Немецкой волны», «Би-Би-Си» и других зарубежных станций, вещавших на русском языке.

123. К77. Есть общие строки со стихотворением «Песня про острова» (см. № 21). Автор считал № 123 не вариантом № 21, а самостоятельным стихотворением на прежнюю тему и поэтому и включил его в К77, добавив эпиграф из «Агитационной песни» К. Рылеева.

124. Конт. 1975. № 2. Эпиграфы: 1 — из записей В. Жуковско-го, 2 — неточная цитата из ст-ния Б. Пастернака «Зимняя ночь» (у Пастернака: «Мело весь месяц в феврале...»), 3 — из ст-ния А. Ахматовой «Мурка, не ходи, там сыч...». По словам автора, эти стихи, наряду с некоторыми другими, «были своеобразной прививкой: я решил, ну, как дети болеют корью, переболеть ностальгией заранее, в более слабой форме, еще в Москве, чтобы не болеть ею потом».

125. Конт. 1975. № 2, без посвящ.; Конт. № 13, задняя сторона обложки, где добавлено посвящение М. Ростроповичу (к его 50-летию). Мстислав Ростропович — музыкант, вынужденный уехать из России в 1974 г. за то, что на своей даче он предоставил убежище Солженицыну.

126. Конт. 1975. № 2. Эпиграф из ст-ния О. Мандельштама «Бессонница. Гомер. Тугие паруса...» *Давид Ойстрах* (1908—1974) — знаменитый русский скрипач и педагог. Известен также и как дирижер. *Ля-гуез, это ж тоже, в сущности, / Си-бемоль* — эти термины действительно означают одну и ту же ноту. *Таласса* (греч.) — море. *Ахейские* — греческие (до классического периода, т. е. до гомеровских времен); ср. у Мандельштама «ахейские мужи» из того же ст-ния.

127. К77. Оригинал — единственный автограф А. Галича, известный в Париже — с 1995 г. находится в Рукописном. отд. ИМЛИ (Москва).

128. К77. *Ллойдовский реестр* — ежегодно составляемый список всех кораблей в мире, участвующих в навигации. *Плывем! Куда ж нам плыть?!* — ср. последнюю строку «Осени» А. С. Пушкина (1833): «Плывет. Куда ж нам плыть?..».

129. Гр. 1975. № 96, под загл. «Зима тревоги нашей»; К77. Первоначальное загл. воспроизводит начало «Ричарда Третьего» В. Шекспира: «Окончилась зима тревоги нашей»; в СССР в шестидесятые-семидесятые годы был очень популярен роман Д. Стейнбека «Зима тревоги нашей».

130. Гр. 1975. № 98, под загл. «Анне Андреевне Ахматовой»; К77. А. А. Ахматова была вынуждена написать верноподданническую книжку стихов «Слава миру!» (1950 г.) по намеку некоего «значительного лица» из советской иерархии, в надежде облегчить судьбу своего сына Л. Н. Гумилева, находившегося в заключении. Стихи, естественно, вышли плохие, мертвые. Слова «русская речь» — явная цитата из ст-ния А. Ахматовой «Мужество» (1941): «И мы сохраним тебя, русская речь».

ДИКИЙ ЗАПАД

Эпиграф к разделу — неточная цитата из ст-ния В. Ходасевича «Странник прошел, опираясь на посох...» (1922). У Ходасевича «Странник прошел, опираясь на посох, — / Мне почему-то припомнилась ты...».

131—133.

1. К77. На ленте «Свободы» за 1975 г. есть полный более ранний вариант, написанный в 1974 г. в Осло, при жизни автора в печати не появлялся (см. раздел «Другие редакции»). Опубликованный в К77 и в наст. изд. вариант представляет собой последнюю строфу этого стихотворения, от остальных строф автор по неизвестным составителю причинам отказался. *Moderato* — см. прим. 121.

2. К77. Переключка с «Завещанием» Ж. Брассенса, без которого эти строки становятся непонятными: «Еще стоит ли та сосна, / Что мне на гроб пойти должна?» (перевод В. Бетаки). *Triste* — грустно, печально.

3. К77. Написано в 1977 г. в Париже. Почему-то отсутствует музыкальный термин в качестве эпиграфа.

134. Конт. 1976. № 10. В эпиграфе воспроизведен эпиграф к роману Джека Лондона «Сердца трех» («Старая пиратская песня» Дж. Стерлинга). Галич цитирует из перевода в издании «ЗИФ» (1920-е гг.). В издании ГИХЛ 1956 г. в переводе В. Левика эти строки звучат так: «Мы — спина к спине — у мачты / Против тысячи вдвоем!». Ст-ние впервые было исполнено как песня через две недели после публикации на квартире В. Максимова в день его рождения 27 ноября 1976 г. Это ст-ние отражает некоторую растерянность поэта перед западными «поклонниками» СССР,

перед «сов-патриотами» из первой и второй эмиграции, да и перед теми из новых эмигрантов, которые, по выражению В. Максимова, «все время одним левым веслом гребли». Галич говорил тогда перед исполнением, что он «никак не думал до выезда, буд-то "их" много».

135. Конт. 1976. № 10. По словам поэта, он «написал это после того, как часа три подряд читал полное английское собрание стихов Р. Киплинга и думал о современности». Во второй строфе в К77 опечатка: «и веселую вашу армию» следует читать «и веселую нашу армию». (В последнем рефрене — «и великую нашу армию»).

136. К77. Здесь, возможно, до какой-то степени отразились недолгие надежды поэта, вызванные НТС-овскими прогнозами, на антикоммунистическое (типа венгерского 1956 г.) народное восстановление в России. Предположительная датировка — 1974—1976 гг., поскольку эти идеи увлекали Галича только в эти два года. Датировка 1970 г., встречающаяся в некоторых российских изданиях, поэтому представляется спорной.

137. Конт. 1976. № 10, под загл. «Сказка»; К77. *Олимпийскую медаль в обмен на детство* — стремление советских верхов любой ценой заполучить как можно больше первых мест на олимпийских играх, подтвердив, что «советское — значит отличное»; в семидесятые годы особенно стремительно помолодела женская гимнастика. Галич считал это стихотворение «неудачным и растянутым», что и отметил, получив авторский экземпляр книги сразу по ее выходе. (Из разговора с составителем и с гл. редактором «Посева» — В. Б.).

138. К77. Написано перед поездкой с выступлениями в Израиль в середине 1975 года, когда Галич, по его собственным словам, «много думал и вообще об эмигрантских судьбах, и об еврейских». *Запад есть Запад, / А Восток есть Восток* — почти точная цитата из «Баллады о Западе и Востоке» Р. Киплинга.

139. К77. *Segev* (иврит) — здесь: праздничная пасхальная трапеза.

140. ВиМ. 1976. № 3. Написано в Тель-Авиве в 1975 г. «Тода раба» (иврит) — большое спасибо. Третья строфа существует в нескольких, мало отличающихся вариантах (ср. журнальную публикацию и окончательную в К77). *С пылью дорог изгнания и с горьким хлебом*. «Горький хлеб изгнания» — часто цитируемое выражение Данте из «Новой жизни».

141. К77. Написано в Париже осенью 1976 г. *Оболваненные Сартрами*. Жан-Поль Сартр — французский писатель-экзистенциалист. «Большой друг Советского Союза» (по определению советской печати), а затем — ругаемый той же советской печатью «маоист».

КОЛОМИЙЦЕВ В ПОЛНЫЙ РОСТ

142—143.

1. К77. *Чувак* — человек (с панибратским оттенком), иногда приятель. Исходно — из военно-музыкантского жаргона. *И лич-*

но... — обычное выражение партбюрократии, когда речь идет о более высоком по положению деятеле, чем говорящий. Особенно часто употреблялось, начиная со сталинских времен, по отношению к генсекам.

2. К77.

144. П72.

145. К77. КПЗ — камера предварительного заключения, где держали арестованных до суда.

146. П72.

147. К77. С обкомовской икрой — икра относилась к тем дефицитным продуктам, которые продавались согласно партийным спискам в особых «распределителях».

148. П72. Я ж не лысый... я ж не вечен — имеется в виду В. И. Ленин. *Малюта* — Малюта Скуратов, опричник, приближенный Ивана Грозного, исполнявший при нем обязанности «главного стража госбезопасности».

149. Конт. 1975. № 5. Первоначальный неполный и отброшенный поэтом вариант поэмы назывался «Поэма о песочном человеке». Поэма эта — некий ключ к большинству произведений поэта (см. вступительную статью). Вставные строки, написанные четырехстопным хореем, явно ориентированы на поэму А. Твардовского «Василий Теркин». *Спас на Крови* — церковь в Петербурге, построенная на месте убийства террористами-народовольцами Александра II. *И поболтать о странностях любви* — видоизмененная строка А. С. Пушкина «Поговорим о странностях любви» («Гавриилиада»). «Аккорг» — марка старого советского магнитофона (и марка проигрывателя для грампластинок, проигрыватели этой марки встречались чаще). ...он убит и взят могилой — строка М. Лермонтова из стих-ния «На смерть поэта». Обехаэз (ОБХСС) — «отдел борьбы с хищениями социалистической собственности». «Социалистической» тут важное слово, поскольку кража на одну и ту же сумму у частного лица или у государства наказывалась по-разному.

СТИХОТВОРЕНИЯ, НЕ ВОШЕДШИЕ В ПРИЖИЗНЕННЫЕ СБОРНИКИ

Этот отдел не претендует и не может претендовать на полноту. Стихи «Падение Парижа», «Мартовские стихи», «Майские стихи» и «Блюз для мисс Джейн» войти в книги А. Галича не могли, так как написаны позднее, чем был сдан в набор последний сборник поэта «Когда я вернусь» (К77). Детские и юношеские стихи настолько несовершенны и настолько несходны с «настоящим Галичем», что в этом издании они кажутся составителю мало уместными. Не публикуются в данном издании и большинство «слов» к песням из кинофильмов, то есть те песенные тексты, которые советская «Краткая литературная энциклопедия» (Т. 2. М., 1964) в статье о Галиче именует «песнями о молодежи», и которые никакого художественного интереса не представляют. (Во всяком случае, так считал сам Галич — см. вступительную статью.) Из их числа в

сборник нами включены «Комсомольская песня» и «Сердце, молчи». Двух образцов, видимо, довольно — тем более, что сам автор полностью отказался от подобного рода текстов. Некоторые стихи, такие как «Вот он скачет...» не включались Галичем в его издания по не известной составителю причине. По три песни из фильмов «Бегущая по волнам» и «Старая, старая сказка» включены в настоящее издание как примеры «пограничного случая» между «словами» песен к фильмам на чужую музыку, писавшимися только для заработка, и настоящими стихотворениями Галича.

ПЕСНИ ИЗ СПЕКТАКЛЕЙ И КИНОФИЛЬМОВ

150. <http://www.radiomayak.ru/schedules/41/9145-audio.html>. Из пьесы А. Галича «Походный марш», муз. В. Соловьева-Седого.

151. <http://www.radiomayak.ru/schedules/41/9145-audio.html>. Из кинофильма «На семи ветрах» (1962), режиссер Ст. Ростоцкий, сценарий А. Галича и Ст. Ростоцкого, муз. К. Молчанова.

ИЗ КИНОФИЛЬМА «БЕГУЩАЯ ПО ВОЛНАМ»

Кинофильм «Бегущая по волнам» был снят по одному из лучших романов Александра Грина в 1967 г. Главная идея романа в том, что «несбывшееся» сбывается только для верящих в свою звезду, таких, как герой романа или сама Фрези Грант, а для остальных оно оканчивается разочарованием и возвращением к обычной повседневности.

152. http://www.ruthenia.ru/60s/galich/frezi_grant.htm.

153. http://www.ruthenia.ru/60s/galich/vse_naladitsa.htm.

154. http://www.ruthenia.ru/60s/galich/1_pes_shuta.htm.

ИЗ КИНОФИЛЬМА «СТАРАЯ, СТАРАЯ СКАЗКА»

(по сказке Г. Х. Андерсена «Огниво»)

155. http://multimedia.narod.ru/authors/auth_39.htm#song_180.

156. http://multimedia.narod.ru/authors/auth_39.htm#song_180.

157. http://multimedia.narod.ru/authors/auth_39.htm#song_180.

СТИХОТВОРЕНИЯ И ПЕСНИ РАЗНЫХ ЛЕТ

158. А. Галич. Генеральная репетиция. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1974. С. 85. Как следует из текста книги, написано в конце 1941 г. в Грозном. Самое раннее из публикуемых здесь стихов Галича. Обращено к Юлии (см. вступительную статью).

159. <http://www.ruthenia.ru/60s/galich/21.htm>. Посвящение: см. прим. 2. Предположительно — из ранних стихов еще «допесенного» периода, хотя и датируется иногда августом 1969 г. (Болшево). Эти стихи — явное подражание Б. Пастернаку (ср. «Август» из «Стихов из романа»).

160. ПРБ. Есть также на множестве лент. Написано еще в СССР, но точная датировка неизвестна. При жизни автора не печаталось.

161. Печ. по авторской рукописи, принадлежащей филологу Елене Невзглядовой (дата на рукописи: 8 авг. 1973 г.). Вот как Е. Невзглядова вспоминает историю этого стихотворения: «Я познакомилась с Александром Аркадьевичем в июле 1973 года. Мы виделись с ним несколько раз в течение трех недель, проведенных мною в то лето в Москве. <...> А. А. с горечью говорил о вынужденном желании уехать. "Если я не уеду, я просто умру". Эта фраза запомнилась. Он мечтал писать песни, мечтал о пластинке. Сердце давало о себе знать, не позволяло забыть о перенесенном инфаркте. Ему было плохо. У меня тоже были свои проблемы, несмотря на молодость. Видно, ему был приятен состоявшийся между нами дружеский и откровенный многочасовой вечерний разговор — о жизни и смерти, о стихах, о страхах. Через несколько дней, встретившись с ним, я получила из его рук стихи. На память».

162. Печ. по записи 1975 г., Париж. В печати при жизни автора не появлялось. Эти стихи относятся к циклу «антипесен», задуманному поэтом, но так и не состоявшемуся.

163. Печ. по воспоминаниям И. Грековой, цитируемым в: А. Крылов. Коломийцев в полный рост // Иерусалимский журнал. 2002. № 11. (<http://www.antho.net/jr/11.2002/13.html>). Писательница И. Грекова, неоднократный соавтор и близкий друг поэта, приводит в своих воспоминаниях этот набросок, найденный на полу в квартире Галича после его отъезда. И. Грекова предположила, что этот отрывок имеет отношение к циклу о К. П. Коломийцеве. По-видимому, это не совсем так: однажды в интервью Галич сказал: «У меня в работе песенный цикл, который я собираюсь вскоре дописать. Этот цикл (в духе песен о Климе Петровиче Коломийцеве) называется "Горестная жизнь и размышления начальника отдела кадров строительного-монтажного управления номер 22 города Москвы"» (Песня, жизнь, борьба (интервью с А. Галичем) // ж. Посев. 1974. № 8.). *Это знаешь, дорогой, кто сказал* — намек на знаменитое выражение Сталина середины 30-х гг.: «Кадры решают все».

164. Печ. по статье А. Крылова «О трех "антипосвящениях" Александра Галича» (Конт. 2000. № 105). На лентах «Свободы» этого стихотворения я не слышал, и в русской зарубежной печати оно тоже не публиковалось. Принадлежность его А. Галичу стилистически и биографически очевидна. Написано в 1974 г., видимо, при отлете из Москвы, или уже в Вене или даже в Осло. Последний провожающий — скорее всего, Л. Е. Пинский (см. прим. 41).

165. Два отрывка из четырех или пяти набросков, написанных в Осло в июле — августе 1974 г., которые Галич включал в свои вступления по «Свободе». В Париже он не раз читал их в узком кругу, но не публиковал, считая это только «заготовками» для будущих стихов, однако так к ним и не вернулся. О первом отрывке он говорил составителю: «Три последние строки тут корявы, и дальше никак не могу, поэтому, написать. А как должен звучать в стихе скрип льдов!!!!.. Наверно, когда-нибудь я все-таки эти стихи допишу!» Первый отрывок воспроизведен по памяти составителя,

второй — с ленты «Свободы». «Фрам» — корабль норвежского полярного исследователя Фритьофа Нансена (1861—1930).

166. Впервые на пластинке «Крик шепотом» (Норвегия, 1974). При жизни не публиковалось. Текст Галича к старинному маршу «Прощание славянки» (композитор В. И. Агапкин, 1912).

167. Написано в 1974 г. в Норвегии. Публикуется по записи выступления в ноябре того же года в Париже, сделанной М. Славинским (парижское бюро НТС). Другие фонограммы мне неизвестны. Концерт состоялся в один из коротких приездов поэта из Осло. В интервью газете «Русская мысль» Галич после концерта говорил: «Мне, человеку из литературной и театральной среды, было особенно ценно увидеть, как представители старой русской эмиграции выполнили свою миссию, сохранив замечательных русских писателей, поэтов, богословов и философов, экономистов и общественников, о которых мы в России знали очень мало, или вообще ничего не знали» (Русская мысль. 7 ноября 1974). Стихи эти Галич не публиковал и больше не пел, вероятно, потому, что вскоре разочаровался в тех представителях старой эмиграции, с которыми ближе познакомился уже в период жизни в Мюнхене и в Париже. *Я кланяюсь низко сумевшим сберечь... и. т. д.* — аллюзия на ст-ние А. Ахматовой «Мужество».

168. С ленты «Свободы», из передачи «День благодаренья», 2 мая 1976 г. При жизни автора не печаталось. *Лунный луч как соль на топоре* — цитата из ст-ния О. Мандельштама «Умывался ночью на дворе», которое и послужило для Галича толчком к написанию этого ст-ния. *И о правде свежего холста...* Очевидно, здесь имеется переключка с И. Эренбургом: «И тому, кому не нужно хлеба, — / Три аршина грубого холста / На его последнюю потребу» («Остановка. Несколько примет» (1923)).

169. Печ. по авторской машинописи. Впервые — ОПА. 1977. Эйфелева башня, построенная к Всемирной выставке 1889 г., чтобы показать возможности металла как строительного материала, вызвала ненависть и насмешки многих видных деятелей культуры. Поль Верлен говорил, что единственное место, откуда башня не видна, — ресторан на самой башне, и стал завсегдатаем этого ресторана, а Ги де Мопассан вообще на долгий срок покинул Париж.

170. Печ. по авторской машинописи. Впервые — ОПА. 1977. Составитель не слышал ни разу, чтобы Галич эти стихи читал или говорил о них. То же относится и к следующему стихотворению. Это ст-ние, как и следующее, возможно, является куском из длинной так и не дописанной вещи, или из задуманного нового цикла.

171. См. прим. 170.

172. Текст — с ленты «Свободы», начало 1977 г. Джейн Фонда — киноактриса и певица, дочь замечательного американского киноактера Генри Фонда. В отличие от своего отца, который был другом юности Р. Рейгана, Д. Ф. известна крайне левыми взглядами на мировую политику. Неоднократно оправдывала многие неблагоприятные «мероприятия» и кампании брежневского правительства. Иногда сочувствовала террористам. «Загнанных лошадей

пристреливают, не правда ли?» — известный фильм С. Поллока с Джейн Фонда в главной роли.

173. Печ. по ленте М. Славинского (см. прим. 167). Это стихотворение относится к ненаписанному циклу «Горестная жизнь...» (см. прим. 163). Вероятнее всего, написано в Москве в 1973—1974 гг.

174. Печ. по магнитофонной записи без даты. Эта эпиграмма, вероятно, написана в 1968 г. после советского вторжения в Чехословакию. Людвик Свобода (1895—1979) — генерал, президент ЧССР (1968—1975), советский ставленник.

175. Огонек. 15 декабря 1997. № 50 (4533). 1977(?)

176. Огонек. 15 декабря 1997. № 50 (4533). Эпиграф — первая строка стихотворения Галича «Номера» (№ 106).

ПОСЛЕДНИЕ СТИХИ¹⁴

177. Конт. 1978. № 15. С ленты «Свободы» 15 дек. 1977 г. Название дано редакцией «Континента». Без названия прозвучало в одной из последних передач Галича. *И если на клетке слона... и т. д.* — из афоризмов Козьмы Пруткова.

178. Конт. 1978. № 15. С той же ленты «Свободы», что и предыдущее. Название дано редакцией «Континента». Перед репетицией и записью (за несколько часов до смерти) Галич говорил в редакции радио А. Шагиняну и составителю, что это «пока только рефрены и мелодия к ненаписанным строкам еще незавершенного стихотворения, да и названия пока нет». Он несколько сомневался, имеет ли смысл записывать и передавать незавершенное произведение. Мы с Шагиняном его уговаривали спеть эти строки, чтобы поздравить радиослушателей с Новым Годом. Потом я ушел, а Галич с Анатолием Шагиняном начали репетировать. Вот как вспоминает это утро Шагинян: «Он рассказывал о том, что в этом году сделал, что он написал. Что хочет издать, что он пишет дальше. "И вот песня, которая, может быть, и не очень веселая, но ведь вы не очень часто слушали меня веселого". И он запел...» (далее Шагинян рассказывает, как они несколько раз подряд репетировали эту песню, и как Галич, видимо, сильно простуженный, тяжело дышал.) «<...> когда я тайком нажал кнопку, он заговорил, заговорил... И таким образом мы имеем эту песню. Мы эту запись показали только сейчас, <в декабре 1987 г. — В. Б.> через десять лет. А записали мы в последний день, то есть за час, за два до смерти, и он ушел» (из передачи «Свободы» посвященной памяти А. Галича, 1987 г.).

В заключение этих комментариев следует отметить одну очень распространенную ошибку: текст песни «Подари на прощание мне билет», нередко исполнявшейся Галичем, Галичу не принадлежит. Это даже не его перевод. Это стихотворение — вольный перевод, а вернее переложение-контаминация двух стихотворений Лэнгстона Хьюза: «Самый дешевый блюз» и «Билет в один

¹⁴ Разбивка по строкам, названия и пунктуация — редакции журнала «Континент».

конец». «Перевод» этот, ставший песней, выполнен Мих. Зенкевичем еще в первые послевоенные годы и опубликован в его сборнике переводов из американских поэтов. (Галич, исполняя его, только изменил последние строки.) Ни в одну из двух книг Л. Хьюза по-русски этот текст не вошел — редактор обеих книг Т. Г. Гнедич не взяла его именно из-за его крайней «вольности».

И еще необходимо сказать о песенке из к/ф «О бедном гусаре замолвите слово», которая упорно приписывается А. Галичу — «По селу бегут мальчишки...» Текст ее есть в интернете. (multimedia.narod.ru/authors/auth_39.htm). А. Архангельская (устно) утверждает авторство А. Галича, а известный специалист по авторской песне Андрей Крылов и критик Н. Богомолов считают этот текст «чужим»: «Здесь <...> я заметил всего два чужих текста: "По селу бегут мальчишки..." и "Ах, поле, поле, поле..."» (А. Крылов)¹⁵ И еще: «Попало в книгу стихотворение Давида Самойлова "Ах, поле, поле, поле..." (входит в его драматические сцены "Сухое пламя"). Не в раздел "Dubia", а в основной текст включена известная большинству читателей по фильму "О бедном гусаре замолвите слово" песенка "По селу бегут мальчишки..."» (Н. Богомолов)¹⁶. Составителю авторство Галича также представляется весьма сомнительным: неграмотный синтаксис, тавтология в перечислении, (рифма «мальчишки» и «ребятишки») едва ли могли принадлежать Галичу, обычно остававшемуся мастером даже в «халтуре».

¹⁵ А. Крылов. А. А. Архангельской (Галич). Открытое письмо. (<http://www.visotsky.ru/job/krylov3.htm>).

¹⁶ Н. Богомолов. Рецензия на двухтомник А. Галича изд-ва «Локид». (<http://www.nlo.magazine.ru/archive/142.html>).

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

- «...А бабушка внученьке сказку плела...»
(Олимпийская сказка) 270
- «А было недавно, а было давно...» 311
- «А ей мама, ну, во всем потакала...»
(Веселый разговор) 148
- «А начальник всё, спьяну, про Сталина...»
(Больничная цыганочка) 175
- «А он мне все по яйцам целится...» (Отрывок из радио-телевизионного репортажа о футбольном матче между сборными командами Великобритании и Советского Союза) 164
- «А ты стучи, стучи, а тебе Бог простит...» (Все не вовремя) 90
- «...А уж пыль-то вы пускать мастера!...» (Из беседы с туристами из Западной Германии; Избранные отрывки из выступлений Клим Петровича, 2) 277
- Абсолютно ерундовая песня (Антипесня)
(«Собаки бывают — дуры...») 307
- «Апрельской ночью Леночка...» (Леночка) 151
- «Ать-два, левой-правой...» (Закон природы
(Подражание Беранже)) 56
- «Ах, как мне хотелось, мальчонке...» (Песня про велосипед) 133
- «Ах, как трудно улетают люди...» (Песня о ночном полете) 72
- Баллада о вечном огне
(«...„Неизвестный“, увенчанный славою брэнной!...») 190
- Баллада о прибавочной стоимости («Я научность марксистскую пестовал...») 193
- Баллада о сознательности («Егор Петрович Мальцев...») 201
- Баллада о стариках и старухах... («Все завидовали мне:
"Эко денег!"...») 204
- Баллада о том, как едва не сошел с ума директор антикварного магазина № 22 Копылов Н. А., рассказанная им самим доктору Беленькому Я. И.
(«...Допекла меня все же Тонечка...») 196
- Баллада о том, как одна принцесса раз в два месяца приходила ужинать в ресторан «Динамо»
(«Кивал с эстрады ей трубач...») 205
- Баллада о Фрези Грант («Шел корабль из далекой Австралии...») 300
- Баллада о чистых руках («Развеем по ветру подмоченный порох...») 189
- «Баю-баю-баю-бай!...» (Колыбельный вальс) 62
- Без названия («Вот пришли и ко мне седины...») 70
- Без названия («Ей страшно. И душно. И хочется лечь...») 264
- Бессмертный Кузьмин («Покатались всячины и разности...») 93

«Бились стрелки часов на слепой стене...» (Старая песня) 266
 Бирюльки (Авангардный этюд)
 («Исидор пришел на седеp...») 274
 «Благословенность одиночества!..» 305
 Блюз для мисс Джейн («Голос, голос...») 316
 Больничная цыганочка («А начальник всё, спьяну,
 про Сталина...») 175
 «Бывали ль вы у Спаса-на-крови?..» (Вечерние прогулки
 (Маленькая поэма)) 287
 «Был я глупый тогда и сильный...» (Песня о синей птице) 87
 «...Быть бы мне поспокойней...» (Петербургский романс) 54
 «В майский вечер, пронзительно дымный...»
 (Так жили поэты) 131
 «В матерщинном субботнем загуле шалманчика...»
 (На сопках Манчжурии) 117
 «В новогодний бедлам, как в обрыв на крутом вираже...»
 (Новогодняя фантасмагория) 172
 «В Петрограде, в Петербурге, в Ленинграде, на Неве...»
 (Чехарда с буквами) 89
 «В понедельник, дело было к вечеру...» (Жуткое столетие) 161
 «В той злой тишине, в той неверной...» (Снова август) 115
 «В этом мире Великого Множества...» (Для правой руки;
 Упражнения для правой и левой руки (3), 1) 265
 Вальс Его Величества, или размышление о том, как пить
 на троих («Не квасом земля полита...») 260
 Вальс, посвященный уставу караульной службы
 («Поколение обреченных!..») 57
 Вальс-баллада про тещу из Иванова
 («Ох, ему и всыпали по первое...») 132
 «Вдоль по дороге, вдоль по дороге...» (Дорожная) 302
 Век нынешний и век минувший
 («Понимая, что нет в оправданиях смысла...») 170
 Веселый разговор («А ей мама, ну, во всем потакала...») 148
 «Весь год — не валко и не шатко...» (Для правой руки;
 Упражнения для правой и левой руки (1), 1) 240
 Вечерние прогулки (Маленькая поэма)
 («Бывали ль вы у Спаса-на-крови?..») 287
 Вечный транзит («Посошок напоследок...») 272
 «Видишь...» (Песок Израиля) 274
 Виновники найдены («Установлены сроки и цены...») 80
 Возвращение на Итаку («Всю ночь за стеной ворковала
 гитара...») 123
 Воспоминание об Одессе («Научили пилить на скрипочке...») 258
 «Вот он скачет, витязь удалой...» 306
 «Вот пришли и ко мне седины...» (Без названия) 70
 «Врач сказал: "Будь здоров! Паралич!"...» (Смерть Ивана
 Ильича) 174
 «Все было пасмурно и серо...» (Пейзаж) 238

- «Все завидовали мне: "Эко денег!"...» (Баллада о стариках и старухах...) 204
- «Все засранцы, все нахлебники...» (Фарс-гиньоль) 187
- «Всё наладится, образуется...» 301
- Все не вовремя («А ты стучи, стучи, а тебе Бог простит...») 90
- «...Все смеются на бюро...» (О том, как Клим Петрович добивался, чтобы его цеху присвоили звание «Цеха коммунистического труда», и не добившись этого — запил) 281
- «Все снежком январским припорошено...» (Засыпая и просыпаясь) 78
- «Все шло по плану, но немножко наспех...» (Поэма о Сталине) 207
- «Встречаемые "Осанною"..." (Первая песенка шута) 301
- «Всю ночь за стеной ворковала гитара...» (Возвращение на Итаку) 123
- «Вы на письма слез не капайте...» (Песенка о Диком Западе, или письмо в Москву, переправленное с оказией) 275
- «Вы такие нестерпимо ражие...» (Мы не хуже Горация) 143
- «Вьюга листья на крыльцо намела...» (Номера) 234
- «Говорят, пошло с Калиты...» 317
- «Говорят, что где-то есть острова...» (Острова) 254
- «Говорят, что есть на свете острова...» (Песня про острова) 79
- «Голос, голос...» (Блюз для мисс Джейн) 316
- Горестная ода счастливому человеку («Когда хлестали молнии ковчег...») 166
- Городской романс (Тонечка) («Она вещи собрала, сказала тоненько...») 150
- Гусарская песня («По рисунку палешанина...») 111
- Для левой руки («Ты прокашляйся, февраль, прометелься...»; Упражнения для правой и левой руки (1), 2) 240
- Для левой руки («Как могу я не верить в дурные пророчества...»; Упражнения для правой и левой руки (2), 2) 252
- Для левой руки («Подевались куда-то сны...»; Упражнения для правой и левой руки (3), 2) 265
- Для обеих рук («Кто безгласных разводит рыбок...»; Упражнения для правой и левой руки (1), 3) 241
- Для обеих рук («Я запер дверь (ищи-свищи!)...»; Упражнения для правой и левой руки (2), 3) 253
- Для правой руки («Весь год — не валко и не шатко...»; Упражнения для правой и левой руки (1), 1) 240
- Для правой руки («...Хоть иногда подумай о других!...»; Упражнения для правой и левой руки (2), 1) 252
- Для правой руки («В этом мире Великого Множества...»; Упражнения для правой и левой руки (3), 1) 265
- «...Допекла меня все же Тонечка...» (Баллада о том, как едва не сошел с ума директор антикварного магазина № 22 Копылов Н. А., рассказанная им самим доктору Бельенькому Я. И.) 196

- Дорожная («Вдоль по дороге, вдоль по дороге...») 302
- «Егор Петрович Мальцев...» (Баллада о сознательности) 201
- «Ей страшно. И душно. И хочется лечь...» (Без названия) 264
- Еще раз о чёрте («Я считал слонов и в нечет и в чет...») 103
- Желание славы («Непричастный к искусству...») 97
- «Жили-были несчастливые волшебники...» (Песня про несчастливых волшебников, или эйн, цвей, дрей!) 128
- Жуткое столетие («В понедельник, дело было к вечеру...») 161
- «За высокими соснами виден забор...» (Прощание) 239
- За семью заборами («Мы поехали за город...») 183
- «За чужую печаль...» (<Последняя песня>) 320
- Заклинание добра и зла («Здесь в окне, по утрам, просыпается свет...») 250
- Заклинание («Получил персональную пенсию...») 96
- Закон природы (Подражание Беранже) («Ать-два, левой-правой...») 56
- Занялись пожары («Отравленный ветер гудит и дурит...») 248
- Запой под Новый год («По-осеннему деревья належке...») 170
- Засыпая и просыпаясь («Все снежком январским припорошено...») 78
- «Здесь в окне, по утрам, просыпается свет...» (Заклинание добра и зла) 250
- «Играет ветер пеною...» (<Читая «Литературную газету»>) 320
- «"Из дома вышел человек..."» (Легенда о табаке) 120
- Из беседы с туристами из Западной Германии («...А уж пыль-то вы пускать мастера!..»; Избранные отрывки из выступлений Клим Петровича, 2) 277
- Из «Норвежского дневника» («Это вовсе не дом — Храм!..») 309
- Из речи на встрече с интеллигенцией («...Попробуйте в цехе найти чувака...»; Избранные отрывки из выступлений Клим Петровича, 1) 277
- «Исидор пришел на седе...» (Бирюльки (Авангардный этюд)) 274
- История одной любви, или как это все было на самом деле (Рассказ закройщика) («Ну, была она жуткою шельмою...») 156
- Кадиш («Как я устал повторять бесконечно все то же и то же...») 217
- «Как мне странно, что ты жена...» (Песня о прекрасной даме (Женский вальс)) 81
- «Как могу я не верить в дурные пророчества...» (Для левой руки; Упражнения для правой и левой руки (2), 2) 252
- «Как я устал повторять бесконечно все то же и то же...» (Кадиш) 217
- «Какие нас ветры сюда занесли...» (Скерцо для обеих рук; Упражнения для правой и левой руки (3), 3) 266
- «Карусель городов и гостиниц...» (Старый принц) 83

- «Кивал с эстрады ей трубач...» (Баллада о том, как одна принцесса раз в два месяца приходила ужинать в ресторан «Динамо») 205
- «Когда — под крылом — добежит земля» (Песенка-молитва, которую надо прочесть перед самым отлетом) 69
- «Когда в городе гаснут праздники...» (Ночной дозор) 64
- «Когда затихает к утру пурга...» (Королева материка (Лагерная баллада, написанная в бреду)) 198
- «— Когда король без денег...» (Песня слуг) 303
- «Когда собьет меня машина...» (Счастье было так возможно) 174
- «Когда хлестали молнии ковчег...» (Горестная ода счастливому человеку) 166
- «Когда я вернусь...» 229
- «Когда-нибудь дошлиый историк...» 84
- Колыбельный вальс («Баю-баю-баю-бай!...») 62
- Командировочная пастораль («То ли шляха ты, то ли странница...») 154
- Композиция № 27, или троллейбусная абстракция («— Он не то чтобы достиг, — он подлез...») 155
- Комсомольская песня («Протрубили трубачи тревогу!...») 299
- «Корабль готовится в отплытие...» (Опыт прощанья) 262
- Королева материка (Лагерная баллада, написанная в бреду) («Когда затихает к утру пурга...») 198
- «Королевич, да и только...» (Фантазии на русские темы для балайки с оркестром и двух солистов — тенора и баритона) 104
- «Кошачьими лапами вербы...» 137
- Красный треугольник («Ой, ну что ж тут говорить, что ж тут спрашивать...») 146
- «Кто безгласных разводит рыбок...» (Для обеих рук; Упражнения для правой и левой руки (1), 3) 241
- Кумачовый вальс («Ну, давай, убежим в мелколесье...») 245
- «Лают азиатские собаки...» 305
- «Левой, левой, левой...» (Левый марш) 88
- Левый марш («Левой, левой, левой...») 88
- Легенда о табаке («"Из дома вышел человек..."») 120
- Леночка («Апрельской ночью Леночка...») 151
- Летят утки («С севера, с острова Жестева...») 110
- Майские стихи («Уж это не случится никогда...») 315
- Мартовские стихи («Растаял шепотной растапа-снег...») 314
- Марш мародеров («Упали в сон победители...») 267
- «...Мне снилось, что потом...» (Салонный романс) 127
- «Мы давно называемся взрослыми...» (Старательский вальсок) 53
- «Мы дождемся, чтоб скучный закат потух...» (Песенка про красного петуха) 269
- «Мы ждем и ждем гостей нежданных...» (Опыт отчаянья) 263
- Мы не хуже Горация («Вы такие нестерпимо ражие...») 143

- «Мы поехали за город...» (За семью заборами) 183
- «Мы похоронены где-то под Нарвой...» (Ошибка) 74
- «На лесные урочища...» (Русские плачи) 242
- На сопках Манчжурии («В матерщинном субботнем загуле шалманчика...») 117
- «На стене прозвенела гитара...» (Слушая Баха) 257
- «Над черной пажитью разрухи...» (Фестиваль песни в Сопоте в августе 1969) 163
- «Нам сосиски и горчицу...» (Рассказ, который я услышал в привокзальном шалмане) 179
- «Наплевать, если сгину в какой-то Инте...» (Разговор с музой) 141
- «Научили пилить на скрипочке...» (Воспоминание об Одессе) 258
- «Начинается день и дневные дела...» (По образу и подобию...) 185
- «Не жалею ничуть, ни о чем, ни о чем не жалею...» (Опыт ностальгии) 255
- «Не квасом земля полита...» (Вальс Его Величества, или размышление о том, как пить на троих) 260
- «Не хочу посмертных антраша...» (Переселение душ) 63
- «...“Неизвестный”, увенчанный славою брэнной!..» (Баллада о вечном огне) 190
- Неоконченная песня («Старики управляют миром...») 63
- «Непричастный к искусству...» (Желание славы) 97
- «Ни гневом, ни порицанием...» (Поезд) 75
- Новогодняя фантасмагория («В новогодний бедлам, как в обрыв на крутом вираже...») 172
- Номера («Вьюга листья на крыльцо намела...») 234
- Ночной дозор («Когда в городе гаснут праздники...») 64
- «Ну, была она жуткою шельмою...» (История одной любви, или как это все было на самом деле (Рассказ закройщика)) 156
- «Ну, давай, убежим в мелкоколосье...» (Кумачовый вальс) 245
- О пользе ударений («Ударение, ударение...») 318
- О том, как Клим Петрович восстал против экономической помощи слаборазвитым странам («...Прямо, думал я одно — быть бы живу...») 285
- О том, как Клим Петрович выступал на митинге в защиту мира («У жене моей спросите, у Даши...») 278
- О том, как Клим Петрович добивался, чтобы его цеху присвоили звание «Цеха коммунистического труда», и не добившись этого — запил («...Все смеются на бюро...») 281
- О том, как Клим Петрович сочинил научно-фантастическую колыбельную, укачивая своего племянника — Семена, Клавкиного сына («Спи, Семен, спи...») 280
- «Облака плывут, облака...» (Облака) 86
- Облака («Облака плывут, облака...») 86
- «Облетают листья в ноябре...» 312

- «...Ой, доля моя жалкая...» (Плач Дарьи Коломийцевой по поводу
запоя ее супруга Клим Петровича) 283
- «Ой, не шейте вы, евреи, ливреи...» (Предостережение) 78
- «Ой, ну что ж тут говорить, что ж тут спрашивать...» (Красный
треугольник) 146
- Олимпийская сказка («...А бабушка внученьке сказку
плела...») 270
- «Он был титулярный советник...» (Песня баллада
про генеральскую дочь) 107
- «— Он не то чтобы достиг, — он подлез...» (Композиция № 27,
или троллейбусная абстракция) 155
- «Она вещи собрала, сказала тоненько...» (Городской романс
(Тонечка)) 150
- Опыт ностальгии («Не жалею ничуть, ни о чем, ни о чем не
жалею...») 255
- Опыт отчаянья («Мы ждем и ждем гостей неожиданных...») 263
- Опыт прощанья («Корабль готовится в отплытие...») 262
- «Опять над Москвою пожары...» (Памяти Живаго) 60
- «Осенняя, простудная...» (Прощание с гитарой (Подражание
Аполлону Григорьеву)) 138
- Острова («Говорят, что где-то есть острова...») 254
- «От беды моей пустяковой...» 135
- «Отравленный ветер гудит и дурит...» (Занялись пожары) 248
- Отрывок из радио-телевизионного репортажа о футбольном
матче между сборными командами Великобритании и
Советского Союза («А он мне все по яйцам целится...») 164
- «Ох, ему и всыпали по первое...» (Вальс-баллада про тещу
из Иванова) 132
- Ошибка («Мы похоронены где-то под Нарвой...») 74
- Падение Парижа («Скажите, вам бывает страшно?...») 313
- Памяти Б. Л. Пастернака («Разобрали венки на веники...») 113
- Памяти Живаго («Опять над Москвою пожары...») 60
- Пейзаж («Все было пасмурно и серо...») 238
- «Первача я взял ноль-восемь, взял халвы...» (Право на отдых) 177
- Первая песенка шута («Встречаемые "Осанною"...)» 301
- Переселение душ («Не хочу посмертных антраша...») 63
- Песенка ведьмы («Скачи, солдатик, как блоха...») 303
- Песенка о Диком Западе, или письмо в Москву,
переправленное с оказией («Вы на письма слез
не капайте...») 275
- Песенка про красного петуха («Мы дождемся, чтоб скучный
закат потух...») 269
- Песенка-молитва, которую надо прочесть перед самым отлетом
(«Когда — под крылом — добежит земля») 69
- Песня баллада про генеральскую дочь («Он был титулярный
советник...») 107
- Песня исхода («Уезжаете?! Уезжайте...») 67
- Песня о ночном полете («Ах, как трудно улетают люди...») 72

- Песня о последней правоте («Подстилала удача соломки...») 92
- Песня о прекрасной даме (Женский вальс) («Как мне странно, что ты жена...») 81
- Песня о синей птице («Был я глупый тогда и сильный...») 87
- Песня о Тбилиси («Я не сумел понять Тебя в тот раз...») 168
- Песня об отчем доме («Ты не часто мне спишься, мой Отчий Дом...») 241
- Песня про велосипед («Ах, как мне хотелось, мальчонке...») 133
- Песня про майора Чистова («Я спросонья вскочил — патлат...») 101
- Песня про несчастливых волшебников, или эйн, цвей, дрей! («Жили-были несчастливые волшебники...») 128
- Песня про острова («Говорят, что есть на свете острова...») 79
- Песня про счастье («Ты можешь найти на улице копейку...») 168
- Песня слуг («— Когда король без денег...») 303
- Песня («Телефон, нишкни, замолкни!...») 142
- Песок Израиля («Видишь...») 274
- Петербургский романс («...Быть бы мне поспокойней...») 54
- Письмо в семнадцатый век («Уж так ли безумно намеренье...») 231
- Плач Дарьи Коломийцевой по поводу запоя ее супруга Клима Петровича («...Ой, доля моя жалкая...») 283
- Плясовая («Чтоб не бредить палачам по ночам...») 101
- «По замоскворецкой Галилее...» (Притча) 246
- По образу и подобию... («Начинается день и дневные дела...») 185
- «По рисунку палешанина...» (Гусарская песня) 111
- «По стеклу машины перед глазами шофера...» (Юз) 135
- «Повстречала девчонка бога...» (Цыганский романс) 125
- «Под утро, когда устанут...» (После вечеринки) 173
- «Подевались куда-то сны...» (Для левой руки; Упражнения для правой и левой руки (3), 2) 265
- «Подстилала удача соломки...» (Песня о последней правоте) 92
- Поезд («Ни гневом, ни порицанием...») 75
- «Покатались всячины и разности...» (Бессмертный Кузьмин) 93
- «Поколение обреченных!...» (Вальс, посвященный уставу караульной службы) 57
- «Получил персональную пенсию...» (Заклинание) 96
- «Полцарства в крови, и в развалинах век...» (Съезду историков) 130
- «Понеслись кувыркком, кувыркком...» 306
- «Понимая, что нет в оправданиях смысла...» (Век нынешний и век минувший) 170
- «По-осеннему деревья налегке...» (Запой под Новый год) 170
- «...Попробуйте в цехе найти чувака...» (Из речи на встрече с интеллигенцией; Избранные отрывки из выступлений Клима Петровича, 1) 277
- После вечеринки («Под утро, когда устанут...») 173

- <Последняя песня> («За чужую печаль...») 320
 «Посошок напоследок...» (Вечный транзит) 272
 Поэма о Сталине («Все шло по плану, но немножко наспех...») 207
 Право на отдых («Первача я взял ноль-восемь,
взял халвы...») 177
 Предостережение («Ой, не шейте вы, еврей, ливреи...») 78
 Признание в любви («Я люблю вас — глаза ваши, губы
и волосы...») 235
 «Прилетает по ночам ворон...» 145
 Притча («По замоскворецкой Галилее...») 246
 Про маяров, истопника и теорию относительности («Чувствуем
с напарником — ну и ну...») 159
 «Протрубили трубаچی тревогу!..» (Комсомольская песня) 299
 Прощание с гитарой (Подражание Аполлону Григорьеву)
(«Осенняя, простудная...») 138
 Прощание славянки («Снова даль предо мной неоглядная...») 310
 Прощание («За высокими соснами виден забор...») 239
 «...Прямо, думал я одно — быть бы живу...» (О том, как Клим
Петрович восстал против экономической помощи
слаборазвитым странам) 285
 Псалом («Я вышел на поиски Бога...») 247
 «Разведем по ветру подмоченный порошок...» (Баллада
о чистых руках) 189
 Разговор с музой («Наплевать, если сгину в какой-то
Инте...») 141
 «Разобрали венки на веники...» (Памяти Б. Л. Пастернака) 113
 Рассказ, который я услышал в привокзальном шалмане
(«Нам сосиски и горчицу...») 179
 «Растаял шибутной растяпа-снег...» (Мартовские стихи) 314
 Реквием по неубитым («Шесть с половиной миллионов...») 181
 Русские плачи («На лесные урочища...») 242
 «С севера, с острова Жестева...» (Летят утки) 110
 Салонный романс («...Мне снилось, что потом...») 127
 Священная весна («Собирались вечерами зимними...») 230
 «Сердце мое заштопано...» (Я выбираю свободу) 66
 Сердце, молчи... («Сердце, молчи...») 299
 «Скажите, вам бывает страшно?...» (Падение Парижа) 313
 «Скачи, солдатик, как блоха...» (Песенка ведьмы) 303
 Скерцо для обеих рук («Какие нас ветры сюда занесли...»;
Упражнения для правой и левой руки (3), 3) 266
 Слава героям («У лошади была грудная жаба...») 175
 «Словно слезы, по стеклу этот дождь...» (Тебе) 319
 Слушая Баха («На стене прозвенела гитара...») 257
 Смерть Ивана Ильича («Врач сказал: "Будь здоров!
Паралич!"...») 174
 Снова август («В той злой тишине, в той неверной...») 115
 «Снова даль предо мной неоглядная...» (Прощание
славянки) 310

- «Собаки бывают — дуры...» (Абсолютно ерундовая песня (Антипесня)) 307
- «Собирались вечерами зимними...» (Священная весна) 230
- «Спи, Семен, спи...» (О том, как Клим Петрович сочинил научно-фантастическую колыбельную, укачивая своего племянника — Семена, Клавкиного сына) 280
- «Спрашивает мальчик — почему?...» (Спрашивайте, мальчишки!) 73
- Спрашивайте, мальчишки! («Спрашивает мальчик — почему?...») 73
- Старательский вальсок («Мы давно называемся взрослыми...») 53
- Старая песня («Бились стрелки часов на слепой стене...») 266
- «Старики управляют миром...» (Неоконченная песня) 63
- Старый принц («Карусель городов и гостиниц...») 83
- Счастье было так возможно («Когда собьет меня машина...») 174
- Съезду историков («Полцарства в крови, и в развалинах век...») 130
- Так жили поэты («В майский вечер, пронзительно дымный...») 131
- «Там, в заоблачной стране...» 318
- Тебе («Словно слезы, по стеклу этот дождь...») 319
- «Телефон, нишкни, замолкни!..» (Песня) 142
- «То ли шлюха ты, то ли странница...» (Командировочная пастораль) 154
- «Ты можешь найти на улице копейку...» (Песня про счастье) 168
- «Ты не часто мне снишься, мой Отчий Дом...» (Песня об отчем доме) 241
- «Ты прокашляйся, февраль, прометелься...» (Для левой руки; Упражнения для правой и левой руки (1), 2) 240
- «У жене моей спросите, у Даши...» (О том, как Клим Петрович выступал на митинге в защиту мира) 278
- «У лошади была грудная жаба...» (Слава героям) 175
- «Ударение, ударение...» (О пользе ударений) 318
- «Уезжаете?! Уезжайте...» (Песня исхода) 67
- «Уж так ли безумно намеренье...» (Письмо в семнадцатый век) 231
- «Уж это не случится никогда...» (Майские стихи) 315
- «Упали в сон победители...» (Марш мародеров) 267
- «Установлены сроки и цены...» (Виновники найдены) 80
- Уходят друзья («Уходят, уходят, уходят друзья...») 76
- «Уходят, уходят, уходят друзья...» (Уходят друзья) 76
- Фантазии на русские темы для балалайки с оркестром и двух солистов — тенора и баритона («Королевич, да и только...») 104
- Фарс-гиньоль («Все засранцы, все нахлебники...») 187
- Фестиваль песни в Сопоте в августе 1969 («Над черной пажитью разрухи...») 163

- «...Хоть иногда подумай о других!..» (Для правой руки;
Упражнения для правой и левой руки (2), 1) 252
- «Худо было мне, люди, худо...» (Черновик эпитафии) 139
- Цыганский романс («Повстречала девчонка бога...») 125
- Черновик эпитафии («Худо было мне, люди, худо...») 139
- Чехарда с буквами («В Петрограде, в Петербурге, в Ленинграде,
на Неве...») 89
- <Читая «Литературную газету»> («Играет ветер пеною...») 320
- «Чтоб не бредить палачам по ночам...» (Плясовая) 101
- «Чувствуем с напарником — ну и ну...» (Про маляров,
истопника и теорию относительности) 159
- «Шел дождь, скрипело мироздание...» 308
- «Шел корабль из далекой Австралии...»
(Баллада о Фрези Грант) 300
- «Шесть с половиной миллионов...» (Реквием по неубитым) 181
- «Это вовсе не дом — Храм!..» (Из «Норвежского дневника») 309
- Юз («По стеклу машины перед глазами шофера...») 135
- «Я в путь собирался всегда налегке...» 82
- Я выбираю свободу («Сердце мое заштопано...») 66
- «Я вышел на поиски Бога...» (Псалом) 247
- «Я запер дверь (ищи-свищи!)...» (Для обеих рук;
Упражнения для правой и левой руки (2), 3) 253
- «Я люблю вас — глаза ваши, губы и волосы...» (Признание
в любви) 235
- «Я научность марксистскую пестовал...» (Баллада о прибавочной
стоимости) 193
- «Я не сумел понять Тебя в тот раз...» (Песня о Тбилиси) 168
- «Я не чикался на курсах, не зубрил сопромат...» (Я принимаю
участие в научном споре...) 160
- Я принимаю участие в научном споре... («Я не чикался на
курсах, не зубрил сопромат...») 160
- «Я спросонья вскочил — патлат...» (Песня про майора
Чистова) 101
- «Я считал слонов и в нечет и в чет...» (Еще раз о чёрте) 103
- «Я, товарищи, скажу помаленьку...» 307

СОДЕРЖАНИЕ

Началось все дело с песенки... *Вступ. статья В. Бетаки* 5

СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ

ПОКОЛЕНИЕ ОБРЕЧЕННЫХ

Я ВЫБИРАЮ СВОБОДУ

1. Старательский вальсок	53
2. Петербургский романс	54
3. Закон природы (Подражание Беранже)	56
4. Вальс, посвященный уставу караульной службы	57
5. Памяти Живаго	60
6. Колыбельный вальс	62
7. Переселение душ	63
8. Неоконченная песня	63
9. Ночной дозор	64
10. Я выбираю свободу	66
11. Песня исхода	67
12. Песенка-молитва, которую надо прочесть перед самым отлетом	69
13. Без названия («Вот пришли и ко мне седины...»)	70
14. Песня о ночном полете	72
15. Спрашивайте, мальчики!	73
16. Ошибка	74
17. Поезд	75
18. Уходят друзья	76
19. Засыпая и просыпаясь	78
20. Предостережение	78
21. Песня про острова	79
22. Виновники найдены	80
23. Песня о прекрасной даме (Женский вальс)	81
24. «Я в путь собирался всегда налегке...»	82
25. Старый принц	83
26. «Когда-нибудь дошлый историк...»	84

ОБЛАКА ПЛЫВУТ В АБАКАН

27. Облака	86
28. Песня о синей птице	87
29. Левый марш	88
30. Чехарда с буквами	89
31. Все не вовремя	90
32. Песня о последней правоте	92

33. Бессмертный Кузьмин	93
34. Заклинание	96
35. Желание славы	97
36. Песня про майора Чистова	101
37. Плясовая	101
38. Еще раз о чёрте	103
39. Фантазии на русские темы для балалайки с оркестром и двух солистов — тенора и баритона	104
40. Песня баллада про генеральскую дочь	107

«ЭРИКА» БЕРЕТ ЧЕТЫРЕ КОПИИ

41. Летят утки	110
42. Гусарская песня	111
43. Памяти Б. Л. Пастернака	113
44. Снова август	115
45. На сопках Манчжурии	117
46. Легенда о табаке	120
47. Возвращение на Итаку	123
48. Цыганский романс	125
49. Салонный романс	127
50. Песня про несчастливых волшебников, или эйн, цвей, дрей!	128
51. Съезду историков	130
52. Так жили поэты	131
53. Вальс-баллада про тещу из Иванова	132
54. Песня про велосипед	133
55. Юз	135
56. «От беды моей пустяковой...»	135
57. «Кошачьими лапами вербы...»	137
58. Прощание с гитарой (Подражание Аполлону Григорьеву)	138
59. Черновик эпитафии	139
60. Разговор с музой	141
61. Песня («Телефон, нишкни, замолкни!...»)	142
62. Мы не хуже Горация	143
63. «Прилетает по ночам ворон...»	145

ЖУТКОЕ СТОЛЕТИЕ

64. Красный треугольник	146
65. Веселый разговор	148
66. Городской романс (Тонечка)	150
67. Леночка	151
68. Командировочная пастораль	154
69. Композиция № 27, или троллейбусная абстракция	155
70. История одной любви, или как это все было на самом деле (Рассказ закройщика)	156
71. Про маляров, истопника и теорию относительности	159
72. Я принимаю участие в научном споре	160

73. Жуткое столетие	161
74. Фестиваль песни в Сопоте в августе 1969	163
75. Отрывок из радио-телевизионного репортажа о футбольном матче между сборными командами Великобритании и Советского Союза	164
76. Горестная ода счастливому человеку	166
77. Песня про счастье	168
78. Песня о Тбилиси	168
79. Век нынешний и век минувший	170
80. Запой под Новый год	170
81. Новогодняя фантазмагория	172
82. После вечеринки	173
83. Счастье было так возможно	174
84. Смерть Ивана Ильича	174
85. Слава героям	175
86. Больничная цыганочка	175
87. Право на отдых	177
88. Рассказ, который я услышал в привокзальном шалмане ..	179
89. Реквием по неубитым	181
90. За семью заборами	183
91. По образу и подобию ..	185
92. Фарс-гиньоль	187

БАЛЛАДЫ

93. Баллада о чистых руках	189
94. Баллада о вечном огне	190
95. Баллада о прибавочной стоимости	193
96. Баллада о том, как едва не сошел с ума директор антикварного магазина № 22 Копылов Н. А., рассказанная им самим доктору Беленькому Я. И.	196
97. Королева материка (Лагерная баллада, написанная в бреду)	198
98. Баллада о сознательности	201
99. Баллада о стариках и старухах ..	204
100. Баллада о том, как одна принцесса раз в два месяца приходила ужинать в ресторан «Динамо»	205

ПОЭМЫ

101. Поэма о Сталине	207
102. Кадиш	217

КОГДА Я ВЕРНУСЬ

103. «Когда я вернусь...»	229
---------------------------------	-----

СЕРЕБРЯНЫЙ БОР

104. Священная весна	230
----------------------------	-----

105. Письмо в семнадцатый век	231
106. Номера	234
107. Признание в любви	235
108. Пейзаж	238
109. Прощание	239

ОТЧИЙ ДОМ

110—112. Упражнения для правой и левой руки	
1. Для правой руки («Весь год — не валко и не шатко...»)	240
2. Для левой руки («Ты прокашляйся, февраль, прометелься...»)	240
3. Для обеих рук («Кто безгласных разводит рыбок...»)	241
113. Песня об отчем доме	241
114. Русские плачи	242
115. Кумачовый вальс	245
116. Притча	246
117. Псалом	247
118. Занялись пожары	248
119. Заклинание добра и зла	250

ОПЫТЫ

120—122. Упражнения для правой и левой руки	
1. Для правой руки («...Хоть иногда подумай о других!...»)	252
2. Для левой руки («Как могу я не верить в дурные пророчества...»)	252
3. Для обеих рук («Я запер дверь (ищи-свищи!)...»)	253
123. Острова	254
124. Опыт ностальгии	255
125. Слушая Баха	257
126. Воспоминание об Одессе	258
127. Вальс Его Величества, или размышление о том, как пить на троих	260
128. Опыт прощанья	262
129. Опыт отчаянья	263
130. Без названия («Ей страшно. И душно. И хочется лечь...»)	264

ДИКИЙ ЗАПАД

131—133. Упражнения для правой и левой руки	
1. Для правой руки («В этом мире Великого Множества...»)	265
2. Для левой руки («Подевались куда-то сны...»)	265
3. Скерцо для обеих рук («Какие нас ветры сюда занесли...»)	266

134. Старая песня	266
135. Марш мародеров	267
136. Песенка про красного петуха	269
137. Олимпийская сказка	270
138. Вечный транзит	272
139. Бирюльки (Авангардный этюд)	274
140. Песок Израиля	274
141. Песенка о Диком Западе, или письмо в Москву, переправленное с оказией	275

КОЛОМИЙЦЕВ В ПОЛНЫЙ РОСТ

142—143. Избранные отрывки из выступлений Клим Петровича	
1. Из речи на встрече с интеллигенцией	277
2. Из беседы с туристами из Западной Германии	277
144. О том, как Клим Петрович выступал на митинге в защиту мира	278
145. О том, как Клим Петрович сочинил научно- фантастическую колыбельную, укачивая своего племянника — Семена, Клавкиного сына	280
146. О том, как Клим Петрович добивался, чтобы его цеху присвоили звание «Цеха коммунистического труда», и не добившись этого — запил	281
147. Плач Дарьи Коломийцевой по поводу запоя ее супруга Клим Петровича	283
148. О том, как Клим Петрович восстал против экономической помощи слаборазвитым странам	285
149. Вечерние прогулки (Маленькая поэма)	287

СТИХОТВОРЕНИЯ, НЕ ВОШЕДШИЕ В ПРИЖИЗНЕННЫЕ СБОРНИКИ

ПЕСНИ ИЗ СПЕКТАКЛЕЙ И КИНОФИЛЬМОВ

150. Комсомольская песня	299
151. Сердце, молчи... ..	299

Из кинофильма «Бегущая по волнам»

152. Баллада о Фрези Грант	300
153. «Всё наладится, образуется...»	301
154. Первая песенка шута	301

Из кинофильма «Старая, старая сказка»

155. Дорожная	302
156. Песенка ведьмы	303
157. Песня слуг	303

СТИХОТВОРЕНИЯ И ПЕСНИ РАЗНЫХ ЛЕТ

158. «Лают азиатские собаки...»	305
159. «Благословенность одиночества!..»	305
160. «Вот он скачет, витязь удалой...»	306
161. «Понеслись кувыркком, кувыркком...»	306
162. Абсолютно ерундовая песня (Антипесня)	307
163. «Я, товарищи, скажу помаленьку...»	307
164. «Шел дождь, скрипело мироздание...»	308
165. Из «Норвежского дневника»	309
166. Прощание славянки	310
167. «А было недавно, а было давно...»	311
168. «Облетают листья в ноябре...»	312
169. Падение Парижа	313
170. Мартовские стихи	314
171. Майские стихи	315
172. Блюз для мисс Джейн	316
173. «Говорят, пошло с Калиты...»	317
174. О пользе ударений	318
175. «Там, в заоблачной стране...»	318
176. Тебе («Словно слезы, по стеклу этот дождь...»)	319

ПОСЛЕДНИЕ СТИХИ

177. <Читая «Литературную газету»>	320
178. <Последняя песня>	320
Другие редакции	325
Примечания	333
Алфавитный указатель произведений	363

А. Галич

Стихотворения и поэмы / Вступ. статья, сост., подг. текста и примеч. В. Бетаки — СПб.: Академический проект, Издательство ДНК, 2006 — 384 с. (Новая Библиотека поэта)

Александр Галич — это целая эпоха, короткая и трагическая эпоха прозрения и сопротивления советской интеллигенции 1960—1970-х гг. Разошедшиеся в сотнях тысяч копий магнитофонные записи песен Галича по силе своего воздействия, по своему значению для культурного сознания этих лет, для мучительного «взросления» нескольких поколений и осознания ими современности и истории могут быть сопоставлены с произведениями А. Солженицына, Ю. Трифонова, Н. Мандельштам. Подготовленное другом и соратником поэта практически полное собрание стихотворений Галича позволяет лучше понять то место в истории русской литературы XX века, которое занимает этот необычный поэт, вместе с В. Высоцким и Б. Окуджавой преобразивший «городской романс» в новый жанр высокой поэзии. В подавляющем большинстве случаев в издании приняты в расчет только печатные источники произведений Галича, что отвечает принципиальной установке на то, чтобы представить читателю именно *поэта*, а не «барда».

Художник *В. В. Еремин*
Художественный редактор *В. Г. Бахтин*
Верстка *Е. Ф. Шараевой*
Корректор *О. И. Абрамович*

Подписано в печать 10.04.2006. Формат 84×108/32
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура Балтика.
Усл. п. л. 30. Уч. изд. п. л. 25. Тираж 1000 экз. Заказ № 3

Гуманитарное агентство «Академический проект»
ЛР № 066191 от 27.11.1998
194044, Санкт-Петербург, ул. Смольячкова, 4/2, офис 505.

ООО «Издательство ДНК»
ЛР № 02716 от 30.08.2000
194044, Санкт-Петербург, ул. Смольячкова, 4/2, офис 505.

Отпечатано с готовых диапозитивов
в типографии «Триумф»
194044, г. Санкт-Петербург, ул. Чугунная, д. 14

